

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

1  $\frac{02 - 9}{14 - 8}$

Александр Пыжиков

Александр Данилов

# РОЖДЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ

1945—1953 годы



Москва  
«ОЛМА-ПРЕСС»  
2002

ББК 63.3(2)631  
П 94

РОССИЙСКАЯ  
ГОСУДАРСТВЕННАЯ  
БИБЛИОТЕКА  
2002

Исключительное право публикации книги А. Пыжикова, А. Данилова «Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы» принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС». Выпуск произведения или его части без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.



2002048374

**Пыжиков А. В., Данилов А. А.**

П 94 Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 319 с.: ил. — (Досье).

ISBN 5-224-03309-8

В книге рассматривается важнейший этап истории советского общества — период 1945—1953 годов. Анализируя различные аспекты внешней и внутренней политики СССР, авторы делают попытку комплексной оценки послевоенного советского общества.

Исследование построено на уникальных архивных документах, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Широкая источниковая база позволила уточнить целый ряд вопросов международной политики страны, функционирования партийно-государственной власти, идеологической системы и т. д.

ББК 63.3(2)361

## Введение

Послевоенный СССР всегда привлекал внимание специалистов и читателей, интересующихся прошлым нашей страны. Победа советского народа в самой страшной войне в истории человечества стала звездным часом России XX века. Но вместе с тем она стала и важным рубежом, обозначившим наступление новой эры — эпохи послевоенного развития.

Так получилось, что первые послевоенные годы (май 1945 — март 1953 гг.) оказались «обделенными» в советской историографии. В эти годы появились немногочисленные работы, превозносящие мирный созидательный труд советского народа в годы четвертой пятилетки, но не раскрывавшие, естественно, даже сути этой стороны социально-экономической и политической истории советского общества. После же смерти Сталина в марте 1953 г. и последовавшей волны критики «культы личности» даже этот сюжет оказался исчерпанным и вскоре забытым. Что же касается взаимоотношений власти и общества, выработки послевоенного социально-экономического и политического курса, новаций и догм во внешней политике, то эти темы так и не получили своего развития в советской историографии. В последующие годы сюжеты первых послевоенных лет получили отра-

жение лишь в многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», да и то фрагментарно, под углом зрения концепции «восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны».

Лишь в конце 80-х годов публицисты, а затем и историки обратились к этому сложному и краткому периоду истории страны для того, чтобы взглянуть на него по-новому, попытаться разобраться в его специфике. Однако отсутствие архивных источников, а также «разоблачительский» настрой привели к тому, что место одной полуправды весьма скоро заняла другая.

Что же касается изучения «холодной войны» и ее последствий для советского общества, то эти проблемы не были подняты и в тот период.

Прорывом в изучении послевоенного СССР стали 90-е годы, когда оказались доступными архивные фонды высших органов государственной власти и, что особенно важно, многие документы высшего партийного руководства. Открытие материалов и документов по истории внешней политики СССР привело к появлению серии публикаций по истории «холодной войны».

В 1994 г. Г. М. Адибеков издал монографию, посвященную истории Информационного бюро коммунистических партий (Коминформа) и его роли в политическом развитии восточноевропейских стран в первые послевоенные годы<sup>1</sup>.

В сборнике статей, подготовленном учеными Института всеобщей истории РАН «Холодная война. Новые подходы. Новые документы»<sup>2</sup> получили развитие такие новые для исследователей темы, как советская реакция на «план Маршалла», эволюция советской политики в германском вопросе в 40-е годы, «иранский кризис» 1945—1946 гг. и др.

Все они были написаны на основе новейших документальных источников, выявленных в закрытых прежде партийных архивах.

В том же году вышел в свет и сборник статей, подготовленный Институтом российской истории РАН «Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение»<sup>3</sup>. В нем наряду с раскрытием частных аспектов истории «холодной войны» были напечатаны статьи, в которых раскрывались доктринальные основы советской внешней политики в эти годы, выяснялись международные последствия корейской войны, прослеживались особенности партийного руководства внешней политикой СССР.

Тогда же появился и сборник статей «СССР и „холодная война“»<sup>4</sup> под редакцией В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара, в котором впервые последствия «холодной войны» исследовались не только с точки зрения внешней политики СССР и Запада, но и в связи с тем влиянием, которое оказало это противостояние на внутренние процессы, проходившие в советской стране: эволюцию властных структур, развитие промышленности и сельского хозяйства, советского общества и т. п.

Представляет интерес работа коллектива авторов, объединенная в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» под редакцией Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука<sup>5</sup>. В ней рассматриваются различные аспекты внешней и внутренней политики СССР в послевоенный период. Можно констатировать, что осмысление многих вопросов проведено здесь на достаточно высоком исследовательском уровне. Заметно продвинулось вперед понимание развития военно-промышленного комплекса, специфики идеологического функционирования власти.

В 1996 г. вышла в свет монография В. Ф. Зимы, посвященная голоду в СССР и его последствиям в 1946—1947 гг.<sup>6</sup>. В ней получили отражение и различные аспекты социально-экономической политики сталинского руководства СССР в первые послевоенные годы.

Важный вклад в изучение становления и функционирования советского военно-промышленного комплекса, его места и роли в системе взаимоотношений между властью и обществом внес Н. С. Симонов, подготовивший наиболее полную на сегодняшний день монографию по данной проблематике<sup>7</sup>. Он показывает в ней возрастающую роль «командиров военного производства» в системе власти в СССР в послевоенный период, выделяет приоритетные направления роста военного производства в этот период.

Ведущим специалистом в области комплексного анализа экономического развития СССР в послевоенные годы и разработки государственной политики в этой области показал себя в эти годы В. П. Попов, опубликовавший серию интересных статей, а также сборник документальных материалов, получивших высокую оценку научной общественности. Обобщающим результатом его многолетней работы стала докторская диссертация и монография по этим вопросам<sup>8</sup>.

В 1998 г. вышла в свет монография Р. Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945—1991»<sup>9</sup>. В ней автор на уникальных документах показывает особенности эволюции властных институтов в первые послевоенные годы, утверждает, что сложившаяся в эти годы система власти может рассматриваться как классическая советская (или сталинская).

Известным специалистом по истории реформи-

рования советского общества в первые послевоенные десятилетия зарекомендовала себя Е. Ю. Зубкова. Плодом ее многолетней работы по изучению настроений и повседневного быта людей стала докторская диссертация и монография «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг.»<sup>10</sup>.

Несмотря на выход в свет за последнее десятилетие перечисленных трудов, следует признать, что разработка истории первых послевоенных лет советского общества только начинается. Более того, пока отсутствует единое концептуально однородное историческое произведение, в котором был бы предпринят комплексный анализ накопившихся источников по всему спектру социально-экономической, общественно-политической, внешнеполитической истории советского общества в первые послевоенные годы.

Какие же источники стали доступны ученым в последние годы?

Некоторые исследователи (в том числе авторы данной монографии) получили возможность работать в Архиве президента РФ (бывший Архив Политбюро ЦК КПСС). Здесь сосредоточен богатейший материал по всем аспектам внутренней и внешней политики советского государства и его высшего руководства, личные фонды лидеров КПСС. Записки членов Политбюро по конкретным вопросам экономического развития, внешней политики и т. п. позволяют проследить, вокруг каких проблем послевоенного развития разгорались споры в руководстве, какие пути решения тех или иных проблем предлагались ими.

Особую ценность имеют документы личного фонда И. В. Сталина, вобравшие в себя не только его переписку, но и все основные решения Полит-

бюро и Совета Министров СССР — ключевых институтов государственной власти. Авторами была изучена история болезни вождя, проливающая свет на недоступные для исследователя страницы истории власти, политической борьбы в высших сферах партийного и государственного руководства в первые послевоенные годы.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) авторы изучали документы высших органов государственной власти — Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР, ряда министерств. Большую помощь в работе над монографией оказали документы «особых папок» И. В. Сталина, Л. П. Берии, В. М. Молотова, Н. С. Хрущева, где содержатся особо важные материалы по вопросам внутренней и внешней политики.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) авторами изучены многочисленные дела с протоколами Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), Оргбюро ЦК, ряда отделов (ф. 17). Особое место заняли документы из фондов И. В. Сталина (ф. 558), А. А. Жданова (ф. 77), В. М. Молотова (ф. 82), Г. М. Маленкова (ф. 83), содержащие уникальные документы и материалы по ключевым вопросам внутренней и внешней политики.

Особое место заняли документы переписки Сталина с высшим партийным руководством в период его отпусков 1945—1951 гг. Именно эти документы и рабочие материалы к ним позволяют проследить то, что до сих пор оказывалось недоступным для исследователей — механизмы принятия ключевых политических решений в вопросах внутренней и внешней политики.

Отдельные материалы были отобраны авторами



в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В их числе большое значение имеют стенограммы (особенно направленные) съездов ВКП (б) и пленумов ее ЦК, особенно мартовского 1946 г.

Большую пищу для размышлений и авторского анализа имели воспоминания участников событий тех лет — В. М. Молотова, А. И. Микояна, Н. С. Хрущева, С. И. Аллилуевой, И. С. Конева, А. Г. Маленкова, С. Л. Берии, П. К. Пономаренко, Н. С. Патоличева и др.

Авторы полагают, что методологически неоправданным является вывод, традиционный для литературы прежних лет, о том, что главным содержанием первого послевоенного периода стало «восстановление и развитие народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки». Главным было другое — стабилизация политического режима, сумевшего в годы войны не только сохраниться, но и заметно окрепнуть. В то же время отсутствие легитимных механизмов передачи высшей власти неизбежно вело к усилению борьбы за власть между различными группировками и конкретными лицами. Это особенно отчетливо видно в изучаемый период, когда стареющий вождь все чаще отправлял в опалу прежних любимцев и выдвигал новых. Поэтому при изучении механизмов власти в 1945—1953 гг. мы исходили из того, что наряду с конституционными и уставными органами необходимо тщательное изучение тех, которые нигде не были официально оговорены, но играли ключевую роль при принятии наиболее важных решений. Таковыми были «пятерки», «семерки», «девятки» в рамках Политбюро в 1945—1952 гг. и Бюро Президиума ЦК КПСС в 1952—1953 гг. На конкретных примерах и документах в монографии показано,

как и почему произошли перемены в руководстве страны в 1946—1949 гг., чем можно объяснить стремительный взлет и не менее стремительное падение «ленинградской группы», в чем причины непотопляемости тандема Маленков—Берия. На основе изученных документов авторы утверждают, что лишь смерть Сталина остановила новую волну смены высшего руководства весной 1953 г. Тем больше вопросов вызывают обстоятельства последней болезни и смерти Сталина, о чем также в книге дается принципиально новая оценка на основе абсолютно закрытых прежде документов.

В монографии дается развернутая характеристика изменившегося после войны положения СССР в мире. Авторы отходят от традиционной для прежних публикаций оценки, согласно которой виновником развязывания «холодной войны» выступал Запад. Вместе с тем они не разделяют и позиций тех историков, которые возлагают ответственность за многолетнюю конфронтацию исключительно на сталинское руководство страны. Документы показывают, что истоки «холодной войны» лежат в принципиально различных национальных интересах СССР и стран Запада, оформившихся еще на заключительном этапе Второй мировой войны. Расхождение позиций союзников было неизбежным. Оно лишь могло иметь иные формы.

В монографии отмечается, что рубежом в отношениях Восток—Запад стал 1947 год, после которого ставка на военную силу в отношениях между бывшими союзниками стала главным инструментом политики. Не исключал новой войны с Западом (на этот раз с США) и Сталин, развернувший в конце 40-х годов широкомасштабную военную подготовку к грядущему столкновению.

Этому главному вектору было подчинено и раз-

витие экономики страны. Сверхмилитаризация практически всех отраслей хозяйства не могла не привести к усилению диспропорций в его развитии, а в перспективе — к краху советской экономической системы, основанной на внеэкономическом принуждении.

Вместе с тем вся вторая половина 40-х годов прошла под знаком экономических дискуссий и споров в научных кругах и в руководстве страны по вопросу о путях и направлении развития экономики. Не исключалось и ограниченное использование материальных стимулов к труду. Правда, следует отметить, что использование рыночных рычагов на всем протяжении советской истории никогда не носило стратегического характера. Они начинали применяться в условиях, когда традиционная советская экономическая модель не давала должной отдачи, а по мере насыщения товарного рынка они так же стремительно свертывались. Не было исключением и первое послевоенное время. Планировавшийся Н. А. Вознесенским акцент на легкую и пищевую, а не тяжелую промышленность так и не состоялся (хотя, как следует из документов, с таким подходом были согласны и противники Вознесенского — Маленков и другие, взявшие позже на вооружение этот стратегически верный лозунг).

В монографии показано, что стабилизация власти в ходе войны по-иному поставила вопрос о роли и назначении официальной идеологии, в которой наметилось определенное смещение акцентов. Значительно изменились и общественные настроения, связанные с ожиданием перемен к лучшему.

Данная работа, конечно, не претендует на то, чтобы отразить все многообразие имеющих на

сегодняшний день материалов и точек зрения на послевоенный СССР. Каждый из поднятых в ней сюжетов и направлений может стать темой конкретного специального исторического исследования.

Мы выражаем благодарность за помощь работникам архивов — С. В. Мироненко, Т. Г. Томилиной, К. М. Андерсону, Г. В. Горской, В. А. Лебедеву, А. П. Сидоренко, Н. А. Сидорову и др. Мы очень признательны за полезные и квалифицированные советы, оказавшие влияние на нашу работу над книгой, известным ученым — А. О. Чубарьяну, В. С. Лельчуку, Н. Б. Биккенину.

## Глава 1

# СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ

С завершением кровопролитнейшей в истории человечества войны сложился новый мировой порядок. Он характеризовался не только изменениями границ в Европе, Азии и Африке. Едва ли не главной его особенностью стала перегруппировка сил на мировой арене, связанная с разгромом крупнейших военных держав, — Германии, Японии и Италии.

Контуры послевоенного мирового устройства стали вырисовываться еще до Второй мировой войны, когда начались длительные и напряженные переговоры советского руководства с лидерами Германии. В ходе переговоров 1939—1940 гг. определились сферы интересов двух стран. СССР первоначально претендовал на территории Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, восточных районов Польши и Бессарабию. Но уже тогда имелось в виду и продвижение сферы интересов СССР в сторону Болгарии и черноморских проливов.

Усиление политической и военной активности СССР на Балканах не прошло незамеченным. Оно вызвало серьезную обеспокоенность в Турции, стремившейся получить гарантии великих держав в отношении своей территориальной целостности. Такие гарантии в сентябре 1939 г. ей предложила

Англия. Однако турецкий президент И. Иненю стремился добиться таких же гарантий и от СССР. Было предложено заключить советско-турецкий пакт о взаимной помощи. Для этого в Москву прибыл министр иностранных дел Турции Сараджоглу. 1 октября 1939 г. его приняли Сталин и Молотов. Уже тогда выяснилось, что СССР не желает давать никаких гарантий Турции в начавшейся войне. Отказ подписать пакт о взаимной помощи Молотов объяснял просто: «Против кого этот советско-турецкий пакт будет направлен? Заключать пакт против Германии мы не можем, против Италии — она является союзницей Германии. Против Болгарии — но она ведь не угрожает Турции»<sup>11</sup>. О гарантиях СССР о ненападении вообще не говорилось. Предвидя свою возможную договоренность с Германией по Болгарии, Сталин откровенно сказал Сараджоглу: «Я думаю, как бы... у нас с турками не вышло недоразумение, особенно из-за Болгарии»<sup>12</sup>. Стремясь разрушить англо-турецкую договоренность о противодействии возможной агрессии на Балканах, Сталин добился от Турции обещания не вмешиваться в боевые действия, если они возникнут на территории Румынии или Болгарии. «Если Болгария выступит против Турции, — заявил он, — тогда надо ее бить. Но почему надо бить Болгарию в остальных случаях?» Таким образом, эти «остальные случаи», в которых мог быть задействован СССР, вовсе не исключались советским руководством.

В ноябре 1940 г. в ходе переговоров в Берлине В. М. Молотова с лидерами Германии выяснилось, что советское руководство хотело бы расширить сферы своего влияния новыми территориями. В директивах Сталина Молотову на ведение этих переговоров отчетливо просматриваются контуры

возможных изменений мирового устройства. Теперь уже официально речь шла об особых интересах СССР на Балканах (Румыния и Болгария), в Турции (черноморские проливы), Иране. Было высказано также пожелание «обезопасить» для СССР выходы из Балтики в Северное море и тем самым проявлена заинтересованность советского руководства в Скагерраке и Каттегате. На этих условиях СССР был готов присоединиться к тройственному пакту<sup>13</sup>. Интересно, что так и не договорившись об этом, Москва тем не менее резко критиковала Германию за ввод ее войск в Болгарию в марте 1941 г., расценив это как «нарушение интересов безопасности СССР»<sup>14</sup>.

Нападение Германии на СССР положило начало формированию антигитлеровской коалиции. В ее рамках проблемы послевоенного мирового устройства занимали не менее важное место.

Уже в декабре 1941 г. на встрече в Москве с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом советское руководство выступило с новыми предложениями о территориальных изменениях после окончания войны. Главной задачей внешней политики советских лидеров было добиться согласия новых союзников на закрепление за СССР территорий, вошедших в его состав в 1939—1940 г. Вместе с тем список пожеланий советского руководства был достаточно большим. 16 декабря 1941 г. Сталин изложил свое видение послевоенных границ. В центре его внимания были границы Советского Союза. Кроме восстановления границ 1941 г. он поставил вопрос о включении Тильзита в состав советской Литвы, «возвращении» финского Петсамо Советскому Союзу, заключении союзного договора с Румынией и Финляндией (по которому там должна была

создаваться сеть военных баз СССР по примеру Прибалтики 1939—1940 гг.), отторжении от Болгарии Бургасского района («для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны»). В отношении других границ Сталин поставил вопрос о расчленении Германии (создании на ее территории независимых государств в Баварии, Рейнской области и др.). Стремясь заинтересовать Англию, он предлагал создание сети ее военных баз в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании, не забыв добавить, что это будет сделано лишь «при условии гарантии некоторыми державами (имелся в виду СССР) входов и выходов из Балтийского моря». Был поставлен вопрос о репарациях с Германии. Кроме этого, предлагалось создать «военный союз демократических государств» Европы, имеющий международную военную силу. Предлагалось также создание в Европе «государственных федераций». В их числе назывались Балканская федерация, Польско-чехословацкая федерация и др.<sup>15</sup>

По сути, Сталин предлагал Англии тот же вариант сотрудничества, который вплоть до начала Великой Отечественной войны он отработывал с Германией. Характерно, что такой же оставалась и тактика действий: закрепить эти договоренности Сталин предложил в секретных протоколах.

Однако Иден категорически отказался не только подписывать, но и обсуждать в деталях эти проекты. Он лишь поблагодарил Сталина за «столь подробное и откровенное изложение» его точки зрения, сославшись на то, что вопросы послевоенной реконструкции Европы не могут обсуждаться без участия американской стороны<sup>16</sup>. Под этим предлогом он отказался даже признать довоенные границы СССР (их окончательно признали лишь



на Ялтинской конференции в 1945 г. под влиянием решающих побед Красной Армии в Европе).

Все это вызвало у Сталина сильное раздражение и разочарование. Он, правда, справедливо полагал, что, возможно, обсуждать эти вопросы «еще не пришло время».

По мере наращивания военных успехов Красной Армии разработки о будущем мировом устройстве приобретали все более четкие контуры.

В январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с Молотовым. В рамках этой комиссии организовали три рабочие группы: одна готовила предложения по Западной и Северной Европе и Британской империи (А. Я. Вышинский и А. А. Соболев), другая — по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, Ближнему и Среднему Востоку (В. Г. Деканозов, Я. З. Суриц), третья — по Западному полушарию, Тихоокеанскому бассейну и Восточной Азии (С. А. Лозовский, К. А. Уманский).

Осенью 1943 г. были готовы детальные предложения советской стороны о послевоенном устройстве мира. В общих чертах они были доложены на Тегеранской встрече «большой тройки» (СССР, США и Англия) и показали, что советская сторона более подготовлена к обсуждению этих проблем, чем англо-американские союзники.

В январе 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский представил Молотову записку «О желательных основах будущего мира», в которой были окончательно сформулированы пожелания относительно границ и интересов СССР в послевоенном мире. Они сводились к следующему: включение в состав СССР района Петсамо,

возвращение СССР Южного Сахалина, передачу Курильских островов, обеспечение общей границы СССР с Чехословакией (за счет Польши или Румынии), заключение долгосрочных договоров с Финляндией и Румынией о предоставлении СССР военных баз на их территории, гарантии «свободного и удобного» использования транзитных путей через Иран к Персидскому заливу. Германию предлагалось раздробить на ряд независимых государств (с этим соглашались и лидеры США и Англии в Тегеране). Предлагалось восстановить Францию как «более или менее крупную европейскую державу», не возрождая ее военной мощи. Высказывалось стремление ликвидации диктаторских режимов в Испании и Португалии с заключением пакта о взаимной помощи и военного союза с Испанией. Было признано в интересах СССР способствовать созданию в Европе федераций — Дунайской, Балканской, Центрально-Европейской, Скандинавской и т. п. Подчеркивая необходимость независимой и жизнеспособной Польши, Майский в то же время отмечал, что «мы не заинтересованы в нарождении слишком большой и слишком сильной Польши» с учетом того, что Польша всегда была враждебна России. То же самое было высказано и в отношении Венгрии. Наоборот, предлагалось «стремиться к созданию сильной Чехословакии». Со всеми Балканскими странами предлагалось заключить договоры о взаимопомощи, а с Грецией (в силу особой заинтересованности в ней Англии) — тройственный пакт о взаимопомощи между Англией, СССР и Грецией по примеру Ирана. Развивая идеи создания английских (и, возможно, американских) баз в Норвегии, Майский считал необходимым добиваться также размещения там и советских баз. В то же время он предлагал согласиться с возмож-

ным протекторатом США над Исландией. Не было возражений и против возможного присоединения к Франции бельгийской Валлонии, а также размещения военных баз Англии в Бельгии и Голландии.

В отношении Турции предлагалось препятствовать ее усилению. С помощью советско-болгарского и советско-румынского пактов было признано целесообразным исключить ее влияние на балканские дела. Эту нишу, естественно, должен был занять СССР. В Иране предлагалось усилить советское проникновение при помощи «целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий»: создания советских больниц и школ для иранцев, изучения русского языка, оказания помощи в организации иранских вооруженных сил и др. На Ближнем Востоке планировалось укрепить советское влияние в сфере экономической, культурной и политической. Майский считал, что СССР не заинтересован в участии в войне с Японией, хотя, безусловно, должен добиваться ее военного разгрома. Главным итогом такого разгрома он справедливо считал укрепление позиций СССР в Китае.

Для обеспечения контроля за сохранением такого мирового порядка Майский предложил создать международную организацию, в которой решающая роль должна была принадлежать «большой четверке» — СССР, США, Англии и Китаю.

Справедливо полагая, что вся эта послевоенная конструкция будет устойчивой лишь в случае взаимопонимания между СССР, США и Англией, Майский предлагал следующую направленность советской внешней политики в послевоенный период: «Укрепление дружественных отношений с США и Англией; использование в советских интересах англо-американского противоречия с перс-

пективной все более тесного контакта с Англией; всемерное усиление советского влияния в Китае; превращение СССР в центр притяжения для всех подлинно демократических средних и малых стран и подлинно демократических элементов во всех странах, особенно в Европе; поддержание международной беспомощности Германии и Японии вплоть до того момента, когда и если эти страны обнаружат искреннее стремление к переходу на рельсы настоящей демократии и социализма»<sup>17</sup>.

Майского при этом ничуть не смущало главное противоречие — укрепление дружественных отношений с Англией и США при одновременном превращении СССР в «центр притяжения» коммунистических и других левых сил было невозможным.

Недоступные ранее архивные документы дают основание полагать, что имели место если не тайные договоренности, то, по крайней мере, доверительные беседы между лидерами «большой тройки», выходявшие за рамки официальных соглашений о послевоенном устройстве.

Осенью 1946 г. французская газета «Кавалькада» опубликовала текст неизвестного соглашения между Сталиным и Рузвельтом, якобы достигнутого в ходе их личных встреч в Тегеране и Ялте. В этом документе, в частности, говорилось: «Президент Соединенных Штатов Америки признает, что Советскому Союзу необходимо иметь выход в Средиземное море, так же как и необходимость эффективной гарантии его безопасности в районе Черного моря и Проливов»<sup>18</sup>. Главной причиной появления такого документа было то, что СССР понес большие потери в войне. Говорилось, что Сталин и Рузвельт договорились в Тегеране о предоставлении после войны долгосрочного американского кредита Советскому Союзу в размере

6 млрд долларов для нужд экономического развития и еще 4 млрд долларов для закупок продовольствия. США не возражали против заключения двусторонних соглашений СССР с Австрией, Польшей, Чехословакией, Румынией, Болгарией и Югославией при условии сохранения в этих странах демократического строя и их национальной независимости. Была зафиксирована и позиция по Средиземному морю и Проливам. В Ялте же, как следовало из документа, были оговорены вопросы компенсации со стороны Германии. В частности, предусматривалось изъятие немецкого промышленного оборудования, использование труда немецких военнопленных на восстановлении объектов СССР, мобилизация советским оккупационным командованием гражданских специалистов и рабочей силы (но не более чем на пять лет), демонтаж и перевозка в СССР всей военной промышленности советской зоны оккупации, передача СССР 75% всего оставшегося в Германии после войны промышленного оборудования. Согласие США давалось также на присоединение к СССР Восточной Пруссии и территориальные уступки от Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии.

По мнению публикаторов, эти договоренности явились основой послевоенного мирового устройства.

Обнародование этих материалов вызвало шоковую реакцию на Западе. В начале ноября 1946 г. главный директор европейской конторы «Интернейшнл ньюс сервис оф Америка» Кингсбери Смит направил запрос в адрес Молотова и Вышинского с просьбой прокомментировать данную публикацию. В свою очередь, Молотов направил информацию Сталину, в которой запрашивал, что именно следует ответить журналисту. Характерно,

что в своей телеграмме вождю Молотов никак не оценивал эту публикацию как «фальшивку».

Показательна и осторожная телеграмма Сталина, в которой он не отвергал самой идеи такой договоренности: «Я *не помню* (выделено авторами) чтобы мною и Рузвельтом было *подписано* (выделено авторами) какое-либо соглашение по этим вопросам. Но, *возможно* (выделено авторами), что в отдельных речах на конференции Трех что-либо в этом роде было обещано Рузвельтом и, возможно, что это обещание или речь зафиксированы в стенограмме, или даже в каком-либо протоколе»<sup>19</sup>. Сталин поручил Молотову навести справки и, в частности, использовать для этого своего переводчика Павлова. 9 ноября Молотов и Вышинский доложили Сталину, что никаких *письменных* соглашений и упоминаний в протоколах конференций об этом нет. Можно было вздохнуть спокойно и ответить мировой общественности в соответствующем духе.

Могла ли иметь место подобная договоренность в реальной действительности? Думается, вполне могла. Об этом свидетельствует не только осторожность Сталина в переписке на эту тему с Молотовым. Главное доказательство заключается в том, что все другие (кроме проблемы Проливов) компоненты либо были реализованы, либо переписка о них (в вопросе о кредитах и даже их размерах, например) велась со ссылкой на достигнутые прежде договоренности.

То же самое касается и вопроса о советской опеке над Триполитанией, возникшего сразу после окончания войны с Японией. Давая 16 сентября 1945 г. директиву Молотову на сессию совета министров иностранных дел в Лондоне, Сталин прямо указывал, что «следует нажать на ту сторону

дела, что американцы в Сан-Франциско обещали нам поддержать наши требования на получение подопечных территорий. Я имею в виду письмо Стеттиниуса. Этот аргумент нужно выставить выпукло»<sup>20</sup>. В ответ на такое согласие Сталин был готов ограничить советское военно-морское присутствие в Триполитании. Однако, идя вразрез с достигнутыми прежде договоренностями, США и Англия на лондонской встрече министров предложили лишь вариант совместной опеки всех союзников над Ливией, Эритреей и Итальянским Сомали. Непосредственное управление этими территориями должно было осуществлять конкретное лицо, назначаемое союзниками. Представители США и Англии потребовали также обосновать права СССР на опеку над Триполитанией. Интересно, что Молотов в этой связи отмечал, что «СССР имеет немалый опыт в практическом разрешении национального вопроса... Этот опыт мог бы быть с пользой применен в Триполитании»<sup>21</sup>. Кроме этого, он ссылаясь на необходимость создания благоприятных условий судоходства для советских судов в Средиземноморье.

Все это показывает, что даже при наличии зафиксированных или устных договоренностей по послевоенному мировому устройству США и Англия начали отход от этих договоренностей, едва умолкли бои в Европе и на Дальнем Востоке.

Чем это можно объяснить? Главным образом тем, что были достигнуты те цели, ради которых создавалась антигитлеровская коалиция, — Германия и Япония были повержены. Другой причиной было то, что каждая из сторон старалась интерпретировать прежние соглашения (если они не носили конкретного характера) в свою пользу. Наконец, с лета 1945 г. важнейшим фактором политики

США стала ядерная бомба, которая активно использовалась лидером США для давления на советскую сторону.

Причина быстрого расхождения вчерашних союзников, а затем и начала «холодной войны» заключалась не в коварных замыслах Трумэна или Сталина, а главным образом в конфликте интересов СССР и Запада. То, что они были у них различны, очевидно. Не менее важно было и взаимное недоверие. Потому нельзя говорить и о каком-либо одном «виновнике» развязывания «холодной войны». Ее «повивальными бабками» выступали как Восток, так и Запад.

СССР, внесший основной вклад в разгром фашистской Германии, превратился в одну из ведущих мировых держав, без которой стало невозможно решать проблемы практически ни в одном регионе мира. Противостояние между СССР и США стало носить глобальный характер. С этим не могли и не желали соглашаться американцы, не говоря уже об англичанах, которые воспринимали это исключительно как свидетельство экспансионистских намерений советского руководства.

Неизмеримо вырос международный авторитет СССР, который имел дипломатические отношения уже не с 26, а с 52 странами мира<sup>22</sup>. Победа над фашизмом, усиление влияния СССР в мире привели к росту левых партий и организаций в странах Европы, активизации их деятельности.

Становилось очевидно, что незавершенность и неоформленность происшедших после войны радикальных изменений в расстановке сил, неустойчивость их нового баланса подталкивали великие державы к тому, чтобы склонить его на свою сторону.

Одним из первых острых политических вопро-



сов послевоенного мира стал иранский кризис. Отношение к Ирану у советских лидеров оформилось еще на заре Советской власти. Суть этого подхода состояла в том, чтобы, опираясь на коммунистическое движение, установить республиканский строй в Иране, сделав его своим союзником. В ноябре 1920 г. Сталин докладывал Ленину из Владикавказа: «Состав Цека иранской компартии пришлось обновить, вместо Султан-заде и некоторых других членов введен старый персидский революционер Гейдар-хан и бакинские рабочие-персы. Дана директива перенести центр работы в Тавриз, как наиболее революционную область. Третье, в Персии возможна лишь буржуазная революция, опирающаяся на средние классы с лозунгами изгнания англичан из Персии, образование единого республиканского персидского государства, ныне разбитого на отдельные ханства... созыв Меджлиса (учредилка) с общими и равными выборами, образование национальной армии (где прежде всего должны утвердиться советисты), улучшение положения крестьян за счет ханов. Соответствующие указания даны иранским коммунистам»<sup>23</sup>.

В годы Второй мировой войны советское влияние в Иране усилилось. А после ее окончания у Сталина появился соблазн достичь тех результатов, о которых велись переговоры в Берлине еще в ноябре 1940 г.

Осенью 1945 г., опираясь на поддержку 4-й армии Вооруженных Сил СССР, в Северном Иране началось массовое движение азербайджанцев за воссоединение с Азербайджанской ССР. Для правдоподобности официальной советской версии о «подлинно народном» характере движения в Северном Иране (или, как его стали именовать в советских официальных документах, «Иранском

Азербайджане», «Южном Азербайджане») 6 сентября 1945 г. была образована Демократическая партия Азербайджана, основу которой составляли региональные организации партии Туде и рабочие союзы. Официально требования участников движения сводились к более широкой национальной и культурной автономии, в том числе и в вопросах представительства в иранском меджлисе. В историографии данной проблемы сложились две крайние точки зрения. Согласно одной, представленной прежде всего в американской литературе, за всеми этими событиями отчетливо прослеживалась «рука Москвы», стремившейся к разделу Ирана. Другая точка зрения, в основе которой, по сути, лежала официальная позиция Москвы, сводилась к тому, что все происходившее в Иране осенью 1945 — весной 1946 гг. было исключительно спонтанным движением самих иранцев и Москва здесь совсем (или почти совсем) ни при чем. Главным же интересом для СССР в иранском вопросе была якобы проблема получения нефтяной концессии в Иране<sup>24</sup>. Документы показывают, что эта «нефтяная проблема» была лишь формальным поводом, пробным камнем в политике СССР в Иране. Главной целью было усиление советского экономического и политического влияния в Иране.

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Политбюро поручило координацию политических усилий в Северном Иране первому секретарю ЦК КП Азербайджана М. Багирову. Его ежедневные подробные донесения Сталину о развитии ситуации в регионе весьма красноречиво свидетельствуют об этом. Кроме того, попытки иранских властей с помощью жандармерии и войск подавить или хотя бы локализовать выступления азербайджанских сепаратистов встречали молчали-

вое, но твердое противодействие советского военного командования в Иране. Так, 20 ноября 1945 г. руководство 4-й армии докладывало в Москву: «17 ноября генерал Дорокшани (командир иранской дивизии в Тавризе. — *Авт.*) обратился к командиру нашего 15-го кавалерийского корпуса генералу Глинскому с просьбой разрешить пропуск отряда иранских войск силою 100 человек в район города Марага для ликвидации появившихся там банд. Наше командование такого разрешения не дало, ответив, что у нас нет сведений о появлении каких-либо банд в этом районе»<sup>25</sup>. Генералу Дорокшани иранский генштаб дал указание в случае выступления «демократов» ввести войска в действие даже в том случае, если советские военные власти будут чинить препятствия этому. На деле это могло означать повод к военному столкновению с советскими войсками.

26 ноября НКВД направил МИД Ирана ноту, в которой отмечал, что введение дополнительных иранских войск в Северный Иран вызовет здесь массовые беспорядки, что вынудит СССР «вести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности своих гарнизонов»<sup>26</sup>. Это была прямая угроза расширения военного присутствия СССР в Иране в случае нарушения сложившегося политического и военного статус-кво. Одновременно Багирову было разрешено принять на советскую территорию азербайджанцев, преследуемых иранскими войсками.

Попытки иранского правительства апеллировать к международной общественности также ничего не дали. Британский МИД 10 декабря 1945 г. предложил советскому руководству включить иранский вопрос в повестку дня московской встречи министров иностранных дел трех великих дер-

жав. Однако советская сторона, как организатор и хозяин встречи, предложила не включать этот пункт как «несвоевременный» и вернуться к его обсуждению в феврале 1946 г. Одновременно для нейтрализации Англии Молотов настаивал перед Сталиным на включении в повестку дня московской встречи вопроса о событиях в Индонезии, куда были направлены английские войска для подавления национально-освободительного движения. По его мнению, это должно было «заставить Англию быть более сговорчивой в вопросе об Иране»<sup>27</sup>.

Тем не менее обсуждение иранской проблемы в Москве состоялось. Правда, в неофициальном порядке, хотя в ее обсуждении принял участие и Сталин во время встречи с Бирнсом. Возлагая всю вину на иранскую сторону, Сталин отметил: «Малые страны часто стремятся натравить большие страны друг на друга. Малые страны могут, например, жаловаться Советскому Союзу на притеснения со стороны Англии и США и одновременно жаловаться Англии и США на притеснения Советского Союза. Поэтому надо критически относиться к заявлениям малых держав»<sup>28</sup>. Однако, несмотря на эту бесхитростную позицию, американская и английская стороны стояли на своем, предлагая вывод из Ирана одновременно советских и английских войск. В результате переговоры зашли в тупик.

В то же время военное командование и Багиров были прекрасно осведомлены о политических планах лидеров Демократической партии Азербайджана. В ноябре Москва получила информацию о выполнении ее установок, где в частности, говорилось: «По всем городам и крупным населенным пунктам Иранского Азербайджана прошли собрания и митинги, на которых население

избрало делегатов на Всенародное собрание Азербайджана.

ЦК Демократической партии предполагает объявить Всенародное собрание Учредительным съездом народа. Съезд примет обращение к народу об автономии Азербайджана в пределах Иранского государства»<sup>29</sup>. Следующим шагом вполне могло стать включение Южного Азербайджана в состав СССР «по просьбе» его правительства и в соответствии с «волеизъявлением народа». Об этом свидетельствуют и воспоминания Н. С. Хрущева, который прямо отмечал, что «Сталин принял меры по дестабилизации иранского Азербайджана.., чтобы Южный Азербайджан, нам не принадлежавший, как-нибудь присоединить к Северному, советскому»<sup>30</sup>.

Таким образом, советское руководство по-прежнему исходило также из идеи обеспечения транзитного выхода к Персидскому заливу, расширению своего влияния в политических вопросах (включая и поддержку ряда политических партий и деятелей), и даже не исключало возможности свержения шахского режима.

Весьма показательны с этой точки зрения переговоры в Москве Сталина и Молотова с премьер-министром Ирана Кавамом-эс-Салтане в феврале—марте 1946 г., в ходе которых иранская сторона выразила согласие на укрепление двусторонних отношений при условии сохранения территориальной целостности Ирана и вывода советских войск. Вопрос о предоставлении нефтяной концессии был при этом увязан с новыми выборами в меджлис. Сила позиции Кавама заключалась в том, что США вывели свои войска из Ирана еще до 1 января 1946 г., а Англия завершала вывод своих частей к 2 марта. Поинтересовавшись у премьера широ-

той автономии азербайджанцев, Сталин спросил, есть ли в иранском Азербайджане свой военный министр и МИД. Получив утвердительный ответ, он сказал: «Азербайджанцы хватили через край. Это у них не автономия. У них не должно быть военного министра, министра внешней торговли и министра иностранных дел»<sup>31</sup>. Затем Сталин задал ключевой вопрос, спросив, правда ли, что Кавам выступает за установление в Иране республиканского режима. Кавам ответил, что для этого у него есть два пути: под благовидным предлогом созвать Учредительное собрание или посадить на престол взамен шаха его сына Ахмед-шаха. Сталин поддержал такой подход и недвусмысленно подчеркнул, что с уходом советских войск Кавам может быть устранен от власти и потому советские войска будут выведены тогда, когда укрепитя положение Кавама. Это было прямое заявление о возможной военной поддержке усилий премьера в установлении новой власти в Иране. Однако Кавам отказался от этого, заявив, что, наоборот, он может быть смещен в том случае, если советские войска останутся в Иране.

Пока Кавам готовился к новой встрече со Сталиным, тот решил ускорить развитие событий в Иране. Азербайджанским отрядам был дан сигнал о крупномасштабном выступлении именно в эти дни. 27 февраля иранский премьер обратился к советскому руководству с письмом, в котором отмечал: «В то время как я в Москве веду переговоры с высшими советскими инстанциями об улучшении и укреплении взаимоотношений между двумя странами, мною получена телеграмма, согласно которой вооруженные азербайджанские отряды выступили по направлению Гиляна, заняли селение Хаштбар и затем на двух грузовиках напали и за-

няли селение Карганруд...»<sup>32</sup> Он сетовал на то, что советские власти на месте препятствуют отправке иранских войск в Гилян, и требовал «не препятствовать свободе действий» иранской жандармерии. На полях письма рукой Сталина была сделана надпись: «Сволочь!», наглядно показывающая разочарование вождя<sup>33</sup>.

В итоге СССР под давлением международного сообщества был вынужден уступить. В мае 1946 г. советские войска покинули Иран, а СССР так и не получил желанной концессии и транзита к Персидскому заливу.

Еще один политический кризис возник вокруг «турецкого вопроса». Сразу после окончания войны СССР в достаточно жестком тоне стал настаивать на размещении своих военных баз в Турции, пытаясь заручиться при этом поддержкой США и Англии. Это требование выходило далеко за рамки тех договоренностей, которые были достигнуты в Тегеране и Ялте о свободе прохода советских военных судов через Проливы. 7 августа 1946 г. СССР направил Турции требование о пересмотре конвенции Монтре и создании советских баз. Англия и США восприняли это как угрозу не только Турции, но и своим интересам на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. В результате США и Англия выступили решительно против этих планов и направили в восточное Средиземноморье свой флот.

В итоге СССР был вынужден отказаться от своей идеи.

Особое место в планах послевоенного устройства Европы занимала Греция. Сталин справедливо относил эту страну к сфере интересов Англии и потому не предпринял на заключительном этапе войны никаких действий, которые могли вести к

усилению влияния СССР в Греции. Однако постепенный отход вчерашних союзников от достигнутых в годы войны договоренностей привел к тому, что претерпела эволюцию и позиция советского руководства.

Считая невозможным непосредственное советское военное вмешательство в дела Греции, Сталин избрал испытанную тактику поддержки коммунистического подполья, развития партизанского движения и создания «освобожденных районов» с целью последующего свержения центрального правительства.

В решении этих задач он широко использовал возможности Болгарии, Югославии и Албании. Неудивительно, что «освобожденные районы» создавались греками именно в северных районах страны. Основная военная помощь шла со стороны Югославии.

В западных странах обострение ситуации в Греции было воспринято с большой тревогой. Военный министр США, информируя Трумэна о возможных последствиях установления советского контроля над Грецией, предупредил, что это привело бы к доминированию СССР в Восточном Средиземноморье, изоляции Турции, усилению давления на страны Ближнего и Среднего Востока<sup>34</sup>. С учетом этой угрозы США и Англия осенью 1946 г. договорились о совместных действиях против греческих повстанцев и их зарубежных помощников. При этом Англия вызвалась оказывать непосредственную военную помощь, а США — экономическую поддержку.

Масштабная помощь англичан и американцев греческому правительству в борьбе с коммунистами-партизанами по-своему освещалась в советских средствах массовой информации и официальных



документах. Эта помощь была расценена исключительно как «вмешательство во внутренние дела Греции» и попытка создать здесь плацдарм для агрессии против народно-демократических режимов Югославии, Болгарии и Албании, а также против СССР. При этом советское руководство не только отмежевывалось от обвинений в оказании Советским Союзом помощи греческим коммунистам, но и отвергало возможное участие в конфликте болгар, югославов и албанцев.

В августе 1947 г. Югославия и Болгария заключили договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он мог стать первым шагом на пути создания Балканской Федерации. Англия и США, опасаясь этого, подтвердили свою прежнюю позицию. Она была высказана в начале 1945 г. и сводилась к тому, что Болгария не может заключать союзные договоры до вступления в действие мирного договора со странами антигитлеровской коалиции. Кроме того, западные страны выражали беспокойство по поводу того, что такая федерация могла предъявить территориальные требования к Греции (в части Эгейской Македонии).

Не желавший дальнейшего обострения ситуации Сталин также выступил с критикой заключенного договора. Он расценил его как возможный повод для США и Англии, чтобы «усилить военную интервенцию в греческие и турецкие дела против Югославии и Болгарии»<sup>35</sup>.

Ситуация еще более осложнилась в сентябре 1947 г., когда на территории Югославии состоялся III пленум ЦК Компартии Греции, на котором была одобрена идея создания Свободной Греции со столицей в Салониках. Для этого предполагалось увеличить демократическую армию Греции в 3 раза. Перед ней ставилась задача штурма Сало-

ник. У исследователей нет сомнений в том, что в случае удачи последовало бы признание независимой Греции если и не со стороны СССР, то со стороны Югославии, Болгарии и Албании. Не было исключено и включение ее территории в состав Балканской Федерации<sup>36</sup>.

Документы ряда архивов (несмотря на крайнюю ограниченность материалов) показывают, что даже в высшем советском руководстве вопросы помощи Греции относились к разряду совершенно секретных. Обнаружены лишь материалы беседы Жданова с Захариадисом, а также несколько писем Сталина и Молотова, по которым можно проследить роль СССР во внутреннем конфликте в Греции. Так, в критические дни сентября 1947 г. находившийся на отдыхе Сталин потребовал от Молотова «срочно удовлетворить все заявки Захариадиса», изложенные в письме, направленном на имя Жданова. Отвечая 23 сентября на это письмо, Молотов докладывал: «Заявки Захариадиса удовлетворены, кроме следующих двух позиций, полностью:

1. Вместо просимых им 60 горных пушек, которых у нас нет, посылается то же количество немецких 37-миллиметровых противотанковых пушек и снаряды к ним. По словам Василевского, такие пушки грекам уже посылались и удовлетворили их.

2. Нет возможности удовлетворить заявку на помощь обувью и одеждой, ввиду отсутствия у нас обмундирования и обуви иностранных образцов... 100 тысяч долларов будут посланы Захариадису через аппарат т. Сулова».

Тогда же Молотов докладывал Сталину о прибытии в Албанию без предварительной договоренности командующего греческой демократической армией Маркоса, который при встрече с замести-

телем Э. Ходжи министром Спиру высказал ряд просьб по усилению снабжения греческих партизан. Ходжа спрашивал по этому поводу инструкций из Москвы. Сталин в ответной телеграмме рекомендовал Ходже решить этот вопрос совместно с Тито.

Это был период, особенно тяжелый для греческих повстанцев. Их теснили правительственные и британские войска. Для предотвращения быстрого разгрома греческих партизан Молотов просил Сталина дать приказ о проведении масштабных демонстративных военных маневров на границе с Ираном в Закавказье и Средней Азии для отвлечения англо-американских сил.

В декабре 1947 г. СССР вывел свои войска из Болгарии. Это была демонстрация «невмешательства» СССР во внутренние дела Балканских стран. 23 декабря греческие коммунисты заявили о формировании Временного демократического правительства Греции. Они рассчитывали на быстрое признание его странами социализма<sup>37</sup>. Базой нового правительства стала территория Югославии, откуда, в частности, оно обратилось с приветствием к греческому народу в связи с новым, 1948 годом.

Все это вызвало еще более активную реакцию Запада. США, опасавшиеся прямого военного нападения Югославии на Грецию при поддержке СССР, прямо предупредили, что такое развитие событий будет считаться актом агрессии против страны — члена ООН со всеми вытекающими последствиями. США не исключали и собственного военного участия в конфликте в случае его «интернационализации».

Такое развитие событий не входило в планы Сталина. После долгих колебаний он принял решение уступить. В феврале 1948 г. на встрече с

лидерами Югославии и Болгарии Сталин поставил эту задачу открыто. Спросив у собеседников, верят ли они в успех греческого восстания, Сталин заявил: «Нет у них никаких шансов на успех. Что вы думаете, что Великобритания и Соединенные Штаты — Соединенные Штаты, самая мощная держава в мире, — допустят разрыв своих транспортных артерий в Средиземном море! Ерунда. А у нас флота нет. Восстание в Греции надо свернуть как можно быстрее»<sup>38</sup>. Изменение позиции Сталина было, вероятнее всего, связано с поступавшими по линии разведки данными о возможном прямом участии США во главе коалиции государств членов ООН в «решении греческого вопроса». Не последнюю роль сыграл и разгоравшийся советско-югославский конфликт.

Так или иначе руководству КПГ было высказано мнение «инстанции» о «свертывании восстания». Захариадис воспринял это решение внешне спокойно. В конце апреля 1948 г. греческие повстанцы заявили о намерении пойти на переговоры с центральным правительством. Это еще раз проясняет вопрос о том, где именно принимались решения<sup>39</sup>.

Поражение СССР и его союзников в Греции привело к серьезному усилению позиций Англии и США в регионе. Опасаясь нового напора с севера, греческое правительство обратилось к Англии и США с просьбой о военной помощи и размещении военных баз на ее территории.

В итоге результат оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывал Сталин, идя на поддержку греческих коммунистов, — позиции СССР в регионе значительно ослабли.

Одной из центральных в отношениях Запад—Восток в первые послевоенные годы была *герман-*

*ская проблема.* В подходах к ее решению разногласия между СССР и вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции достигли апогея.

В работах отечественных историков достаточно полно раскрыт особый характер оккупационного режима, установленного союзниками для Германии после ее поражения. Его юридической основой стали не Гаагские соглашения начала века, а те, что выработывались «большой тройкой» в ходе войны и сразу после ее окончания. Территория одной из крупнейших европейских и влиятельнейших мировых держав была не частично, а полностью оккупирована на неопределенный срок. Германия утрачивала национальное правительство и другие структуры и символы государственного суверенитета. Властные функции переходили к Контрольному Совету, являвшемуся коллективным органом управления страной державами-победительницами. Государственные, политические и военные деятели Германии, виновные в развязывании Второй мировой войны, были осуждены Международным трибуналом. Наконец, в своих зонах оккупации каждая из стран-победительниц устанавливала собственные порядки<sup>40</sup>.

Однако, несмотря на разницу подходов, вплоть до 1948 г. решения по германскому вопросу и перспективам его послевоенного решения обсуждались коллективно и принимались согласованно представителями СССР, США, Англии и Франции.

За годы войны советская и англо-американская позиции по германскому вопросу эволюционировали. В декабре 1941 г. на переговорах с Иденом Сталин прямо указывал на необходимость создания на территории поверженной Германии нескольких германских государств (причем даже название «Пруссия» должно было уступить место не-

кoмy «Берлинскому государству», которого история не знала); а Иден возражал ему, справедливо отмечая, что в таком случае «возникнет ирредентистское движение, которое в недалеком будущем вновь объединит всю страну»<sup>41</sup>. Теперь, после окончания войны, Сталин выступал с идеей сохранения единства Германии (не без оснований надеясь на усиление советских позиций в Центральной Европе). США и Англия, напротив, опасаясь этого, делали ставку на укрепление своих позиций и «демократизацию» западных районов оккупированной Германии. Твердая позиция вчерашних союзников и результаты выборов в различных оккупационных зонах, прошедших в 1946—1947 гг., заставили Сталина изменить позицию в германском вопросе и сосредоточить усилия на закреплении в Восточной Германии, которая теперь должна была стать оплотом будущих «демократических преобразований» во всей стране.

В отличие от США и Англии, советское руководство не стало вести специальной подготовки кадров по управлению Германией. Летом 1945 г. была создана Советская военная администрация по управлению советской зоной оккупации в Германии (СВАГ) во главе с маршалом Г. К. Жуковым. Никаких специальных структур в Москве для политического решения германской проблемы создано не было. Все политические вопросы по Германии принимались лично Сталиным.

Советская военная администрация первоначально имела в своем составе 136 районных и 272 городские комендатуры, а также 88 комендатур в городских районах и 309 комендатур — в крупных сельских населенных пунктах. По данным М. Семиряги это означало, что в среднем одна комендатура приходилась на 30—35 тыс. жителей.

Центральное место в осуществлении оккупационной политики СССР в Германии принадлежало советским оккупационным войскам, составлявшим первоначально до 700 тыс. человек. Они играли не только ключевую роль в наведении в случае необходимости порядка в самой Германии, но и были важным фактором, определявшим расстановку сил в Центральной Европе между Востоком и Западом.

Опасаясь возрождения прусского милитаризма, советское руководство провело земельную реформу, запретившую крупное землевладение. Тем самым удар был нанесен по прусскому юнкерству. Из Восточной Пруссии, отошедшей к Советскому Союзу, а также из восточных районов Польши было интернировано немецкое население (по некоторым данным — до 12 млн человек).

С объединением в апреле 1946 г. Коммунистической партии Германии и Социал-демократической партии Германии в Социалистическую единую партию Германии был фактически взят курс на строительство социализма в Восточной Германии.

Репарационная политика СССР в Германии носила весьма противоречивый характер. СССР, как наиболее пострадавшая от гитлеровцев страна, получил право на возмещение материального ущерба в размере 10 млрд долларов (в ценах 1945 г.). Однако вскоре из-за политических разногласий западные союзники СССР стали чинить препятствия в этом. В результате советское руководство сделало ставку на максимальное выкачивание материальных ресурсов из Восточной Германии, а также вывоз в СССР немецкой собственности в Польше. Это привело к тому, что в советской зоне оккупации было демонтировано и вывезено в СССР до 45% всех промышленных предприятий (в то время как в западных зонах оккупации — не

более 8%), утнано более 2 млн голов скота. По некоторым данным, стоимость поставок в СССР в конечном счете составила до 30 млрд долларов. Это не могло не привести к значительному снижению жизненного уровня в восточной части Германии, повлекшему за собой усиление экономической помощи со стороны СССР с конца 40-х годов.

Уже с вступлением советских войск на территорию Германии в начале 1945 г. Верховным Командованием наших войск был издан приказ, предписывавший «мобилизовать на территории фронтов... всех годных к физическому труду и способных носить оружие немцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет...» Из них были сформированы рабочие батальоны по 750—1200 человек в каждом для использования на работах по восстановлению разрушенных городов и сел Украины и Белоруссии<sup>42</sup>. Аналогичным образом действовали после войны руководители Польши и Чехословакии. На их территории силами мирного населения Германии велось восстановление разрушенных железных и шоссейных дорог, предприятий, жилых построек. Имели место и случаи, когда немцам рабочим на коленях, груди и спине крепились изображения свастики. Это должно было напоминать действия фашистов против евреев в годы войны.

Уже во второй половине мая 1945 г. на советских предприятиях трудились около 300 тыс. арестованных и интернированных немцев из числа мирного населения. Лишь к концу лета победного года советские власти отпустили женщин с грудными детьми, беременных и больных инфекционными заболеваниями.

Тем не менее продолжался вывоз из Германии в СССР немецких специалистов на постоянную работу. В течение 1945—1946 гг. их численность со-



ставила десятки тысяч человек. Это явление приняло такой широкий размах, что начались протесты не только немецких властей западных секторов Берлина, но и американской и английской оккупационной администрации. С ними не могли не считаться советские официальные лица. Их действия были порой весьма неуклюжими. Так, осенью 1946 г. Сталину докладывал генерал И. Серов из Берлина о том, что в связи с протестами секретаря СДП в английской зоне оккупации Нормана против вывоза немецких специалистов из Германии целесообразно дать специальное сообщение в печати. В итоге в газетах, выходящих в советской зоне оккупации, было помещено сообщение: «Как стало нам известно от нашего корреспондента, за последние дни из советской зоны оккупации Германии выехали несколько групп немецких инженеров и техников для работы в Советском Союзе по своей специальности. Многие из них взяли также и семьи. Для немецких инженеров с семьями были предоставлены пассажирские вагоны, а для их имущества товарные вагоны»<sup>43</sup>. Подробности о вагонах были необходимы для того, чтобы немцы поверили, что их соотечественников вывозили не в «теплушках», а в обычных пассажирских вагонах.

Несмотря на разницу политических подходов к решению германской проблемы, бывшие союзники были едины в том, чтобы не допустить возрождения сильной Германии. На встрече со Сталиным 15 апреля 1947 г. в Москве госсекретарь США Маршалл прямо заявил, что «США глубоко встревожены относительно любой процедуры, которая ведет к созданию сильного централизованного правительства в Германии. США считают, что все то, что ведет к созданию сильного централизованного правительства в Германии... таит в себе величай-

шую опасность»<sup>44</sup>. Советский вождь, естественно, согласился с ним.

Перелом в решении германского вопроса наступил в 1948 г., когда в феврале—июне в Лондоне состоялась конференция представителей шести западных стран (США, Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга) по Германии. На ней было принято принципиальное решение о создании на базе провозглашенного «плана Маршалла» сильного союзного Западу германского государства, главной миссией которого должно было стать «противодействие советской экспансии» в Европе. Интересно, что последними смирились с идеей возрождения сильного и опасного соседа французы.

Это решение положило начало первому в послевоенной истории серьезному осложнению отношений СССР с бывшими союзниками по германскому вопросу. Создание западногерманского государства в западных оккупационных зонах было воспринято Сталиным как возрождение германского милитаризма и реваншизма, непосредственная угроза позиции СССР в послевоенной Европе. Однако до конкретных решений на этот счет Москва не шла дальше воинственных и сильных заявлений и дипломатических шагов.

Положение изменилось после проведения 18 июня 1948 г. денежной реформы, введившей в западных районах Германии твердую, укрепленную Западом немецкую марку. Это было воспринято Сталиным как вызов, тем более что наличие новой валюты подрывало позиции советской военной администрации в Берлине. Ответом СССР стало фактическое объявление блокады западных секторов Берлина. Сталин, вероятно, рассчитывал на то, что теперь будет установлен советский контроль

над Западным Берлином. При этом его не испугали комментарии западных газет о возможности применения американцами ядерного оружия против советских войск в Германии. По свидетельству П. А. Судоплатова, «мы знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять нам одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае»<sup>45</sup>. Однако американцы, не имея возможности доставлять в Берлин военные грузы, продовольствие и людей по суше, установили воздушный мост, по которому осуществляли снабжение Западного Берлина всем необходимым вплоть до мая 1949 г. Одновременно началась и шла полным ходом работа над новой германской конституцией. Она была принята в четвертую годовщину поражения Германии в войне — 8 мая 1949 г. и вступила в силу через две недели. Сталину не оставалось ничего другого как признать свершившимся фактом образование крупного германского государства прозападной ориентации — Федеративной Республики Германии.

Создание ФРГ означало утрату советским руководством возможности принимать участие в обсуждениях и решениях по общегерманским вопросам.

Стремясь изменить ситуацию, Сталин выступил с новой инициативой — о создании единой нейтральной Германии. Он был готов поступиться своими приоритетными интересами в Восточной Германии ради сохранения (вместе с США, Англией и Францией) совместного контроля над единой Германией. Однако это предложение даже не стали рассматривать ни в Бонне, ни в Вашингтоне, ни в Лондоне, ни в Париже.

Сталин не терял надежды на возможность договориться вплоть до 20 сентября 1949 г., когда

было объявлено о создании правительства во главе с К. Аденауэром в Бонне. Новый канцлер заявил с самого начала о том, что его правительство выражает интересы и представляет всех немцев, включая и тех, кто жил в восточной зоне оккупации. Теперь надо было поторопиться сохранить за собой не только фактическое, но и юридическое положение в Восточной Германии.

Сталин дал наконец согласие на образование ГДР. 7 октября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «принять представленный МИД СССР проект заявления Главного начальствующего Советской Военной Администрацией в Германии генерала армии Чуйкова В. И.»<sup>46</sup>. Ему было поручено довести это решение до сведения «немецких товарищей» и выступить 10 октября с соответствующим заявлением. За основу Конституции ГДР были взяты основные положения Конституции Веймарской республики.

Однако и после этого Сталин не спешил разрешать восточным немцам создавать собственную армию. Не давал он самостоятельности и в политических вопросах. Даже вопрос установления дипломатических отношений между ГДР и Индией был положительно решен после соответствующего решения Политбюро ЦК ВКП(б), да к тому же через советскую администрацию в ГДР.

Интересно, что уже после смерти Сталина Берия попытался вернуться к идее создания единой нейтральной Германии, которая, по его мнению, была более выгодна Советскому Союзу, чем «постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза»<sup>47</sup>. Но эти его предложения были позже вменены ему в вину как «отказ от идеи строительства социализма в ГДР». Никто в

пылу критики уже не вспоминал о том, что и Молотов в июне 1953 г. выступил против идеи В. Ульбрихта о форсированном строительстве социализма в ГДР.

Раскол Германии был завершен. Завершающим его аккордом стало вступление ФРГ в НАТО, а ГДР — в Организацию Варшавского Договора.

По мере усиливающегося расхождения со вчерашними союзниками в строительстве послевоенного мира менялось отношение советского руководства и к формам контроля над ситуацией в странах *народной демократии*. Они постепенно становились элементами *мировой социалистической системы*.

Позиции СССР в странах Восточной Европы были сильны уже на завершающем этапе Второй мировой войны. Левые политические силы, ориентированные на Советский Союз, если не возглавили, то во всяком случае вошли в состав правительств Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Дружественные отношения были установлены с лидером Югославии Тито. Просоветский режим Ходжи был установлен в Албании. Ким Ир Сен возглавил северокорейское правительство.

Однако поначалу Сталин выполнял договоренности, достигнутые в отношении этих стран в Ялте и Потсдаме. Он предпочитал действовать осторожно, с учетом общественного мнения и позиции западных стран. Он даже советовал Тито снять красные звезды с военной формы Югославской народной армии, чтобы «не пугать англичан»<sup>48</sup>. Тем не менее свои ключевые интересы он и тогда старался не ущемить. Ключевым для Сталина был вопрос о составе правительств этих стран. Они были в период 1945—1947 гг. преимущественно коалиционными.

Используя силу, Москва прямо указывала, кто должен, а кто не должен входить в состав кабинетов министров стран народной демократии. В ноябре 1945 г. «четверка» (Молотов, Берия, Маленков и Микоян) с согласия Сталина дала указание Ворошилову, следившему в Будапеште за формированием состава нового правительства Венгрии, «не возражать против... распределения мест в новом венгерском правительстве между партиями, но настаивать на получении коммунистами министерства внутренних дел вместо министерства финансов, которое предложить партии мелких сельских хозяев...»<sup>49</sup>

Более того, в случаях, когда коммунисты стремились быстрее укрепить свои позиции и сформировать однородные коммунистические правительства, Сталин их «поправлял». В Болгарии, например, вернувшийся в 1944 г. Г. Димитров предпринял меры к уничтожению политической оппозиции внутри страны сразу после утверждения у власти. Были репрессированы все крупные деятели прежнего режима, которые потенциально могли создать или возглавить альтернативные политические силы. Один из руководителей болгарской разведки генерал И. Винаров так оценивал позже эту акцию в беседе с коллегой из НКВД П. Судоплатовым: «Мы использовали ваш опыт и уничтожили всех диссидентов до того, как они смогли сбежать на Запад»<sup>50</sup>.

Неудивительно, что на выборах в октябре 1946 г. победу одержали коммунисты, получив 277 мандатов, в то время как Болгарский земледельческий народный союз — 69, социал-демократы — 9, «Звено» — 8 и радикалы — 1 место. Стремясь развить этот успех, Димитров отказался, по существу, вести диалог с остатками оппозиции. Сталин по этому поводу обеспокоенно писал: «Позиция Болгарского

цека... по вопросу об оппозиции вызывает сомнение. Димитров и др. видимо хотят отказаться от всяких переговоров с представителями оппозиции по вопросу о формировании правительства. Такую установку нельзя признать гибкой и осмотрительной. Конечно, следовало бы составить правительство без оппозиции. Но если оппозиция обратится к Отечественному фронту с предложением начать переговоры о составлении коалиционного правительства, было бы опрометчиво со стороны Отечественного фронта отказаться от таких переговоров. Возможно, что оппозиция не обратится с предложением о коалиционном правительстве. В таком случае можно было бы плюнуть на оппозицию, взвалив вину на последнюю...»<sup>51</sup> Для того чтобы добиться желаемого и при этом не испортить репутацию в глазах международной общественности, Сталин предлагал «переговоры... вести так, чтобы заставить оппозицию сорвать переговоры и взвалить всю вину на нее»<sup>52</sup>. Это был поистине ленинский урок 1917 г., когда представителям социалистических партий были предложены заведомо неприемлемые условия вхождения в первое советское правительство, после чего Ленин имел возможность восклицать: «Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть... К участию в правительстве мы приглашали всех»<sup>53</sup>. «Ни Ленин, ни я, — вспоминал позже Троцкий, — не возражали вначале против переговоров о коалиции с меньшевиками и эсерами, при условии прочного большинства за большевиками и признания этими партиями власти Советов, декретов о земле и мире и т. д. Мы не сомневались, что из переговоров ничего не выйдет. Но нужен был предметный урок»<sup>54</sup>.

В Северной Корее пошли еще дальше — на ключевые посты в правительстве, армии, полиции

были назначены советские корейцы, направленные в «командировку» в КНДР.

Таким образом, вплоть до 1947 г. советское руководство стремилось укрепить свои позиции в восточноевропейских странах через коммунистическое большинство в парламентах и правительствах. Это было необходимо для того, чтобы никто не обвинил СССР в нарушении основополагающих принципов, закрепленных в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций, — проведении свободных выборов во временно оккупированных европейских странах.

Ситуация изменилась в 1947 г. По признанию современников, «в 1947-м, но никак не в 1945 г., Сталиным был взят курс на преобразования по советскому образцу в странах Восточной Европы»<sup>55</sup>.

И главной причиной тому стали события вокруг «плана Маршалла». 5 июня 1947 г. госсекретарь США Маршалл выступил в Гарвардском университете с заявлением, в котором заявил о необходимости срочного предоставления экономической помощи европейским государствам для быстрой ликвидации последствий Второй мировой войны. Однако альтруистичным это заявление выглядело лишь на первый взгляд. За ним скрывался вполне очевидный политический расчет. С одной стороны, США стремились повысить отдачу от своей экономической помощи (к этому времени ее объемы превысили 9 млрд долларов). С другой — при помощи рыночных механизмов предполагалось показать преимущества западной экономической системы. В случае же если к «плану Маршалла» присоединятся и восточноевропейские страны (на что также делался расчет), США предполагали значительно ослабить выросшее влияние СССР в



этом регионе. Одной из главнейших задач была экономическая интеграция западных районов Германии в общеевропейскую рыночную экономику. Это означало бы ослабление позиций СССР в Германии. Тесное экономическое сотрудничество с США должно было, конечно, «привязать» западноевропейские страны к заокеанскому партнеру и в политическом плане. Наконец, массовые экономические заказы из Европы должны были уберечь экономику США от надвигавшейся депрессии.

К «плану Маршалла» могли присоединиться любые страны, включая и СССР. 19 июня 1947 г. Англия и Франция выступили с обращением к советскому руководству, в котором одобряли «план Маршалла» и призывали СССР принять участие в специальном заседании совета министров иностранных дел в Париже 27 июня.

В Москве это приглашение, как и саму идею экономического возрождения Европы при участии США, оценили положительно. 21 июня Политбюро одобрило проект ответа правительствам Англии и Франции о созыве СМВД, а 24 июня утвердило делегацию на эту встречу во главе с Молотовым. При отъезде из Москвы помощник Молотова Ветров прямо заявил Судоплатову о том, что «наша политика строится на сотрудничестве с западными союзниками в реализации «плана Маршалла», имея в виду прежде всего возрождение разрушенной войной промышленности на Украине, в Белоруссии и в Ленинграде»<sup>56</sup>.

Накануне открытия встречи СМВД ряд стран народной демократии обратились к советскому руководству с просьбой информировать их о ходе обсуждения этой проблемы.

Тем временем по линии разведки советское руководство получило сообщение от Д. Маклина, в

котором он со ссылкой на Э. Бевина сообщил, что главная цель «плана Маршалла» — установление американского экономического господства в Европе. Предполагалось, что новая экономическая организация по восстановлению европейской промышленности будет находиться под контролем американского капитала. Кроме того, с момента начала реализации этого плана предлагалось прекратить взимание репараций с Германии<sup>57</sup>. После этого позиция СССР на парижской встрече радикально изменилась. Суть ее отразил Молотов в своем официальном заявлении 2 июля: «Совершенно очевидно, что европейские страны окажутся подконтрольными государствами и лишатся прежней экономической самостоятельности и национальной независимости в угоду некоторым сильным державам... Куда это может повести? Сегодня могут нажать на Польшу — производи больше угля, хотя бы и за счет ограничения других отраслей польской промышленности, так как в этом заинтересованы такие-то европейские страны; завтра скажут, что надо потребовать, чтобы Чехословакия увеличила производство сельскохозяйственных продуктов и сократила свое машиностроение, и предложат, чтобы Чехословакия получала машины от других европейских стран... Что же тогда останется от экономической самостоятельности и суверенитета таких европейских стран?»<sup>58</sup> Больше всего Москву тревожило то, что кто-то, а не она будет впредь определять экономическое развитие своих восточноевропейских союзников.

Молотов возвратился в Москву, а Бидо заявил об открытии 12 июля в Париже совещания министров иностранных дел европейских стран. СССР также был приглашен на эту встречу, однако, хлоп-

нув дверь, было трудно вновь войти в нее. Вслед за СССР о своем отказе участвовать в совещании заявили лидеры ряда восточноевропейских стран. Но Молотов 5 июля направил шифровку Тито, Георгиу-Дежу, Ракоши, Димитрову, Готвальду, Куусинену и Ходже, в которой предлагал участвовать в этой встрече, чтобы «помешать американцам единодушно провести их план, а потом уйти с совещания и увести с собой возможно больше делегатов от других стран»<sup>59</sup>. На следующий день руководители этих стран были приглашены в Москву для «инструктажа». 7 июля Молотов шлет им новую директиву, в которой «советует» не давать ответа в Париж до 10 июля, так как «друзья высказываются против участия в совещании 12 июля, поскольку СССР в совещании не будет участвовать». Вероятнее всего, Сталин испугался возможного согласия своих союзников на увещания Маршалла. В тот же день Молотов шлет новую шифровку в союзные столицы и отмечает, что в Париже «под видом выработки плана восстановления Европы инициаторы совещания хотят на деле создать западный блок с включением в него Западной Германии»<sup>60</sup>. Поводом к этой телеграмме послужили новые разведанные, полученные этим днем. В связи с этим Молотов отменил свою телеграмму от 5 июля и предлагал ни в коем случае не посылать своих представителей на это совещание. При этом самостоятельность каждой страны должна была проявиться в том, что «мотивы отказа каждая страна может представить по своему усмотрению»<sup>61</sup>.

8 июля последовал «отбой» на встречу лидеров соцстран в Москве. В тот же день ТАСС без согласования дал информацию о решении правительств ряда стран не посылать своих представителей в

Париж. Это сообщение вызвало в восточноевропейских столицах переполох. Как сообщал посол СССР в Варшаве Лебедев, президент Польши Б. Берут «обратил внимание Советского правительства на то обстоятельство, что Польское правительство никакого решения по этому вопросу не принимало, вследствие чего было бы желательным, чтобы агентство ТАСС как можно скорее внесло надлежащую поправку в свое сообщение. Делая мне это заявление, Берут был очень взволнован, так как такое сообщение ТАСС, по его мнению, ставит руководство ПНР в очень трудное положение в отношении их партнеров по демократическому блоку»<sup>62</sup>.

Еще серьезнее дело обстояло с позицией Чехословакии. В отличие от других стран народной демократии, она почти сразу после получения телеграммы из Москвы от 5 июля дала согласие на участие в парижской встрече и назначила своим представителем на встрече посла в Париже Носека. Поэтому в новой ситуации, сложившейся 7 июля, правительство Чехословакии не сочло возможным отказаться от участия в парижской встрече и твердо стояло на своем. Даже Готвальд заявил послу СССР в Праге, что ничего поделать нельзя, так как правительство уже приняло решение, которое опубликовано в печати. Однако оказалось, что изменить все можно. Сталин потребовал срочного приезда в Москву руководства Чехословакии. 9 июля, принимая ее в Москве, он в ультимативной форме потребовал отказа от участия в парижской встрече. «Своим участием в Париже вы были бы использованы в качестве инструмента против СССР. Этого ни Советский Союз, ни его правительство не допустили бы»<sup>63</sup>. В зависимость от решения по данному вопросу Сталин поставил и

вопрос о дальнейшей экономической помощи Советского Союза Чехословакии. 11 июля правительство Чехословакии приняло новое решение — в парижском совещании не участвовать. Как заявил по возвращении из Москвы министр иностранных дел Я. Масарик, «я ехал в Москву как свободный министр, а вернулся как сталинский лакей!»

Думается, что именно эта особая позиция чехов летом 1947 г. ускорила выработку в Москве «нового курса» в отношении своих восточноевропейских союзников.

Во всяком случае, в отношении Чехословакии Сталин решил действовать решительно. В феврале 1948 г. чехословацкие коммунисты спровоцировали правительственный кризис, ставший поводом для захвата власти. Ключевой фигурой, которая могла этому воспрепятствовать, был президент Э. Бенеш. Для его нейтрализации была избрана тактика шантажа. Эту операцию должен был осуществить П. А. Судоплатов. Он вспоминал: «Молотов... приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру Компартии Чехословакии». Чтобы напомнить Бенешу о его тесных связях с НКВД, он должен был показать ему расписку на десять тысяч долларов, подписанную его секретарем в 1938 г. (деньги были необходимы на срочный выезд из страны в условиях фашистской агрессии). В том случае если Бенеш оказался бы невосприимчив и к этому, Судоплатов должен был предупредить его о готовности «организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведок, подписанном в 1935 г. в Москве, секретном договоре о

передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 г. и покушения на премьер-министра Югославии»<sup>64</sup>. Для возможной поддержки готовящегося переворота в Чехословакию из Москвы была направлена бригада специального назначения в составе 400 человек. Однако она не потребовалась.

Сыграл ли свою роль этот шантаж, или Бенешу больше импонировало высказанное положение о том, что только он может обеспечить плавную и бескровную передачу власти коммунистам (которая произойдет при любых условиях, как его заверили эмиссары Москвы), но через месяц он передал власть Готвальду.

Трагичной и загадочной оказалась судьба министра иностранных дел Я. Масарика. По официальной версии, 10 марта 1948 г. он выбросился из окна Чернинского дворца, в котором размещался МИД. Однако сразу после его смерти были высказаны предположения об убийстве этого популярного политика. Лишь недавно в прежде секретных архивах ЦК КПЧ было обнаружено предсмертное письмо Масарика Сталину, написанное им за день до смерти. «В Чехословакии уже нельзя вести речь о свободе, — писал он. — Свобода подменяется подавлением политических противников партии. Готовится почва для установления полицейского, авторитарного режима. Я не могу жить без свободы, но и не в силах ее отстаивать. Потому что Ян Масарик не может бороться с Россией и ее правительством. Я — узник собственной совести. Мне остается только умереть. У вас еще есть время отказать от политики советизации моей страны. Поторопитесь, очень скоро может быть поздно!»<sup>65</sup>

Принятие «плана Маршалла» западноевропейс-

кими странами стало одним из важнейших шагов по завершению раскола Европы на два лагеря. Были предприняты первые шаги по строительству военных блоков. В СССР началась открытая кампания борьбы против «преклонения перед Западом». В странах народной демократии началась открытая «коммунизация» власти и общества.

Важным шагом на пути к этому стала встреча представителей коммунистических партий в Шклярской Порембе в конце сентября 1947 г.

Первоначально идея созыва такого совещания обсуждалась между лидером польских коммунистов В. Гомулкой и Сталиным весной 1947 г. Тогда речь шла о создании информационного печатного органа коммунистов. Именно на такую встречу в Польшу и приглашал представителей девяти коммунистических партий Гомулка. Однако к моменту ее проведения изменилась ситуация (главным образом вокруг «плана Маршалла»), которой не преминул воспользоваться Сталин. Направив на эту встречу Жданова и Маленкова, он поручил им добиваться, по сути, воссоздания международного коммунистического органа.

На встрече представители ВКП(б) не просто «поставили оценки» деятельности братских партий, но и определили перед ними задачи в новой обстановке. Главной в их числе становилась задача завоевания (или монополизации) власти и использования ее для проведения внутренней и внешней политики по образцу и подобию советской.

В докладе Жданова впервые была сформулирована «концепция двух лагерей» — империалистического, антидемократического и антиимпериалистического, демократического, а традиционное прежде понятие «СССР» уступило место новому — «демократический лагерь». Нападкам подверглись

не только империалисты США, но и французские социалисты, а также коллеги польских и чехословацких коммунистов по правительственной коалиции. Жданов недвусмысленно дал понять, что в новых условиях важнейшим долгом коммунистов во всех странах, особенно там, где они входят в состав правительства, является оказание помощи и поддержки Советскому Союзу. «Поскольку во главе сопротивления новым попыткам империалистической экспансии стоит Советский Союз, — говорил он, — братские компартии должны исходить из того, что, укрепляя политическое положение в своих странах, они одновременно заинтересованы в укреплении мощи Советского Союза, как главной опоры демократии и социализма»<sup>66</sup>. Далее он выразил несогласие с тем, что некоторые деятели братских партий подчеркивают свою независимость от Москвы. «Москва никого не ставила и не желает ставить в зависимое положение, — заявил Жданов, — нарочитое подчеркивание этой «независимости» от Москвы, «отречение» от Москвы, по сути дела, означает угодничество, приспособленчество, подыгрывание тем, кто считает Москву врагом»<sup>67</sup>.

В итоге был создан Коминформ, на который была возложена задача «организации обмена опытом и, в случае необходимости, координации деятельности компартий на основе взаимного согласия». Печатный орган должен был выходить раз в две недели. Местом пребывания Коминформа стал Белград.

Реакция политиков и печати Запада на создание Коминформа была однозначно негативной. Оно воспринималось как воссоздание Коминтерна. Коммунистические деятели ведущих азиатских стран выступили нейтрально, объявив создание



Коминформа «делом европейских компартий». Распространявшиеся в целях зондажа (скорее всего, со стороны Компартии Китая) настроения азиатских коммунистов слухи о созыве в Харбине аналогичного совещания представителей азиатских коммунистических партий с целью создания «азиатского Коминформа» были отвергнуты.

В 1948 г. ЦК ВКП(б) отклонил как «нецелесообразные» предложения о проведении аналогичного форума коммунистов арабских стран.

Вскоре сбылись прогнозы тех аналитиков, которые полагали, что Коминформ будет использован в качестве инструмента для проведения советской внешней политики и вмешательства во внутренние дела европейских коммунистических партий. Уже на первой встрече «дружеской проработке» подверглись представители французской и итальянской компартий, а в 1948 г. — югославы.

Все чаще зазвучали призывы к «усилению борьбы» в коммунистических партиях против оппортунизма. Вскоре они переросли в прямые обвинения в шпионской и враждебной деятельности.

В сентябре 1949 г. начался судебный процесс над «шпионско-бандитской группой Райка-Бранкова» в Венгрии. Бывший министр внутренних, а затем иностранных дел Венгрии был обвинен в связях с «кликой Тито» и приговорен к повешению. Власти не исключали возможности проведения публичной казни.

Это была только «первая ласточка», за которой должны были последовать и последовали показательные процессы в большинстве стран народной демократии.

В том же году начал готовиться громкий процесс в Болгарии. На скамье подсудимых оказался бывший секретарь ЦК и заместитель главы прави-

тельства Т. Костов. Вместе с ним на скамье подсудимых оказались и другие партийно-государственные деятели. Прямые указания Сталина сыграли в этом деле далеко не последнюю роль.

12 октября 1949 г. Сталин писал Коларову и Червенкову в Болгарию: «Мы получили сообщение нашего посла о Вашей беседе с ним по вопросу о начальнике генерального штаба Кинове и о показании арестованных, которые говорят о том, что к заговорщической деятельности причастны Кинов и некоторые другие военные. В связи с этим мы считаем необходимым сообщить Вам следующее наше мнение. В отношении лиц, избличенных в заговорщической деятельности как гражданских, так и особенно военных, советуем действовать быстро и решительно, не ограничиваясь снятием их с постов, арестовывать их»<sup>68</sup>.

Оценивая позже вклад советских товарищей в это дело, Червенков (позже также репрессированный с подачи Сталина) отмечал: «Костова мы разоблачили своевременно. Этим мы обязаны ВКП(б) и товарищу Сталину»<sup>69</sup>.

Самым громким политическим процессом стало «дело Сланского» в Чехословакии.

Еще в 1949 г. лидер венгерских коммунистов Ракоши сообщил Готвальду, что в ходе следствия по «делу Райка» были названы имена чехословацких партработников Э. Лебла и В. Нового. Они были сразу арестованы. В ходе следствия из них буквально «выбили» еще целый ряд фамилий деятелей партии и государства, которые «вели шпионскую деятельность в интересах мирового империализма». Со временем стало ясно, что главной фигурой на готовящемся большом процессе может стать сам лидер коммунистов. Однако вплоть до осени 1951 г. Сталин не давал согласия на арест

Сланского. Время было выбрано не случайно — в Москве набирало обороты «дело Еврейского антифашистского комитета». В официальной пропаганде как в Москве, так и в Праге и других столицах народно-демократических стран прямо указывалось, что с провозглашением Государства Израиль и подчинением его США «сионистские организации всех разновидностей стали филиалами американской разведки. Это действительно идеальный инструмент для проникновения в рабочее движение, для вербовки агентов внутри коммунистических партий»<sup>70</sup>.

Инициатива в раскручивании «дела Сланского» принадлежала, как показывают документы, вовсе не чехословацким коммунистам. В мае 1951 г. советник МГБ СССР при министерстве национальной безопасности Чехословакии Боярский направил в адрес Абакумова записку, в которой информировал его о том, что следственным путем получены данные о подрывной деятельности еврейских националистов, проникших на руководящие посты в партийный и государственный аппарат Чехословакии. Были приведены, в частности, выбитые у Лебла данные о том, что «еврейских националистов поддерживает генеральный секретарь Сланский, который связан с американским журналистом-разведчиком Герингером, а его брат Рихард Сланский связан с английским разведчиком Лиасом». Далее он отмечал, что «Сланский происходит из старой еврейской семьи, обладает большим влиянием в партии» и поэтому все буржуазные еврейские националисты ориентируются на Сланского»<sup>71</sup>. Эти материалы тогда же были доложены и Готвальду.

В начале сентября 1951 г. пленум ЦК КПЧ обсуждал состояние внутрипартийной работы. Его

участники отметили большие недостатки в работе ЦК, в особенности в деле подбора и расстановки кадров. В частности, было прямо сказано о том, что руководство ЦК осуществляет единолично Сланский. После пленума Готвальд обратился к ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь в наведении порядка в организационно-партийной работе. Политбюро ЦК ВКП(б) уже 14 сентября приняло решение направить в помощь КПЧ ответственного работника ЦК Е. И. Громова и члена Оргбюро, заведующего планово-финансово-торговым отделом ЦК Н. Н. Шаталина.

В ноябре 1951 г. сотрудник МГБ СССР Есиков докладывал министру госбезопасности Игнатьеву о встрече с Готвальдом по поводу набиравшего силу «дела Сланского». Обращает внимание реакция Готвальда на «открытия» работников МГБ. Он не только «просил тщательно разобраться с этим делом», но и «выразил удовлетворение работой министерства государственной безопасности, которое в ряде случаев через голову партийных руководителей занимается чисткой рядов партии». Он обращал внимание и на то, что «имеется тенденция уйти из-под руководства партии и стоять над ней», в результате чего органы безопасности «могут попасть в руки какого-нибудь афериста и принести вред делу безопасности страны»<sup>72</sup>.

Просьба Готвальда была удовлетворена, и «разбираться» в Прагу направился специальный эмиссар — работник центрального аппарата МГБ СССР полковник Бесчастнов. Лишь после его вмешательства Сланский был арестован. 28 ноября 1951 г. он докладывал Игнатьеву о полученном от Сланского тексте его письма в адрес Президиума ЦК КПЧ. В нем он отмечал, что «никогда в жизни партии не изменял, не вредил, с агентами врагов не догова-

ривался». Он признавал свою близорукость и доверчивость к «плохим людям», потерю бдительности, легкомыслие на идеологическом фронте. Еще надеясь на справедливость, он просил «не выносить заранее» публичных оценок его деятельности. Он прекрасно понимал, что пока нет таких официальных оценок, еще можно надеяться на сохранение жизни.

Есть основание полагать, что у следственных органов Чехословакии просто не было к этому времени серьезных документальных оснований для обвинений Сланского. С приездом Бесчастного они вдруг появились. Было обнаружено некое письмо «закордонного агента министерства национальной безопасности Чехословакии», которое якобы было получено Сланским от сотрудника американской разведки Франка. В нем Сланскому предлагалось уйти на Запад и давались пароли. Вслед за этим Сланский был обвинен в том, что в 1946 г. разрешил вернуться в Чехословакию группе бывших участников интернациональных бригад в Испании, которые «оказались троцкистами и которых он впоследствии выдвинул на руководящие посты». Отсюда делался вывод о том, что «Сланский лично руководил расстановкой троцкистов и еврейских националистов на руководящие посты в государственном аппарате Чехословакии».

«Нашлось» и письмо некоей Клойберовой Ирэны в Австрию, которое еще в 1949 г. поступило в МГБ СССР (!) и только в декабре 1951 г. обнаружилось. При его специальной обработке была обнаружена тайнопись, а на одной из страниц — подпись Сланского. Расшифрованный текст свидетельствовал о том, что «секретариат ЦК КПЧ вынес решение ослабить прогресс социализма на всех

участках, потому что он является слишком суровым для Чехословакии».

Интересно и то, что в одном из донесений в Москву Бесчастный прямо указывал, что «органы государственной безопасности Чехословакии наиболее активно стали проводить следствие после решения Политбюро ЦК ВКП(б), с которым приезжал в Чехословакию один из членов Политбюро». Обнаружить эти документы в архивах пока не удалось.

Что касается всей переписки по «делу Сланского», то ее история также весьма интересна и показательна. Накануне XX съезда КПСС А. Новотный попросил новое советское руководство «разобраться в деле Сланского», так как этому должен быть посвящен специальный пленум ЦК КПЧ. Сразу после получения этой просьбы 18 января 1956 г. все эти документы были сожжены. А 27 января 1956 г. Президиум ЦК КПСС утвердил текст ответа Новотному (его составили Сулов и Пономарев), в котором сообщал, что «документы по этому делу не обнаружены в архивах» и предлагал не ставить на обсуждение этот вопрос до обмена мнениями. Тогда же был специально допрошен А. Д. Бесчастнов. Он, в частности, сказал, что при первой встрече с Готвальдом тот заявил, что он сам думал заняться «делом Сланского», но «очевидно, в Москве больше знают об этом деле и имеют больше материалов, чем в Чехословакии». Бесчастнов также прямо заявил, что, инструктируя его при выезде из Москвы, Игнатьев сослался на прямую директиву Сталина об аресте и предании суду Сланского.

Маниакальную подозрительность Сталина по своему и в своих интересах использовали и лидеры стран народной демократии, особенно добиваясь экономической и военной помощи. Так, 2 апреля

1951 г., в разгар советско-югославского разрыва, на прием к Сталину прибыл председатель совета министров Албании Э. Ходжа в сопровождении начальника Генштаба Б. Балуку. Сталин принял его в присутствии Молотова, Маленкова, Берии и Булганина. Когда Сталин поинтересовался, чем именно вызван внезапный визит в Москву албанского лидера, тот заявил изумленным слушателям о готовящемся нападении на Албанию со стороны Италии, Югославии и Греции и предложил рассмотреть карты, планы действий партизан, мобилизационный план развертывания армии. В то же время он посетовал, что албанская армия обладает лишь 25 танками и попросил «в связи с такой напряженной обстановкой» оказать крупную военную и материальную помощь. Заметив, что «югославы хотели поугадать, но не следует бояться и поддаваться на провокации», Сталин спросил Ходжу, откуда у него информация о предстоящей тройственной агрессии. Слегка смутившись, тот был вынужден признать, что «албанское правительство точно не знает, нападут эти страны или нет», и спросил у Сталина, на чем следует сосредоточиться в дальнейшей деятельности. Советский лидер ответил: «Главное состоит в том, чтобы очищать партию от врагов и укреплять органы внутренней безопасности»<sup>73</sup>. Помощь, впрочем, он тоже предоставил.

Круг интересов «великого вождя и учителя» был поистине всесторонним. В январе 1951 г. он высказался по поводу проекта платформы компартии Индонезии, принятой в октябре 1950 г. Этот сталинский документ интересен прежде всего его общим подходом к проблемам освободительной борьбы в Азии, а также тактики действий коммунистических партий. Он отмечал, что главная за-

дача коммунистов Индонезии состоит не в «создании широчайшего единого национального фронта» против империалистов для «завоевания подлинной независимости», а в ликвидации феодальной собственности на землю и в передаче земли в собственность крестьянам. «Главное в Индонезии — расшевелить крестьян и поднять их на ноги», — отмечал он<sup>74</sup>. Завоевание полной независимости от голландцев с помощью национального фронта он считал второй важнейшей задачей. «Этот фронт, — советовал Сталин, — надо построить так, чтобы он был направлен своим острием первоначально не против всех иностранных империалистов, а только против голландских империалистов»<sup>75</sup>. В вопросе о методах борьбы он отмечал, что необходимо «дополнить метод партизанской войны методом революционных выступлений рабочего класса в городах и промышленных пунктах...» Интересны и его советы по вопросам внутрипартийной жизни, где он также показал себя учеником Ленина. На заре существования большевистской партии тот, отвечая А. Шнеерсону на предложение предусмотреть в будущей партии такую форму работы, как дискуссия, писал: «Насчет «дискуссии» я думаю, что такого учреждения *вовсе не надо*»<sup>76</sup>. Сталин, комментируя платформу индонезийских коммунистов, через полвека писал: «В документе имеется указание на необходимость широкой дискуссии в партии «снизу доверху». Советуем товарищам индонезийцам не увлекаться дискуссией. Безудержная дискуссия губит компартию Индии. Она окончательно загубит компартию Индонезии»<sup>77</sup>. Вместо этого он предлагал «простой и проверенный метод: ответственные товарищи выработывают, скажем, платформу партии, ведя соответствующую дискуссию в узком кругу, без опубликования в пе-



чати; после принятия документа большинством ответственных товарищей документ утверждается и пускается в ход, как основной закон партии, обязательный для членов партии...»<sup>78</sup>

Особое значение в новой расстановке сил в послевоенном мире Сталин уделял победе революции в *Китае*. Советская политика в Китае прошла в своем развитии также несколько этапов — от всемерной помощи Чан Кайши до такой же всеобъемлющей поддержки Мао Цзэдуна. Еще во время Второй мировой войны при поддержке СССР в Китае была отработана новая тактика борьбы с центральным правительством — создан Особый район (Синьцзян), которым управляли лидеры компартии Китая, выполнявшие прямые указания Москвы. Как вспоминал Н. С. Хрущев, «в этой провинции Китая реально правили наши люди»<sup>79</sup>. А переводчик Сталина В. Бережков был более откровенен, заявляя о ключевой роли советского консула Апресяна в управлении делами в Синьцзяне. Номинальный же правитель провинции Дубань Шэнь Шицай являлся членом ВКП(б) и в полной мере выполнял партийные директивы, полученные из Москвы<sup>80</sup>.

По мере все более частого совпадения политических позиций Чан Кайши и англо-американских союзников в войне Сталин уже на заключительном ее этапе сделал главную ставку на китайских коммунистов во главе с Мао.

Как известно, союзниками было принято специальное решение о нейтралитете в гражданской войне в Китае и запрете оказания помощи (в первую очередь оружием) любой из сторон. Однако советское руководство никогда всерьез не воспринимало этой договоренности. Как вспоминал Хрущев, сразу после окончания Второй мировой вой-

ны «мы решили оказать прямую помощь Мао Цзэ-дуну и Народно-освободительной армии в борьбе за государственную власть». Для этого, в нарушение действовавших договоренностей с союзниками, СССР передал китайским коммунистам львиную долю трофейного вооружения Квантунской армии. Для того чтобы избежать обвинений в нарушении обязательств, оружие завозилось на заранее обговоренные территории, где его «похищали» люди Мао<sup>81</sup>.

К лету 1949 г. развитие гражданской войны в Китае вступило в завершающую фазу. 27 июня советское руководство (Сталин, Молотов, Маленков и Микоян) приняли нелегально прибывшую в Москву делегацию ЦК КПК<sup>82</sup>. В ее состав входили секретарь ЦК Лю Шаоци, член Политбюро и секретарь ЦК КПК, глава правительства Маньчжурии Гао Гань и член ЦК Ван Цзаоян. Центральным на встрече был вопрос о скорейшем завершении борьбы с войсками Чан Кайши и установлении полного контроля над территорией Китая. Опасаясь возможного вмешательства англичан в китайские дела, Сталин предложил китайским коммунистам «не затягивать занятие Синьцзяна» и предложил не только военную, но и экономическую помощь. Был предложен, в частности, кредит Китаю на десять лет в размере 300 миллионов долларов под 1% годовых (в то время как другие страны народной демократии выплачивали 2%). Для подавления кавалерии противника Сталин предложил предоставить в распоряжение коммунистов 40 истребителей, «которые помогут разгромить и рассеять эту кавалерию очень быстро». Предметом особого разговора стала проблема «китаизации» приграничных районов. «Китайского населения в Синьцзяне имеется не более 5 процентов, — говорил Сталин, —

после занятия Синьцзяня следует довести процент китайского населения до 30 процентов путем переселения китайцев для всестороннего освоения этого огромного и богатого района и для усиления защиты границ Китая. Вообще следует в интересах укрепления обороны Китая заселить все приграничные районы китайцами»<sup>83</sup>.

Помощь СССР была главным условием победы китайских коммунистов в гражданской войне. 1 октября 1949 г. было объявлено о провозглашении Китайской Народной Республики, и ее правительство обратилось к СССР с просьбой о дипломатическом признании. В тот же день Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об установлении дипломатических отношений с КНР и о разрыве отношений с правительством Чан Кайши.

Спустя два месяца после провозглашения КНР в Москве встречали ее лидеров во главе с Мао. На встрече со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Булганиным и Вышинским 16 декабря Мао Цзэдун заявил, что Китай нуждается сейчас в мирной передышке на 3—5 лет. Этот период он намерен использовать для восстановления экономики и стабилизации внутривластного положения. Сталин в этой связи отметил, что «в Китае, таким образом, идет война за мир». Тем не менее центральное место в переговорах занял вопрос о роли намечавшегося союза СССР и Китая в послевоенном мире. Сталин оценивал международную ситуацию, сложившуюся к этому времени, как достаточно спокойную, не угрожающую безопасности СССР и Китая. И это было весьма показательным, если учесть, что только что была создана военная организация НАТО, и официальная пропаганда каждый день вещала о возможном скором нападении на СССР и страны народной демократии. Го-

воря о возможной угрозе Китаю, Сталин отмечал, что «непосредственной угрозы для Китая в настоящее время не существует: Япония еще не встала на ноги и поэтому к войне не готова; Америка, хотя и кричит о войне, но больше всего войны боится; в Европе запуганы войной; в сущности, с Китаем некому воевать». «Разве что Ким Ир Сен пойдет на Китай», — пошутил генералиссимус<sup>84</sup>. На основе этого своего анализа Сталин сделал принципиально важный вывод о том, что «мир зависит от наших усилий. Если будем дружны, мир может быть обеспечен не только на пять—десять, но и на двадцать — двадцать пять лет, а, возможно, и на еще более продолжительное время»<sup>85</sup>.

Поддержав идею Мао о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, Сталин предложил сохранить в нем положение о праве СССР на размещение своих войск в Порт-Артуре. Но при этом предложил вывести сами войска. Мао возражал, считая вывод советских войск несвоевременным. Наоборот, ссылаясь на отсутствие у народного правительства военно-морских сил, он просил Сталина помочь в захвате занятого чанкайшистами Тайваня.

Впервые Сталин заговорил здесь и об использовании «китайской карты» как фактора политического давления на США и Англию. Учитывая обеспокоенность Англии и США в связи с выходом китайских войск на границы с Бирмой и Индокитаем, Сталин порекомендовал Мао «пустить слух, что Вы готовитесь перейти границу и таким образом попугать империалистов». Развивая эту идею, Сталин сказал, что «если, например, понадобится нажать на Англию, то это можно сделать, прибегнув к конфликту Гуандунской провинции с Гонконгом. А для урегулирования такого конфлик-

та в качестве посредника мог бы выступить Мао Цзэдун»<sup>86</sup>.

В ходе встречи 22 января 1950 г. Сталин и Мао обсудили общую направленность договора «о дружбе и союзе», поручив подготовку проекта Вышинскому и Чжоу Эньлаю. Вновь затрагивался вопрос о статусе Порт-Артура и советских войсках на Ляодунском полуострове:

«СТАЛИН. Мы считаем, что договор о Порт-Артуре является неравноправным.

МАО ЦЗЭДУН. Но ведь изменение этого соглашения задевает решения Ялтинской конференции?!

СТАЛИН. Верно, задевает — ну и черт с ним! Раз мы стали на позицию изменения договоров, значит, нужно идти до конца. Правда, это сопряжено с некоторыми неудобствами для нас и нам придется вести борьбу против американцев. Но мы уже с этим примирились». Было решено оставить в силе соглашение о Порт-Артуре до подписания мирного договора с Японией. При этом Порт-Артур оставался базой для военно-морского сотрудничества между двумя странами (в частности, в деле обучения кадров), а Дальний — для экономического сотрудничества СССР и Китая. Категорически возразил Сталин и против сделанного еще Рузвельтом предложения о предоставлении Дальнему статусу открытого города: «Получается: дом с открытыми воротами»<sup>87</sup>.

Есть все основания полагать, что в ходе этого долгого визита в СССР руководства Китая был решен и вопрос о продвижении Ким Ир Сена на юг Корейского полуострова.

После завершения разгрома Японии в 1945 г. было заключено специальное соглашение между союзниками о разделе Кореи на две зоны ответ-

ственности. Условным рубежом между этими зонами становилась 38-я параллель. К северу от нее размещались советские, а к югу — американские войска. В 1948 г. как на Севере, так и на Юге сформировались правительства, во многом зависевшие от своих покровителей в лице СССР и США. Каждое из этих правительств вынашивало планы объединения всей страны под своей властью. В том же 1948 г. свои войска из Кореи вывел СССР, а в 1949 г. — США. Однако вывод иностранных войск способствовал не стабилизации ситуации на полуострове, а активизации военных приготовлений обеих сторон к объединению страны силовым методом.

Военные приготовления Северной Кореи активизировались в связи с начавшимся выводом американских войск из Южной Кореи и завершением гражданской войны в Китае. Не последнюю роль сыграло и испытание советской ядерной бомбы. Ким Ир Сен воспринял все это как сигнал для силового решения вопроса о «воссоединении» Кореи. Однако в Москве думали иначе. Тактика Сталина состояла в том, чтобы ни в коем случае не допустить неподготовленного выступления. Мао был с ним полностью согласен. 26 октября 1949 г. Сталин, отвечая на телеграмму Мао Цзэдуна, прямо отмечал: «Мы согласны с Вашим мнением, что в настоящее время Корейской Народной Армии не следует вести наступление, так как это наступление *не подготовлено пока* (выделено авторами.) ни с военной, ни с политической стороны»<sup>88</sup>. Характерно, что Сталин предлагал корейцам активнее использовать тактику, успешно апробированную в ходе гражданской войны в Китае. «Корейским друзьям, — писал он, — следует в борьбе за объединение Кореи сосредоточить свои силы на разверты-

вании партизанского движения, создании освобожденных районов в Южной Корее и на всемерном укреплении Народной Армии Кореи»<sup>89</sup>. «Революционное нетерпение» Ким Ир Сена должны были сдерживать советские военные и политические советники при северокорейском лидере. Однако с октября 1949 г. вооруженные отряды Севера стали регулярно нарушать демаркационную линию и совершать нападения на позиции южан. Эта преждевременная активность вызывала сильное раздражение в Москве. По поручению Сталина Громыко направил 27 октября 1949 г. грозную шифровку советскому послу в КНДР Т. Ф. Штыкову, в которой говорилось: «Вы не донесли о подготовке крупных наступательных действий 3-й полицейской бригады и фактически допустили участие в этих действиях наших военных советников. Вы также не донесли о начале боев 14 октября». Получив объяснения Штыкова, «Инстанция» сочла их неубедительными. В новой шифровке из Центра говорилось: «Вместо того чтобы строго и неуклонно проводить в жизнь указания Центра о том, чтобы не допускать осложнений на 38-й параллели, Вы занялись обсуждением этого вопроса и по существу указаний не выполнили». Принятыми мерами удалось остановить Ким Ир Сена от возможных активных действий против Юга уже осенью 1949 г.

Однако летом 1950 г. в Пхеньяне сочли, что сил для удара вполне достаточно. Дело оставалось лишь за формальным поводом к началу активных военных действий. Нельзя согласиться с точкой зрения тех, кто до сих пор считает, будто Сталин выступал против силового решения корейской проблемы и старался не допустить осложнения отношений с США<sup>90</sup>. Документы показывают, что, безусловно, поддерживая общий замысел и цель

военной операции против Юга, Сталин вряд ли был осведомлен о сроках возможных действий. Тем не менее прав Хрущев, когда он пишет, что «войну начали северокорейцы по инициативе Ким Ир Сена, а Сталин его поддержал, как поддержал и Мао Цзедун. То была согласованная акция»<sup>91</sup>.

Еще в марте 1950 г. началась эвакуация населения из приграничной зоны. С апреля начались поставки из СССР танков и другого тяжелого вооружения. 8 июня 1950 г. на железных дорогах КНДР было введено чрезвычайное положение, вызванное необходимостью переброски к демаркационной линии войск и вооружений. 18 июня Генштаб КНДР дал санкцию на проведение масштабной разведки с целью обнаружения главных сил армии Южной Кореи. Особое внимание уделялось концентрации южнокорейских войск на сеульском направлении. Наконец, 22 июня 1950 г. был издан оперативный приказ № 1, подписанный командиром 4-й пехотной дивизии, в котором войскам ставилась конкретная задача подготовки к фронтальному наступлению на Сеул. Назван был и срок готовности — 23 июня<sup>92</sup>.

20 июня 1950 г. в 22.00 в Москву позвонил Штыков и сообщил, что власти КНДР перехватили два часа назад приказ южнокорейского командования, из которого следовало, что южнокорейская армия в 23 часа (по московскому времени) должна начать наступление на Север. Посол сообщил, что приказ был передан как открытый, ввиду чего «все это дело является подозрительным». Штыков не без оснований полагал, что это могло быть провокацией самой северокорейской стороны. Так или иначе война началась не в тот день.

25 июня 1950 г. МВД КНДР выступило с заяв-



лением по радио, в котором говорилось, что рано утром войска Южной Кореи начали наступление на Северную Корею по всей линии 38-й параллели и углубились в пределы КНДР на 1—2 километра. В связи с этим МВД отдало приказ охранным отрядам «отбить атаки противника».

В тот же день западные средства массовой информации со ссылкой на японское агентство «Киото» сообщили, что в 5 часов утра Вооруженные силы КНДР начали широкомасштабное наступление по всей линии 38-й параллели. Госдепартамент США потребовал созыва Совета Безопасности ООН. Он собрался в тот же день и предложил сторонам, участвующим в конфликте, прекратить боевые действия, отвести войска КНДР на исходные позиции, осуществить международный контроль за соблюдением отвода войск. Советский представитель, имевший право наложить вето на это решение, отказался участвовать в обсуждении корейского вопроса, чем «развязал руки» США.

Наступление Севера было настолько стремительным, что уже через два дня после его начала правительство Юга начало эвакуацию правительственных и административных учреждений из Сеула в Сувон. В тот же день Сеул был окружен, а утром 28 июня взят. Наступление северян продолжалось.

В этих условиях США не исключали применения ядерного оружия. Такая угроза сдерживала СССР от прямого участия в конфликте не только на начальном, но и на последующих этапах его развития. 23 августа 1950 г. министр иностранных дел СССР Вышинский, опасаясь применения ядерного оружия со стороны США, направил Сталину проект международной «Декларации об устранении угрозы новой войны и об укреплении

мира и безопасности народов», в котором поставил вопрос о запрещении ядерного оружия и объявлении военными преступниками правительства, которые первыми применят его. Сила политической позиции советского руководства была, безусловно, в том, что советские войска в Корею (за исключением военных советников) отсутствовали. В то же время советским спецслужбам было поручено подготовить серию диверсионных акций на восточном побережье США (взрывы в портах и на кораблях)<sup>93</sup>.

Однако США в итоге избрали более эффективную, по существу, беспроблемную тактику. С одной стороны, они объявили о начале всесторонней помощи южнокорейскому режиму. А с другой, — стали сколачивать единую коалицию государств против КНДР. Для этого был использован мандат ООН. Позитивно было воспринято в мире и обращение правительства США к советскому руководству с предложением начать переговоры об урегулировании кризиса.

Действия советских лидеров были неадекватными. 29 июня Политбюро приняло текст ответа на американские предложения. Не отвечая по существу, оно возлагало всю ответственность за развязывание войны на Южную Корею, акцентировало внимание американской стороны на том, что США в отличие от СССР так и не завершили вывод своих войск из Кореи, уход советского представителя с заседания Совета Безопасности по корейскому вопросу объяснялся «чувством солидарности» с Китаем, представитель которого не был допущен на это заседание. Аналогичной была реакция и на обращение британского правительства.

В глазах мировой общественности СССР представлял в итоге как страна, сочувствующая и помо-

гающая агрессору. Этим во многом объясняется и массовая политическая и военная поддержка южнокорейского режима в борьбе с КНДР. Около 40 стран заявили о желании оказать помощь Южной Корее в борьбе с агрессией. Уже в первые дни Тайвань предложил направить в Корею три дивизии. Новая Зеландия — два фрегата. Голландия — свой эсминец «Эверстен». Даже Таиланд направил в Корею партию риса.

Тем временем в Пхеньяне праздновали победу. 8 июля от Ким Ир Сена в Москву поступило послание в адрес Сталина, в котором выражались «глубочайшее уважение и признательность» за «неоценимую помощь», оказываемую СССР в борьбе за «независимость корейского народа».

США тем временем объявили о начале морской блокады Кореи и подготовке к высадке интернационального военного десанта. Это сообщение не было воспринято в Пхеньяне как реальная угроза. Правда, Ким Ир Сен через Штыкова просил Москву предоставить для обороны корейского побережья 2 тысячи заградительных мин, 10 торпедных катеров и три боекомплекта торпед к ним<sup>24</sup>. Он всерьез полагал, что этого будет «вполне достаточно» для предотвращения высадки союзной армии.

В условиях интернационализации конфликта потребовалось доказать вину Южной Кореи и США в развязывании войны. 3 августа 1950 г. в газете «Нодон синмун» были опубликованы трофейные карты сухопутных войск Южной Кореи, на которых военные прорабатывали планы возможных боевых действий против Севера. Эти учебные карты были объявлены «военно-стратегическими». Таким образом, получалось, что именно южнокорейская армия готовилась к агрессии.

В условиях, когда северокорейские войска взя-

ли под контроль основную часть территории страны, советское руководство объявило о готовности начать переговоры.

Тем временем 16 сентября союзные войска высадились в районе Чемульпо и начали освобождение южнокорейской территории. Это радикально изменило общую ситуацию в Корее. Северокорейские войска оказались не готовы противостоять современной американской армии. В условиях, когда военно-стратегическая обстановка менялась в пользу США и их союзников (действовавших к тому же под флагом ООН), СССР вновь отказался садиться за стол переговоров. В то же время через представителя СССР в ООН Я. А. Малика была предпринята попытка установить непосредственный контакт с госдепартаментом США. Целью дипломатических усилий СССР было добиться прекращения наступления американских войск на Север Кореи.

Тем временем армия КНДР отступала, утрачивая одну позицию за другой и теряя десятки тысяч солдат убитыми, ранеными и пленными. Непосредственная угроза сложилась для Пхеньяна. Для его обороны Сталин разрешил переброску 34-го истребительного авиационного полка на самолетах Як-9 из Приморья через Китай непосредственно в Корею. Главному советскому военному советнику и послу СССР в Корее была направлена новая директива Сталина (теперь он подписывал документы именем Фын Си). Оценивая причины неудач на фронте, он отмечал, что они явились «следствием допущенных крупных ошибок со стороны Командования фронтом, Командования армейских групп и войсковых соединений как в вопросах управления войсками, так и особенно в вопросах тактики их боевого использования»<sup>95</sup>. Сталин

обращал особое внимание на «стратегическую малограмотность» наших советников, которые «не поняли стратегического значения высадки противника в Чемульпо» и давал директиву, как и по каким направлениям отступить, чтобы не потерпеть окончательного поражения<sup>96</sup>.

В критические октябрьские дни 1950 г., когда сложилась крайне неблагоприятная ситуация на фронте для Корейской народной армии, Ким Ир Сен по примеру своего великого «учителя» обратился к населению Кореи с воззванием, начинавшимся как и известное выступление Сталина 3 июля 1941 г., со слов: «Братья и сестры!»<sup>97</sup>

Американцы тем временем добились господства в воздухе, где действовало до тысячи самолетов с их стороны. Это было решающим фактором для успеха развивающегося наступления сухопутных войск.

Ким Ир Сен был вынужден обратиться к Сталину за непосредственной военной помощью. «Дорогой Иосиф Виссарионович! — писал он. — Мы не можем не просить от Вас особой помощи. Иными словами, в момент перехода вражеских войск севернее 38-й параллели нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза. Если по каким-то причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольческих частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания военной помощи в нашей борьбе». Сталин, однако, не только не пошел на введение советских войск в Корею, но и не спешил с ответом на письмо. Во втором послании в Москву Ким Ир Сен попытался использовать последний козырь, сделав ставку на шантаж Сталина возможностью создания американского плацдарма в Корее для

нападения на СССР. «Теперь, — писал он, — для всех очевиден тот факт, что американский агрессор, добившись значительных успехов в последних военных операциях, не остановится ни перед чем, чтобы полностью захватить всю Корею и превратить ее в свой стратегический плацдарм для дальнейшей агрессии на Дальнем Востоке». Не надеясь уже на введение советских войск в Корею, Ким Ир Сен просил разрешить подготовку из числа советских корейцев 1000 танкистов, 2000 летчиков, 500 связистов, 500 офицеров инженерной службы<sup>98</sup>.

Опасаясь непосредственного втягивания в корейскую войну СССР, Сталин дал согласие на создание «интернациональных» бригад, состоявших в абсолютном большинстве из китайцев, и предложил Мао Цзэдуну немедленно направить в Корею не менее 6 дивизий для стабилизации линии фронта. После некоторых колебаний Мао ответил согласием<sup>99</sup>. Китай становился, таким образом, реальным участником военных действий в Корее. Возглавлять китайских «добровольцев» был назначен известный генерал Пын Дэхуэй. О том, как китайские солдаты превращались в «добровольцев», свидетельствовал бывший польский военный атташе в Китае и Корее П. Монат. В частях НОАК проводились беседы с военнослужащими, в ходе которых говорили об угрозе нападения США на Китай. Затем строили солдат и предлагали тем, кто добровольно хочет защитить свою родину от агрессора, сделать шаг вперед. Естественно, шаг вперед делала вся рота<sup>100</sup>.

До подготовки национальных корейских кадров было разрешено также использовать советских военных специалистов. С этого времени в боевых действиях в Корее участвовали не только военные советники СССР, но и советские летчики, танкис-

ты, моряки. Советской авиацией за период с 1 декабря 1950 г. по 6 декабря 1951 г. было сбито 569 самолетов противника. Потери СССР составили 53 самолета МиГ-15 и 30 летчиков<sup>101</sup>. Корейские торпедные катера после атаки американцев уходили порой в советские территориальные воды, на военно-морские базы СССР. Было получено согласие Сталина на перебазирование корейского флота во Владивосток в случае, если создастся реальная угроза его захвата или уничтожения американцами.

Вступление в войну частей НОАК изменило соотношение сил в пользу Северной Кореи. Войска ООН начали отступать. 1 февраля 1951 г. ООН приняла резолюцию, в которой КНР характеризовалась как страна-агрессор. 18 мая против КНДР и КНР ООН ввела экономическую блокаду. Американская сторона тем временем не переставала подтверждать свое намерение сесть за стол переговоров. Вышинский в декабре 1950 г. запросил Сталина о возможности дать согласие на прекращение военных действий в Корее. Однако директива Политбюро от 7 декабря 1950 г. гласила: «Ваше предложение о прекращении военных действий в Корее считаем неправильным в настоящей обстановке, когда американские войска терпят поражение и когда со стороны американцев все чаще выдвигается предложение о прекращении военных действий в Корее, чтобы *выиграть время и помешать полному поражению американских войск* (выделено авторами)»<sup>102</sup>. Вместо согласия на переговоры советская сторона предложила два принципиальных пункта, которые должны были лечь в основу соглашения: немедленный вывод всех иностранных войск из Кореи и решение корейской проблемы самим корейским народом. С этими требованиями США согласиться не могли.

Тем временем Сталин потребовал от Ким Ир Сена проанализировать причины поражений и неудач. Он требовал также поиска и наказания виновных лиц, «врагов корейского народа». Отчитываясь о выполнении этого указания, северокорейский лидер в начале 1951 г. докладывал о снятии начальника Главного управления по культурно-просветительной работе в армии, командующего фронтом, командующего 2-й армейской группой, командиров некоторых дивизий и других военных руководителей. Большинство из них были преданы трибуналу и казнены. Вслед за этим началась кампания поиска врагов среди других генералов и офицеров армии. «Ваши указания и замечания, — писал в Москву благодарный корейский лидер, — мы как коммунисты и верные Ваши последователи приняли как руководящее указание для нашей дальнейшей работы. Очень благодарим Вас, дорогой товарищ Фын Си, за своевременную помощь советом и надеемся, что и в дальнейшем будем получать от Вас указания и замечания»<sup>103</sup>.

После того как в мае боевые действия в Корее стали носить позиционный характер, летом 1951 г. начались переговоры о перемирии в Корее. Соглашение Кореи и Китая на участие в них было обусловлено требованием (согласованным с Москвой) не обсуждать политических вопросов и проблем послевоенного устройства. Поэтому ключевым на переговорах стал вопрос о военнопленных. Поставлен он был, конечно, американской стороной. Численность корейских военнопленных составляла к этому времени до 100 тыс., а китайцев — до 20 тыс. человек. На этом фоне численность американских военнопленных была гораздо меньше и не достигала даже 5 тыс. человек, а южнокорейцев — 7400. По инициативе китайцев и се-



верных корейцев переговоры велись об освобождении *всех на всех*.

Международный Красный Крест поставил вопрос о проверке условий содержания американских военнопленных в корейском плену. Громыко докладывал в этой связи Сталину 29 июля 1951 г.: «МИД СССР считал бы возможным, если в лагерях американских военнопленных соблюдаются хотя бы важнейшие положения Женевской конвенции, разрешить посещение этих лагерей... при условии, что члены этой Комиссии одновременно посетят лагеря захваченных в плен бойцов КНДР и китайских добровольцев»<sup>104</sup>.

Однако, как выяснилось, руководство КНДР не имело даже отдаленных представлений о том, чего требуют Женевские конвенции. Поэтому МИД СССР дал разъяснения об этом через своего посла в Пхеньяне.

Переговоры так и не привели к перемирию. Одной из главных причин этого стало совершенно различное понимание и оценка ситуации вокруг Кореи участниками переговоров. Весьма показательной в этой связи является телеграмма Сталина Мао Цзэдуна от 28 августа 1951 г. «Как и прежде, — отмечал «Филиппов», — мы исходим из того, что американцы больше нуждаются в продолжении переговоров. Мы не видим пользы в приглашении по Вашей инициативе представителей нейтральных государств участвовать в переговорах в качестве контролеров и свидетелей в период теперешних переговоров. Отрицательной же стороной этого предложения является то, что американцы расценят это так, что китайско-корейская сторона будто бы больше нуждается в скорейшем заключении соглашения о перемирии, чем американцы»<sup>105</sup>. Неудивительно, что переговоры в итоге зашли в тупик.

Интерес представляет оценка советским и китайским руководством ситуации вокруг Кореи летом 1952 г., когда в Москве встретились Сталин и Чжоу Эньлай.

Китайский премьер отмечал сложившееся «известное равновесие» сил и по поручению Мао Цзэдуна поставил перед Сталиным три вопроса о возможных перспективах развития ситуации: «Первый — сможем ли мы отбросить противника. Мы убедились, что сможем. Второй вопрос — сможем ли мы удержаться на занимаемых позициях. Текущий год показал, что мы сможем удержаться и закрепиться на этих позициях. Третий вопрос — сможем ли мы вести наступательные операции, атаковать противника. Раньше думали, что нам едва ли удастся вести наступательные операции дольше семи дней. Теперь мы достаточно укрепились, чтобы вести операции дольше и чтобы выдержать бомбежку, крепко зарылись в землю»<sup>106</sup>. Однако, отвечая на вопрос Сталина, смогут ли они развернуть наступательные операции, Чжоу Эньлай признал, что они смогли бы осуществить наступление «для захвата отдельных позиций», но общее наступление осуществить трудно. Сталин в свою очередь дал прежнюю оценку, подчеркнув, что «война в Корее показала слабость американцев. Войска двадцати четырех стран не могут долго поддерживать войну в Корее, так как они не добились своих целей и не могут рассчитывать на успех в этом деле»<sup>107</sup>. И потому он предложил «помогать корейцам и поддерживать их». Затрагивался и вопрос о перспективах переговорного процесса. Чжоу Эньлай отметил, что в переговорах с американцами нельзя идти на уступки. Сталин же на это ответил: «Если американцы немного уступят, то можно согласиться, имея в виду, что о нерешенных воп-

росах переговоры будут продолжены»<sup>108</sup>. Далее собеседники затронули крайне важный вопрос о возможности новой мировой войны:

«ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ. США не готовы к мировой войне. Выполняя авангардную роль в этой войне, Китай способствует тому, что момент наступления войны отдалается, если удастся сдержать наступление американцев в Корее, на 15—20 лет. Тогда США вообще не смогут развязать третью мировую войну.

СТАЛИН. Это правильно, но с одной оговоркой: американцы вообще не способны вести большую войну, особенно после корейской войны. Вся их сила в налетах, атомной бомбе. Англия из-за Америки воевать не будет. Америка не может победить маленькую Корею. Нужна твердость в отношениях с американцами. Китайские товарищи должны знать, что если Америка не проиграет эту войну, то Тайвана китайцы никогда не получают. Американцы — это купцы. Каждый американский солдат — спекулянт, занимается куплей и продажей... Главное вооружение американцев — это чулки, сигареты и прочие товары для продажи. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Нет, американцы не умеют воевать»<sup>109</sup>.

На той же встрече Сталин преподнес китайским партнерам и урок политэкономии социализма (как показал «большой скачок» — этот урок так и не был ими усвоен). Чжоу Эньлай привез в Москву проект пятилетнего плана развития народного хозяйства страны. В нем предполагалось осуществить ежегодный промышленный рост 20%. Сталин был заметно обескуражен такими планами и прямо спросил, «не слишком ли это напряженный план». Однако Чжоу Эньлай сослался на военную необ-

ходимость, так как «на каждый китайский снаряд американцы в Корее отвечают двадцатью своими». Тогда Сталин дал классическое объяснение функционирования советской экономической системы: «Скажем, в 1953 г. мы поставляем вооружения для 10—15 дивизий. Нам нужно знать, сколько стали и других материалов потребуется для выполнения этого заказа. В этом же 1953 г. мы должны дать определенное количество оборудования по гражданской части. Это тоже нужно подсчитать. Затем сложить обе цифры по гражданской и военной частям и определить, сможем ли мы обеспечить в таком объеме поставки. Сообразно с этим и строить план на каждый год». Когда Чжоу Эньлай сказал, что расходы в бюджете Китая в 1950 г. составляли 44%, а в 1951 г. — 52%, Сталин прямо заявил, что «у нас даже во время войны не было такой высокой цифры военных расходов. У нас во время войны военное производство составляло около 40—45%, но в Китае нет настоящей войны»<sup>110</sup>.

Какими же оказались итоги корейской войны?

Ее последствия были далеко не такими благоприятными как для СССР, так и для США.

Прежде всего, ни одной из сторон не удалось достичь своих первоначальных целей: ни СССР, ни США не получили контроля над всем Корейским полуостровом. Были ли для СССР итоги войны поражением? Думается, нет. Как не были они таковыми и для США.

СССР в данном конфликте достаточно успешно противостоял (вместе с Китаем) едва ли не всему остальному миру.

Война в Корее показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав — СССР и США.

Она положила начало их непосредственному

военному противостоянию в самых различных, порой неожиданных уголках мира, продолжавшемуся до конца 80-х годов. Более того, оно стало поистине глобальным.

Война показала возросший авторитет ООН, которая впервые продемонстрировала свой авторитет и реальную возможность военным путем влиять на ситуацию в тех или иных районах мира.

Корейская война свидетельствовала также о том, что ядерное оружие, которое к этому времени имели уже не только США, но и СССР, стало реальным фактором, способствующим ограничению эскалации военных действий. С возможным ядерным возмездием теперь не могли не считаться как в Москве, так и в Вашингтоне.

Открытое противостояние СССР и США в корейском конфликте по-разному было воспринято в советском и американском обществе. Если в первом случае оно привело к усилению мобилизационных настроений, еще более тесному сплочению народа вокруг возможной опасности, стоявшей у самых границ страны, то во втором — к росту антивоенных настроений и в итоге к поражению Трумэна на выборах 1952 г.

Вместе с тем в США расценивали события в Корее как триумф трумэновской политики «сдерживания коммунизма». Ее опыт лег в основу военного учения об ограниченном военном противостоянии, а позже — доктрины «гибкого реагирования»<sup>111</sup>.

Наконец, корейская война вызвала бурный, невиданный в послевоенных условиях рост милитаризма как в СССР, так и в США.

За годы войны США сумели почти удвоить свои военно-воздушные силы, удвоили общую численность своих вооруженных сил, доведя ее до

рекордного уровня 3,5 млн человек. Военный бюджет страны вырос в 5 раз — с 12 до 60 млрд долларов в год. Ежегодная американская военная помощь зарубежным странам увеличилась с 4,5 до 10,6 млрд долларов. Значительно выросли объемы производства ядерного оружия и ускорилась подготовка к созданию термоядерной бомбы<sup>112</sup>.

СССР увеличил свою армию за годы войны с 2874 тыс. до 3100 тыс. Военные расходы выросли с 8287 млн рублей до 9638 млн руб.<sup>113</sup>.

Стремясь противостоять «советской экспансии», США ускорили подготовку мирного договора с Японией. В Юго-Восточной Азии был создан военно-политический блок СЕАТО.

Война явилась тяжелейшим ударом для корейского народа. В ее огне погибли 1 млн южнокорейцев и не менее 3 млн северокорейцев, а также 33 тыс. американцев и до сей поры не известное число китайских и советских воинов<sup>114</sup>.

Корейская война явилась кульминацией в послевоенных *советско-американских отношениях*.

Советско-американские отношения начали давать трещину сразу после смерти Рузвельта в апреле 1945 г. Впрочем, можно быть уверенным в том, что даже в том случае, если бы Рузвельт продолжал жить и управлять страной, отношения между двумя странами все равно вступили бы в полосу кризиса.

Сразу после переписки Сталина и Трумэна в апреле 1945 г., обнаружившей их принципиальные разногласия в польском вопросе, правительство США приняло решение о пересмотре поставок в СССР по ленд-лизу. 12 мая в ноте заместителя госсекретаря США Грю говорилось, что «отгрузка поставок согласно ныне действующей программе по ленд-лизу для СССР будет немедленно видоиз-

менена с учетом конца организованных военных действий в Европе»<sup>115</sup>. Во исполнение этого решения была отдана команда не только на прекращение погрузок товаров по ленд-лизу, но и о возвращении судов, находящихся в пути в порты СССР и даже подошедших к его берегам. Для советского руководства это было полной неожиданностью. Однако просить США о продолжении таких поставок оно не стало. Более того, в шифровке Молотова послу в Вашингтоне критиковалась позиция председателя Амторга, пытавшегося выразить протест американским официальным лицам: «Скажите т. Еремину, чтобы он не кланчил перед американскими властями насчет поставок и не высывался вперед со своими жалкими протестами. Если США хотят прекратить поставки, тем хуже для них»<sup>116</sup>.

В марте 1946 г. советское руководство предложило заключить советско-американский договор о дружбе, торговле и навигации. Одновременно велись переговоры об условиях предоставления СССР американского кредита в 1 млрд долларов для нужд восстановления разрушенного хозяйства. Обе инициативы окончились безрезультатно.

20 декабря 1946 г. Сталин принял сына президента Рузвельта Эллиота, который взял у него интервью. Самым важным итогом встречи стало согласие Сталина на новую встречу «большой тройки» для обсуждения международной ситуации.

9 апреля 1947 г. Сталин встретился с видным деятелем республиканской партии США Г. Стассеном. Интересна оценка Сталиным состояния и перспектив развития советско-американских отношений. На вопрос Стассена, могут ли сосуществовать две разные общественные системы, Сталин ответил: «Конечно, могут сотрудничать друг с другом... Экономические системы в Германии и США

одинаковые, но тем не менее между ними возникла война. Экономические системы США и СССР различны, но они не воевали друг с другом, и *СССР не намерен воевать*». Выделенные в тексте слова были позже вычеркнуты из стенограммы беседы рукой Сталина, хотя именно их Стассен чаще всего приводил в отчетах о встрече с советским лидером. Но в то же время Сталин недвусмысленно отметил, что «если одна сторона не желает сотрудничать, то результатом будет конфликт, война». В дальнейшей беседе Сталин высказался в пользу мирного сосуществования двух систем (хотя весь этот раздел был им позже вычеркнут из стенограммы): «В качестве практического начала надо избрать взаимное уважение систем. Советскую систему называют тоталитарной или диктаторской, а советские люди называют американскую систему монополистическим капитализмом. Если обе стороны начнут ругать друг друга монополистами или тоталитаристами, то сотрудничества не получится. Надо исходить из исторического факта существования двух систем»<sup>117</sup>.

Одной из самых любопытных интриг в советско-американских отношениях в 1948 г. стали контакты советского руководства с кандидатом на пост президента США на выборах 1948 г. от «третьей» партии Уоллесом.

По мере разворачивания предвыборной кампании по выборам президента США ряд американских политиков попытался использовать «русскую карту». Это было не случайно, так как и без того непростые советско-американские отношения в этот период еще больше ухудшились после принятия «плана Маршалла» и смены власти в Чехословакии, осложнений в решении германской проблемы. В начале апреля 1948 г. к Сталину обратились



некоторые конгрессмены (в частности, А. Пиккус из Кливленда и Э. Фут из Коннектикута) с приглашением прибыть в США и выступить на совместном заседании конгресса. Характерно, что конгрессмен от штата Коннектикут Фут предлагал Сталину «немедленно приехать в Вашингтон для немедленного совещания с президентом Трумэном, с тем чтобы спикер палаты представителей Джозеф Мартин выступил в роли посредника» между двумя лидерами<sup>118</sup>.

13 и 14 апреля с Я. Маликом и А. Громыко встретился кандидат в президенты Уоллес, также предложивший выступить посредником в урегулировании советско-американских отношений. Он обсудил с ними, в частности, возможность своей поездки в СССР, а также предложил через собеседников Сталину выступить с совместным заявлением об улучшении двусторонних отношений. Об этом контакте сразу информировали Москву.

Каждая из сторон последовавших консультаций имела свой вполне прагматический интерес. Уоллес рассчитывал на успех в предвыборной кампании «с помощью» Сталина (вернее, самого факта контактов с ним). Советский лидер рассчитывал на создание некоей «третьей партии» в США, которая могла бы стать если не проводником советского внешнеполитического курса, то, по крайней мере, его пропагандистом.

На встречах с советскими представителями Уоллес предложил основные идеи совместного заявления, которое следовало бы сделать ему и Сталину. В нем предлагалось подчеркнуть, что между двумя странами нет таких различий, которые нельзя было бы мирно решить. Ключевым пунктом должно было стать положение о прекращении «холодной войны».

Сталин отказался от идеи совместного заявле-

ния и предложил, чтобы Уоллес сам выступил с заявлением. В случае если высказанные им положения будут созвучны настроениям советского руководства, Сталин предлагал поддержать их в своем специальном заявлении. Перед тем как выступить с открытым письмом в адрес Сталина, Уоллес направил ему текст своего обращения, где изложил свою оценку по ряду вопросов. Сталин, в свою очередь, откомментировал эти предложения.

Интересна реакция Сталина на предложения Уоллеса. Так, на просьбе Уоллеса к советскому лидеру опровергнуть сведения о советском вмешательстве в чехословацкие дела с целью успокоить общественное мнение США Сталин начертил: «Чепуха». На предложении Уоллеса активизировать американскую торговлю в Восточной Европе Сталин пишет: «Можно». Уоллес предлагает «освободить» югославское золото (остававшееся еще в США), оставив в Америке его часть в счет погашения различных задолженностей. Сталин соглашается и с этим. Относительно объединения Кореи и введения принципа «открытых дверей» в Китае Сталин пишет: «Это дело Кореи и Китая». В то же время он соглашается с предложением Уоллеса обеспечить вывод всех войск из Германии через год после заключения с ней мирного договора. Согласно ответил Сталин и на предложение закрепить принцип территориальной целостности СССР и США. В специальном разделе проекта письма, где Уоллес предлагал зафиксировать принципы экономической и политической демократии, как универсальные для всего человечества, Сталин, не вдаваясь в дискуссии, кратко резюмировал: «Это дело каждой страны»<sup>119</sup>.

Уоллес полагал, что эти договоренности должны быть обнародованы после его поездки в СССР. В таком случае они могли выглядеть как ее резуль-

тат, причем достигнутый путем «убеждения» Сталина. В Кремле это поняли сразу. Ответ Сталина был категоричен: «Поездка может повредить». Кому и чему — оставалось догадываться. Уоллесу рекомендовали напрямую обратиться с открытым письмом к Сталину, а тот также через печать должен был дать ответ.

Кандидату в президенты не оставалось ничего иного, как согласиться. 11 мая 1948 г. «Известия» опубликовали информацию об открытом письме «кандидата в президенты США от третьей партии» Уоллеса. Вслед за этим были опубликованы письма советских граждан, которые в целом одобрительно отзывались о предложениях Уоллеса. В то же время высказывалось несогласие с «вечным господством капитализма» (которое, как увидел один из авторов письма, проходит красной нитью в послании Уоллеса). Другие писали, что в этих предложениях нет ничего нового, так как все они уже звучали раньше от представителей СССР в ООН. Конечно, все эти письма и выступления «советских граждан» были утверждены в советских партийных инстанциях и публиковались лишь после личного согласия Сталина с их тональностью.

Ровно через неделю (18 мая) в «Правде» был опубликован ответ Сталина, в котором он писал: «Я не знаю, одобряет ли правительство США программу г. Уоллеса как базу для соглашения между СССР и США. Что касается правительства СССР, то оно считает, что программа г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для такого соглашения...»<sup>120</sup>

Сразу вслед за выступлением в «Правде» Сталина с официальным заявлением выступил госдепартамент США, который, с одной стороны, признал важность и необходимость мирного урегулирования неразрешенных вопросов двусторонних отношений,

а с другой — выступил против ряда конкретных предложений, содержащихся в письме Уоллеса (в том числе о контроле над атомной энергией при помощи механизмов ООН и др.).

Таким образом, главная цель, которую преследовал Сталин, ведя интригу с Уоллесом, была достигнута — он сумел не только высказать свою позицию по всему спектру советско-американских отношений, причем (что было для него всегда важно) не иницилируя ее, но к тому же заставить правительство США выразить несогласие по ряду принципиальных вопросов. В итоге Сталин выглядел в глазах не только советских людей, но и многих американцев миротворцем, а Трумэн — ретроградом (что в известной степени подрывало его позиции накануне выборов). Наконец, в глубине души он мог лелеять надежду пусть даже на относительный успех некоей «третьей силы» в США на выборах и пытался с учетом этого пусть даже косвенно поддержать ее представителя. Однако следовало понимать и другое — любая поддержка со стороны Сталина (пусть даже и не прямая) того или иного кандидата (тем более на пост президента) не только объективно не помогала тому, но и в какой-то степени дискредитировала его. Об этом свидетельствовали и результаты выборов. Победу на них одержал Трумэн.

Сразу после выборов в США Сталин утратил всякий интерес к фигуре Уоллеса. В конце декабря 1948 г. Уоллес в беседе с советским послом вновь предлагает себя в качестве посредника в диалоге советского и американского лидеров. Молотов 14 января 1949 г. подписывает директиву послу в США, в которой дает принципиальное согласие на продолжение диалога с Уоллесом. Однако на этом документе Сталин наложил свою резолюцию, ставящую точку на отношениях с Уоллесом:

«Т. Молотову. Я не согласен. Как видно из выступления исполкома партии Уоллеса, Уоллес думает использовать свое посредничество только для своей партии, мало заботясь о результатах посредничества для СССР. Нам не нужно открывать все свои карты Уоллесу. Пусть сам Уоллес вертится и маневрирует как хочет. И. Сталин»<sup>121</sup>.

Еще больше осложнились отношения между СССР и США в условиях начавшегося формирования западноевропейских экономических и военно-политических структур под эгидой США.

В марте 1948 г. был образован Западный Союз в составе Англии, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Летом 1948 г. правительства США и Канады начали переговоры с членами Западного союза о возможной интеграции экономических и политических усилий. СССР оценивал заключение Западного союза как «политическое дополнение к тому экономическому объединению европейских стран, которое создано для проведения «плана Маршалла» в Европе». Уже создание Западного союза было воспринято в Москве как «полное изменение политики Англии и Франции в германском вопросе», как договоренности, «идущие вразрез с документами периода второй мировой войны о союзе СССР с Англией и Францией».

Еще более серьезные последствия имело создание НАТО. В специальном заявлении МИД СССР по этому поводу говорилось: «Не трудно разглядеть, что эти цели теснейшим образом связаны с планами насильственного установления мирового англо-американского господства под эгидой США». Советское руководство расценивало создание НАТО как «подкоп под Организацию Объединенных Наций» и пригрозило объединить вокруг себя все «миролюбивые силы».

Одним из шагов на этом пути стало создание в том же 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, в который вошли все страны народной демократии.

Известно, что военно-политический союз этих стран сложился в 1955 г. Однако почти ничего неизвестно о том, что его предтечей был Координационный комитет, созданный в феврале 1951 г. для рассмотрения вопросов, связанных с обороной стран народной демократии (в том числе и военным производством).

Можно считать, что именно 1948—1949 гг. стали рубежом в отношениях между Востоком и Западом, за которым последовал окончательный разрыв. В марте 1949 г. Советское правительство выступило с заявлениями в адрес правительств Англии, Франции, Италии, Норвегии, Турции, Дании, Нидерландов, Греции и других стран — членов НАТО, в которых угрожало пересмотром двусторонних отношений. В заявлении, обращенном к правительству Англии, отмечалось, что СССР рассматривает «участие Англии в НАТО как акт, находящийся в противоречии с союзным договором 1942 г.»<sup>122</sup>

Последовала и смена руководства внешнеполитическим ведомством СССР. Первый сигнал к этому прозвучал 29 марта 1948 г., когда Политбюро приняло решение «в связи с перегруженностью удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета Министров, с тем чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике». Это было своеобразное предупреждение Сталина главе внешнеполитического ведомства в связи с неблагоприятным для СССР развитием международной ситуации. Однако при всем своем жела-

нии Молотов ничего не мог изменить в развитии международной обстановки. Вторым сигналом стало утверждение 5 июня 1948 г. нового состава коллегии МИДа, где Молотов оставался председателем, но был введен в качестве заместителя министра по общим вопросам А. Я. Вышинский. Наконец, 3 марта 1949 г. Молотов был снят с поста министра, а его преемником был назначен Вышинский. Показательно, что в числе новых обязанностей Молотова в Совете Министров (он сохранил пост заместителя главы правительства) было курирование Министерства металлургической промышленности и Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии. Лишь спустя несколько дней он был назначен и председателем Внешнеполитической комиссии ЦК. Но реального веса в решении международных дел уже не имел вплоть до смерти Сталина.

Назначение Вышинского министром иностранных дел СССР должно было продемонстрировать вчерашним западным союзникам «смену вех» советской внешней политики, ее ужесточение. Фигура Молотова, при всех ее недостатках, зримо олицетворяла в глазах общественности западных стран сотрудничество периода Второй мировой войны. Вышинский, в какую бы парадную форму его ни облачали, оставался для Запада прежде всего прокурором, отправившим на смерть крупнейших политических и военных деятелей СССР в 30-е годы.

Таким образом, «холодная война» именно с 1948—1949 гг. вступила в новый этап своего развития, когда началась проработка оперативных планов ведения боевых действий против друг друга как в США, так и в СССР.

Несмотря на то что планы ведения войны, вклю-

чая использование ядерного оружия против СССР, существовали уже с осени 1945 г., лишь в 1948 г. были разработаны первый оперативный план стратегической авиации США, а также планы боевых действий и атомных бомбардировок «Бройлер», «Фролик», «Хэрроу» и др. Однако в условиях, когда единственным средством доставки ядерного оружия оставалась бомбардировочная авиация, США нуждались в создании сети военных баз вокруг территории СССР. Их массовое создание началось как раз с конца 40-х годов.

Военные планы США в конце 40-х годов основывались на трех важнейших положениях: во-первых, что война с СССР — реальность, если не удастся иными средствами «отбросить социализм», во-вторых, нельзя допустить сокращения разрыва в военном и экономическом отношении между США и «советским блоком», в-третьих, США должны быть готовы нанести первыми ядерный удар<sup>123</sup>.

Летом 1948 г. американцами был разработан план «Чариотир», согласно которому война с СССР должна была начаться «концентрированными налетами с баз в Западном полушарии и Англии с применением атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных центров и отдельных предприятий нефтяной промышленности». Намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. В декабре того же года был одобрен президентом план «Троуджэн», позднее «Хафмун», «Флитвуд», «Даблстар». Менялись лишь их названия и число возможных бомб (по мере роста их количества).

Реальные контуры ядерной войны впервые проявились в период корейской войны. Теперь американцам приходилось считаться с наличием у СССР



не только ядерного оружия, но и мощного военно-политического союзника в лице Китая. 15 августа 1950 г. Комитет начальников штабов США определил в качестве первоочередной задачи в случае возможного конфликта с СССР «уничтожение известных объектов, от которых зависит способность Советского Союза применять атомные бомбы»<sup>124</sup>.

Особенно критическим с точки зрения возможности советско-американской ядерной войны стал 1952 г. 27 января президент Трумэн заявил: «Мне кажется, что правильным решением теперь был бы ультиматум с десятидневным сроком, извещающий Москву, что мы намерены блокировать китайское побережье от корейской границы до Индокитая и что мы намерены разрушить все военные базы в Маньчжурии... Мы уничтожим все порты или города для того, чтобы достичь наших мирных целей... Это означает всеобщую войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Дайрен, Одесса и Сталинград и все промышленные предприятия в Китае и Советском Союзе будут стерты с лица земли. Это — последний шанс для Советского правительства решить, заслуживает ли оно того, чтобы существовать, или нет!»<sup>125</sup>

Подобные заявления и вполне определенные планы американцев, конечно, не оставались без внимания советской стороны. В свою очередь Сталин также исходил из возможности возникновения войны с США и готовился к ней. Документов, подобных приведенным выше американским, в архивах обнаружить не удалось. Но это вовсе не означает, что соответствующих планов ведения войны против США у СССР не было.

Взгляды Сталина на предстоящую новую войну были высказаны им уже в апреле 1945 г., еще до

завершения разгрома Германии и выступления против Японии. Принимая югославскую делегацию во главе с Тито, Сталин прямо заявил: «Война скоро закончится, через 15—20 лет мы оправимся, а затем снова!» Участник этой встречи М. Джилас вспоминал: «Что-то жуткое было в его словах: ужасная война еще шла. Но импонировала его уверенность в выборе направления, по которому надо идти, сознание неизбежного будущего, которое предстоит миру, где он живет, и движения, которое он возглавляет».

Сталин не только не исключал возможность военного конфликта, но был уверен в его неизбежности и даже необходимости. Это подтверждают и его «ученики и соратники», в частности Мао Цзэдун, прямо заявлявший о том, что новой мировой войны бояться не стоит, так как через нее мир придет к торжеству коммунизма.

Однако в конце 40-х г. Сталин полагал, что время для прямого военного противостояния с США еще не пришло. СССР только в 1949 г. испытал ядерное устройство. Не было достаточного количества средств доставки. Слабой представлялась и система противовоздушной обороны страны. В то же время Сталин прилагал невероятные усилия к тому, чтобы ускорить процесс серийного выпуска ядерных бомб, разработки системы ракетной ПВО, развертывания стратегической авиации.

В подготовке новой войны Сталин исходил из неисчерпаемости людских ресурсов СССР и Китая, которые смогут обеспечить в случае необходимости захват не только всей Европы, но и Азии.

Заявления Сталина во второй половине 1952 — начале 1953 г. о том, что скорее может разразиться война между различными капиталистическими

странами, нежели между СССР и США, должны были усыпить бдительность вероятного противника. Н. С. Хрущев, указывая именно на этот период, отмечал, что Сталин «пытался прощупать капиталистический мир штыком»<sup>126</sup>.

«За кадром» оставались другие, военно-политические аспекты подготовки к возможной войне. Наряду с наращиванием своего военного присутствия в Европе, Сталин не забывал и про другие направления.

С начала 50-х годов идет крайне высокими темпами военное строительство в восточных районах страны. Создается заполярная железная дорога в сторону Чукотки. Базы военного снаряжения создаются на Чукотке, Камчатке, побережье Северного Ледовитого океана. На Чукотке была развернута 14-я десантная армия под командованием генерала Оленева, перед которой была поставлена задача в случае войны с США провести десантные операции не только на Аляске, но и на Западном побережье США.

Была одобрена крупномасштабная программа строительства военно-морского флота. Причина также лежала на поверхности. По свидетельству Хрущева, «пока мы не могли достать США с воздуха, следовало шире использовать моря. И Сталин поставил задачу строительства большого количества крейсеров. Мы мечтали и об авианосцах, но они оставались нам пока технически недоступными. Крейсера должны были дополняться большим количеством эсминцев и подводных лодок»<sup>127</sup>.

Сталин лично следил за созданием военной техники, которая могла бы действовать в условиях тундры и лесотундры, а также высаживать десанты в труднодоступные районы. В 1952 г. с его подачи Политбюро приняло решение о создании многоме-

стных десантно-транспортных вертолетов. Тогда же Сталин принял решение о срочном формировании 100 дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации. Для решения этой задачи был необходим колоссальный самолетный парк. Перед авиационной промышленностью ставится сверхзадача в кратчайший срок выпустить более 10 тысяч бомбардировщиков<sup>128</sup>. Значительная часть вновь создаваемых авиационных соединений размещалась на северном побережье и северо-востоке страны. Не имея военных баз вблизи США, Сталин приказал разрабатывать стратегические бомбардировщики сверхдальнего действия. Над таким самолетом трудилось, в частности, КБ Мясищева. Был разработан проект самолета, способного достичь территории США. Однако возникал вопрос, что делать с этими самолетами после ядерной бомбардировки США — топлива на обратный путь не было. В Политбюро обсуждались даже планы их посадки после выполнения заданий в Мексике<sup>129</sup>.

Вынашивались и планы в случае военной угрозы совершить серию диверсионных акций против американских военных баз в Европе, в том числе и складов с ядерным оружием. Считалось, что это «подорвет американский боевой дух и американцы не смогут пользоваться своими базами в Европе»<sup>130</sup>.

Уже в 1950 г. советским военным руководством была принята «директива-70», в соответствии с которой нашим войскам предстояло превратить почти всю Арктику в один большой оборонительный рубеж на случай войны. В феврале 1950 г. прошли первые учения, показавшие степень готовности советских воинов к ведению войны в условиях Заполярья. Один из участников этих учений вспоминал: «Сначала нас переделали на одном военном предприятии... Потом погрузились в самолеты

С-47 «Дуглас» и полетели в бухту Тикси...» В Арктике от острова Врангеля на востоке почти до Гренландии на западе в течение трех месяцев войны готовили ледовые аэродромы для советской авиации. Однако тогда они не понадобились<sup>131</sup>.

Что задумывал «великий вождь», так и осталось тайной — вскоре он умер.

В отсутствие «горячей» войны обе стороны упряжались в пропагандистских заявлениях и демонстративных акциях, должных вызвать отрицательное общественное мнение к оппоненту в мире.

Так, палата представителей конгресса США в 1951 г. поставила на обсуждение болезненный для СССР «катынский вопрос». Ответом на результаты этого обсуждения (в ходе которого так ничего и не удалось доказать) стала санкционированная и лично правленная Сталиным статья в «Правде» Л. Ильичева и С. Рассадина, опубликованная в сентябре. «Когда-то, совершив чудовищные убийства в Катыни, — писалось в статье, — гитлеры и геббельсы разыгрывали следственную комедию и проливали крокодиловы слезы над жертвами своих злодеяний. Теперь американские реакционеры пытаются повторить подобную комедию. Не может быть, однако, сомнения, что их ожидает такой же позорный провал, какой настиг гитлеровских организаторов катынской провокации»<sup>132</sup>.

В ходе подготовки новой президентской выборной кампании 1952 г. Сталин возлагал некоторые надежды на победу Д. Эйзенхауэра. Однако после жесткого выступления генерала летом 1952 г., в котором он, по существу, выразил солидарность с позицией Трумэна по корейскому вопросу и также пригрозил СССР и Китаю силовыми методами решения политических вопросов, позиция Сталина в отношении Эйзенхауэра изменилась. По его распо-

ряжению была подготовлена редакционная статья в «Правде» под весьма знаменательным названием: «Эйзенхауэр в поход собрался...» Выдержанная в памфлетном стиле, статья содержала крайне резкие оценки и характеристики в адрес популярного американского политика. В концовку статьи Сталин дописал собственной рукой следующий характерный абзац: «Что касается угроз Эйзенхауэра против Советского Союза, то советские люди могут лишь смеяться над ними, как смеялись они в свое время над угрозами Гитлера. Говорят, что политика угроз есть оружие слабых против пугливых. Ну что же, пусть пугает генерал Эйзенхауэр ворон на огороде, если ему так нравится эта детская забава»<sup>133</sup>.

Характерным в пропаганде начала 50-х годов является все более частое сравнение вчерашних союзников СССР с Гитлером и его подручными. Это не могло не вызывать у американцев особой досады и негативного отношения. Но на это и был расчет. Кроме того, в сознании советских людей образ прежнего врага — гитлеровской Германии постепенно занимал новый — коварный американский империализм, «поджигатели войны из-за океана» и т. п.

Антиамериканская кампания еще более усилилась в связи с нараставшей волной антисемитизма. На заседании Президиума ЦК КПСС 1 декабря 1952 г. Сталин заявил, что «любой еврей — националист, это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам»<sup>134</sup>.

Правда, в самом конце 1952 г. Сталин заявил, что готов к диалогу с новым президентом США и даже соглашался на встречу с ним. Однако вскоре Сталина не стало.

Д. Эйзенхауэр, вступив в обязанности прези-

дента США, 16 апреля 1953 г. выступил с программной речью, обращенной, по существу, к новым советским лидерам. Сформулированные в ней принципы должны были, по его мнению, стать основополагающими в системе международных отношений. В общих чертах они сводились к следующему: 1) ни один народ (как народ) нельзя считать противником, 2) ни одна страна не может добиться собственной безопасности и благосостояния, оставаясь в изоляции, 3) каждая страна обладает неотъемлемым правом самой определять способ правления и экономическую систему, 4) не может быть оправдана попытка любой страны навязать силой любую форму правления, 5) прочный мир не может быть основан на гонке вооружений и страхе перед его применением.

Оценивая послевоенную внешнюю политику СССР, Эйзенхауэр отмечал, что «Советское правительство придерживалось совершенно иного взгляда на будущее. В мире, каким оно себе представляло его, безопасность следовало найти не во взаимном доверии и взаимной помощи, а в силе... Целью было установление превосходства силы — любой ценой... И случилось так, что сам Советский Союз разделял и испытывал те самые страхи, которые он возбуждал в остальном мире». Правда, Эйзенхауэр оставил без комментариев тот факт, что внешняя политика самих Соединенных Штатов в эти годы также мало совпадала с указанными им принципами.

В качестве шагов, ведущих к разрядке международной напряженности, Эйзенхауэр предлагал новому советскому руководству решить проблему освобождения военнопленных, подписания договора с Австрией, завершения корейской войны, установления мира в Индокитае и Малайе, объединения

Германии и формирования в ней правительства на основе свободных выборов, установления международного контроля над атомной энергией и запрещения ядерного оружия, ограничения военного производства и передачи высвободившихся средств в фонд развивающихся стран и т. п. Эйзенхауэр отмечал, что «новое советское руководство имеет сейчас драгоценную возможность осознать вместе с остальным миром, какая создалась опасность, и помочь повернуть ход истории». Заканчивалось его выступление призывом к советскому руководству: «Мы готовы к этому, готовы ли вы?»<sup>135</sup>

Последовавшие вслед за этим события показали, что советское руководство не смогло отрешиться от старых подходов во внешней политике. Посвоему был откомментирован в советской печати и сам текст выступления Эйзенхауэра (который, конечно, опубликован в СССР не был). В редакционном комментарии газеты «Правда» отмечалось: «Вина за создавшееся международное положение возлагается на советскую политику... Совершенно обойден вопрос о Китае и восстановлении его национальных прав, а также обойден такой вопрос, как восстановление единства Германии в соответствии с Потсдамскими соглашениями»<sup>136</sup>.

Однако, как показало последующее развитие событий, советские лидеры согласились и на мир в Корее, и на подписание государственного договора с Австрией, и на установление мира в Индокитае, и на освобождение военнопленных. Только советская общественность, как и прежде, должна была верить официальной пропаганде о том, что за решение всех этих проблем она должна быть благодарна именно Советскому правительству, инициировавшему и добившемуся данных результатов в результате непрерывающейся «борьбы за мир».



## Глава 2

# ВОЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МИРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Послевоенная эпоха связана со сменой стереотипов, сложившихся в обществе за все предыдущие годы советской власти. Реформа ценностей по-своему была актуальна и для высших структур управления страной. Своеобразие исторического времени как раз заключалось в несоответствии перемен на разных социально-политических уровнях. В экономической жизни это было несоответствие между ожиданиями масс и задачами правящей партии.

Во второй половине 40-х годов СССР приобрел статус великой державы, способной отстаивать свои интересы во внешней политике. Победа над фашизмом и связанное с ней повышение международного престижа страны создали благоприятные предпосылки для трансляции идей социализма во всем мире. Преимущество социалистической системы по замыслу И. В. Сталина было необходимо доказать быстрым преодолением разрухи, восстановлением экономического потенциала и государственных механизмов. В то же время во второй половине 40-х годов в полном объеме была осознана вся значимость милитаризации страны, как фактора внешней политики. Пропорции гражданской и военной отраслей экономики отразили

стратегические и идеологические задачи, которые стояли перед лидерами партии и государства.

Советское производство послевоенных лет, унаследовавшее многие параметры военной экономики, отличалось не только стабильной организацией и управлением, но и направленностью на решение общегосударственных задач, что было в достаточной мере отражено в работах советских историков<sup>137</sup>. В послевоенный период наблюдались значительные тенденции к централизации экономического управления. Во многом благодаря им, независимо от колоссальных материальных и людских потерь, разрухи и голода у СССР сохранялись перспективы экономического противостояния с развитыми капиталистическими странами. За годы войны руководство страны приобрело опыт решения предельно сложных хозяйственных задач в кратчайшие сроки, при ограниченных ресурсах и возможностях.

Несмотря на окончание военных действий и наступление мирного времени, главным содержанием экономического развития страны оставалось военное строительство. Это обуславливалось потребностями международной политики, принявшей формы «холодной войны», амбициями статуса сверхдержавы. Советское правительство постоянно готовилось к войне за выживание. После Великой Отечественной войны атмосфера напряженности в отношении возможного вооруженного конфликта со странами Запада не только не уменьшилась, а, наоборот, приобрела еще более устойчивый характер. Об этом свидетельствуют материалы выборов Верховного Совета СССР 1946 г. В своих избирательных выступлениях практически все высшие руководители партии и правительства неизменно подчеркивали угрозу полномасштабного военного

конфликта. Преобладание среди высшей элиты подобного мироощущения неизбежно сказывалось на формировании подходов развития экономики, делая неизбежным ее ярко выраженную милитаристскую направленность<sup>138</sup>.

Наиболее четко формат экономического развития советского государства сформулировал И. Сталин в своей программной речи на встрече с избирателями Сталинского округа Москвы 9 февраля 1946 г. Он выделил четыре основополагающие позиции, такие, как металл, — для производства вооружений и оборудования для предприятий, топливо — для поддержания работы заводов, фабрик и транспорта, хлопок — для производства обмундирования, хлеб — для снабжения армии<sup>139</sup>. Нетрудно заметить, что перед нами модель экономики, нацеленной, прежде всего, на обеспечение функционирования вооруженных сил и военно-промышленного комплекса. Для руководства страны одним из уроков победы стали меры по дальнейшему укреплению оборонной мощи за счет других отраслей народного хозяйства, которые в первую очередь влияли на рост благосостояния и уровень жизни населения. Очевидно, что все это программировало определенный ход экономического развития советского общества.

За вторую половину 40-х годов в СССР произошло практически полное техническое обновление вооруженных сил. Крупномасштабное перевооружение коснулось всех родов войск. Например, в авиационной промышленности после войны создано более 20 типов самолетов, 30 новых моторов и реактивных двигателей. В результате удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1% в 1946 г. до 65% в 1950-м<sup>140</sup>. Возрастали объемы производства про-

мышленности боеприпасов. Так, потребности во взрывателях и дистанционных трубках в мирные годы определялась в 35—40 млн штук в месяц, тогда как в военное время их производство не превышало 13 млн штук ежемесячно<sup>141</sup>. Для обеспечения appetитов вооруженных сил постоянно происходило перераспределение ресурсов в пользу оборонного комплекса. В этом смысле характерно заключение Госплана СССР, сделанное к бюджету на 1948 год: «Повышение объемов поставок военной техники в 1948 г. потребует переключения части производственных мощностей, в первую очередь рабочей силы, с производства гражданской продукции на производство военной продукции»<sup>142</sup>.

В послевоенные годы структура отечественного ВПК складывалась вокруг трех специальных комитетов, образованных решением высшего руководства страны для работы в новейших сферах военного производства. Спецкомитет № 1 занимался атомной проблемой, его возглавлял Берия. Спецкомитет № 2 — созданием реактивной техники (Маленков). Спецкомитет № 3 — разработкой радиолокационных систем (Сабуров). Эти специальные комитеты представляли собой своего рода суперминистерства, которым не отказывали ни в чем<sup>143</sup>. В своих воспоминаниях президент Академии наук СССР А. П. Александров подчеркивал: «Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы, с тем чтобы сделать все возможное для успешного завершения в самые сжатые сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия»<sup>144</sup>.

Милитаризация и наращивание военного про-

изводства происходили на руинах в прямом смысле этого слова. О масштабе катастрофы свидетельствует тот факт, что на территории РСФСР было уничтожено почти 500 городов и рабочих поселков. 11 млн. человек остались без крова. В освобожденных районах действовало не более 13% промышленных предприятий. Как известно, в городах, пострадавших от войны, значительно сократилось количество населения. Так, например, в Сталинграде к моменту изгнания врага осталось 12,2% жителей, а в Воронеже — 19,8%<sup>145</sup>. Сложность экономической ситуации оправдывала экстренные, а порой и авторитарные меры власти по восстановлению хозяйства. Разумеется, Сталин не мог упустить из виду столь удобный политический аргумент. Во второй половине 40-х годов апелляция к прошедшей войне и возможной будущей военной угрозе становится неотъемлемой частью большинства его выступлений. Например, в выступлении перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 г. Сталин намекнул на всевозможные «случайности» подобного рода, от которых необходимо застраховаться быстрым промышленным ростом. Причем речь шла о сферах производства, связанных с выпуском военной, а не гражданской продукции. Предполагалось ежегодно выпускать до 60 млн т стали, 50 млн т чугуна, 500 млн т угля, 60 млн т нефти<sup>146</sup>, т. е. сырья и источников энергии для тяжелой и военной промышленности.

Таким образом, относительно послевоенного периода, скорее всего, правомерно говорить не столько о конверсии, сколько о производственной переориентации в рамках военно-промышленного комплекса. Руководство страны не смущало, что этот процесс противоречил насущным экономическим задачам и сдерживал рост уровня жизни

населения. Как и в ряде других случаев, экономика оказалась подчинена внешнеполитическим и идеологическим программам. Невзирая на катастрофическое положение в стране, Сталин стремился извлечь и развить из победы максимальные геополитические выгоды.

Главный инструмент в осуществлении этих планов — военно-промышленный комплекс. Именно поэтому восстановление экономики происходило не через высвобождение финансовых средств из ВПК, а за счет материальных потерь населения. Средства массовой информации активно внедряли в коллективное сознание представление о необходимости общественными усилиями и жертвами компенсировать расходы страны на войну. Так оправдывались жесткая налоговая политика, ограбление людей посредством государственных займов, убытки граждан от денежной реформы.

Общие расходы на войну и связанные с этим потери национального дохода были определены еще в конце 40-х годов. Они исчислялись ЦСУ СССР в размере 1890 млрд руб. Кроме того, потери доходов населения, государственных и кооперативных предприятий в период перехода от войны к миру и расходы на содержание армии оценивались в 501 млрд руб. Долгое время сказывались потери национального дохода в результате демографических изменений, порожденных войной. Они исчисляются суммой 1664 млрд руб. Таким образом, с учетом прямых и косвенных потерь общий экономический ущерб СССР в 1941—1947 гг. составил 4734 млрд руб. в ценах 1940 г. или 893 млрд американских долларов (по официальному обменному курсу Госбанка СССР в 1940 г.)<sup>147</sup>.

Специфика экономической политики власти первых послевоенных лет была обусловлена осо-

бенностями ведения хозяйства и финансов в годы войны. По своему использованию национальный доход, как известно, делится на две основные категории: потребление и накопление. По данным ЦСУ СССР, за три первых года войны доля потребления в национальном доходе увеличивается с 80% до 99%. Соответственно доля накопления сокращается с 20% до 1%<sup>148</sup>. В условиях сокращения объема национального дохода и той его части, которая направлялась на накопление, процесс создания военной продукции происходил преимущественно за счет сокращения размеров потребления необходимого общественного продукта. Таким образом, основной пострадавшей стороной оказалось население. В 1941—1945 гг. у власти не было оснований опасаться народного недовольства, вызванного низким уровнем жизни. Большинство воспринимало происходящее как экономическую необходимость. Своего апогея перераспределение финансов в пользу армии достигло к 1943 г. Тогда военные расходы СССР составили около 150 млрд руб., или 36% национального дохода. С учетом строительства и реконструкции военных заводов общая сумма всех затрат равнялась 220 млрд руб., или 52,5% от величины национального дохода того времени<sup>149</sup>.

Основными источниками финансирования военных расходов за годы войны были накопления государственных предприятий и организаций и их амортизационные отчисления, размещение займов среди населения и их добровольные взносы, налоги и эмиссия. Важным источником покрытия военных затрат являлось повышение цен на товары широкого потребления государственной розничной торговли. Например, в 1943 г. оно составило не менее 30 млрд руб.<sup>150</sup>. Уже тогда в правительстве

поднимались вопросы о методах проведения послевоенной денежной реформы, способной стабилизировать финансовую обстановку.

После победы к решительным экономическим действиям подталкивали массовые настроения и ожидания. Реформа должна была совпасть с отменой карточной системы. По официальной версии, из-за летней засухи 1946 г. оба мероприятия перенесли на 1947 г. Населению о готовящемся преобразовании сообщила газета «Правда»: «В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.»<sup>151</sup>. Скорее всего, выжидательная позиция власти объяснялась стремлением сохранить пайковую систему контроля за обществом в неблагоприятных экономических условиях первых послевоенных лет.

Большая часть населения страны материально и психологически была не готова к отмене карточек, а тем более к обмену денег. Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» для многих стало неожиданным. В обществе сохранялась надежда на пайковое снабжение до преодоления дефицита. Благодаря централизованному распределению хлеба людям удалось пережить рост цен на продовольствие в 1946—1947 гг. Урожай 1947 г. пополнил рынки основными продуктами питания, однако связанное с этим понижение цен было непродолжительным. Как и всегда в таких случаях, скачки цен создавали атмосферу нестабильности. В кон-



це 1947 г. и начале 1948 г. в продажу поступило больше хлеба и других продуктов питания, но этих товаров было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности горожан, а тем более сельских жителей, поскольку на селе хлеб продавали по спискам по 200—500 г в руки. Ожидания лучшей жизни и отмены карточек причудливым образом сочетались с боязнью потерять паек, как последнюю надежду на выживание.

Руководство страны стремилось максимизировать государственную выгоду от проводимой реформы, поэтому пострадавшей стороной оказалось население. Подобный вывод можно сделать уже на основе анализа текста и подтекста постановления от 14 декабря 1947 г., в котором исторически обосновывалась экономическая и политическая необходимость данной меры. Должно было настораживать уже то, что постановление подчеркивало, будто «в СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа», сулило большие материальные выгоды городскому и сельскому населению<sup>152</sup>. Для убедительности перечислялись заслуги советского руководства: «Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва»<sup>153</sup>. Как показало дальнейшее экономиче-

ское развитие, народу предстояло испытать еще немало трудностей.

Суть реформы заключалась в следующем: с 16 по 22 декабря вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, обменивалась, за исключением разменной монеты, на новые деньги 1947 г. по соотношению 10 : 1. Всего было обменено старых денег 37,2 млрд руб. Из них через городские выплатные пункты 14,6 млрд руб., через сельские — 13,2 млрд руб. и 9 млрд руб. — через выручку торговых учреждений и организаций.

Денежная реформа повысила роль государства в экономической жизни страны, поскольку в результате произошло уменьшение роли доходов не только городского, но и сельского населения. В соответствии с этим выросло значение заработной платы и других доходов, получаемых населением от государства. В этом вопросе существовал и психологический аспект. Монопольное владение правом распределять доходы населения позволило власти сформировать представления о значимости и незаменимости системы.

Современные исследования показали, что реформа значительно снизила уровень народного потребления. В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. Еще за месяц до 14 декабря 1947 г. были разбронированы товары из государственных резервов на сумму 1,7 млрд руб. Они предназначались для торговли после отмены карточек в городах (1,1 млрд руб.) и в сельской местности (0,6 млрд руб.)<sup>154</sup>. Тот факт, что «реклам-

ная» городская торговля почти вдвое превышала сельскую, далеко не случаен. Политические настроения городских жителей значительно больше интересовали власть. Недовольство деревенских жителей экономической политикой государства, как правило, игнорировалось.

Свидетельством определенного недоверия людей к финансовой политике государства служит тот факт, что после реформы крупные денежные накопления населения, особенно в сельской местности, находились преимущественно на руках. Особенно болезненно обмен наличных денег сказывался на материальном положении низкооплачиваемых категорий трудящихся. В то же время денежная реформа принесла известные выгоды вкладчикам сберегательных касс. Вклады размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения, т. е. переоценивались рубль за рубль, а свыше 3 тыс. руб. до 10 тыс. переоценивались: за 3 руб. старых денег — 2 руб. новых<sup>155</sup>. Если размер вклада превышал 10 тыс. руб., то действовало соотношение 2:1. Переоценка вкладов населения принесла дополнительный доход казне в 3,6 млрд руб.<sup>156</sup>

После денежной реформы был осуществлен переход к открытой торговле, сопровождавшейся установлением единых государственных розничных цен. Пайковые цены были повышены в среднем в 3 раза и, таким образом, приблизились к коммерческим. Вопреки ожиданиям населения высокие розничные цены на промтовары в городах и сельской местности были сохранены. Таким образом, реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач. Не случайно поэтому психологический подтекст при ее проведении должен был превалировать над экономической стороной вопроса. Наиболее ярко эта тенден-

ция проявилась в переписке министра финансов СССР А. Г. Зверева с И. В. Сталиным. В докладе на имя Председателя Совета Министров Зверев рекомендовал выпуск новых денег вплотную приблизить к моменту отмены карточек. Это, по его мнению, должно было укрепить престиж новых купюр. В этой же записке министр финансов прямо отметил, что «широкие слои трудящихся» понесут потери, связанные с обменом<sup>157</sup>. Власти опасались, что реформа будет сопровождаться не только недовольством населения, но и всевозможными нарушениями. Поэтому за ее ходом пристально следила союзная прокуратура.

Высвобожденные в результате денежной реформы финансовые средства позволили на качественно новом уровне решать государственные экономические задачи. Весьма характерно, что фактически изъятые у населения деньги в большинстве случаев направлялись не на реализацию социальных программ и нужды людей, пострадавших от войны, а на остановку экономического спада в стратегически важных отраслях промышленности. К концу войны во всех базовых сферах производства, кроме ВПК, имело место абсолютное падение производственно-экономических показателей. В 1945 г. чугуна выплавлялось 59%, стали и проката производилось 66% и 65%, нефти было добыто 62% по сравнению с 1940 г. Тракторов, комбайнов, паровозов, автомобилей изготовлялось в 2—5 раз меньше, чем в последний год мирной жизни<sup>158</sup>. Сложившуюся ситуацию можно объяснить не только колоссальным материальным ущербом и военными затратами 1941—1945 гг., но и нарушением экономических связей, затруднявшим управление хозяйством.

Во второй половине 40-х годов в ряде «внутрен-

них» регионов страны продолжали функционировать предприятия, прибывшие из прифронтовых районов в годы войны. Часто их новое месторасположение определялось не экономической целесообразностью, а военной необходимостью. Еще 7 августа 1941 г. вышло постановление ГКО № 421 «О порядке размещения эвакуированных предприятий». По известным причинам предпочтение тогда отдавалось скорейшему размещению заводов по изготовлению патронов, а также танковой и авиационной промышленности. После окончания боевых действий руководство не спешило отдавать распоряжения о демонтаже и перевозке предприятий на прежние места. Это можно объяснить не только экономическими трудностями, но и стратегическими планами власти. Военно-промышленный комплекс становился ключевой сферой советской экономики. Не случайно после войны выпуск патронов и артиллерийских снарядов не только не сократился, но и возрос. К активным действиям не побуждали даже массовые протесты рабочих эвакуированных заводов, требовавших возвращения в свои регионы. Фактически в мирное время люди оказались прикрепленными к промышленным объектам. Напрашивается вывод о политике огосударствления не только средств производства, но и самих производительных сил.

Как и в 30-е годы, тяжелая промышленность оставалась приоритетным направлением послевоенного советского хозяйства, поэтому ее развитие нередко проводилось в ущерб другим секторам экономики. Лишь крайне низкий уровень народного потребления продукции обусловил принятие экстраординарных мер по восстановлению легкой промышленности. В этом необходимо отметить особую заслугу председателя Госплана

СССР Н. А. Вознесенского, стремившегося создать в высших эшелонах власти соответствующие настроения. По оценке министра финансов А. Г. Зверева, Вознесенский «был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело глядел далеко вперед»<sup>159</sup>. Возможно, именно это и предопределило его дальнейшую трагическую судьбу.

Уже 23 декабря 1946 г. Совет Министров принял постановление «О мерах по ускорению подъема легкой государственной промышленности, производящей предметы потребления». В нем отмечалось, что существующие темпы роста предприятий Министерства текстильной и легкой промышленности «совершенно недостаточны и не обеспечивают выполнение закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства»<sup>160</sup>. Самое интересное, что постановление обвиняло местные органы власти в отношении к легкой промышленности как «второстепенной» отрасли. Необходимо отметить, что такое положение дел логично вытекало из всей стратегии государственной экономической политики. Скорее всего, к незначительной смене курса в декабре 1946 г. правительство подтолкнули социальные ожидания. Основная идея документа сводилась к предложению «произвести серьезный поворот внимания и ресурсов министерств, ведомств, Совета Министров союзных республик и местных органов власти на дело ускорения роста производства товаров широкого потребления для населения»<sup>161</sup>.

В соответствии с постановлением Совет Министров установил новый, отличавшийся в сторону повышения план производства важнейших товаров, прежде всего тканей. Вместо 4,7 млн м хлопчатобумажных тканей, установленных ранее на

1950 г., закон о пятилетнем плане предписывал произвести 4,8 млн м. Производство шерстяных тканей должно было увеличиться на 5,6%. По сути, постановление зафиксировало серьезные сбои в реализации плана четвертой пятилетки. Не случайно ответственность за его выполнение теперь возлагалась на местные партийные органы, обязавшиеся добиться необходимых показателей. Закономерно, что для подъема легкой промышленности применялись лишь административно-командные методы. Собственно экономического стимулирования труда не предполагалось. Стремясь выполнить распоряжение правительства, руководство предприятий осваивало неиспользованные ранее производственные площади, увеличивало количество действовавших смен, применяло опыт довоенных социалистических соревнований.

Несмотря на затраченные усилия, довоенный уровень развития текстильной промышленности был достигнут только в 1949 г. Примечательно, что в производстве шерстяных и шелковых тканей уровень 1940 г. удалось достичь к 1948 г., т. е. на год раньше. Шерстяная ткань использовалась для пошива солдатских шинелей, а шелк для производства парашютов. Как и в других случаях, отрасли, связанные с ВПК, развивались более быстрыми темпами. Ситуация в текстильной промышленности существенно осложнялась тем, что за годы войны было выведено из строя 61,7 тыс. станков. За 1946—1948 гг. страна произвела лишь 8727 единиц ткацких станков, что составило 14,1% к потерям за годы войны<sup>162</sup>. Кроме этого к концу четвертой пятилетки замены требовала значительная часть износившихся машин, что не могло быть восполнено техникой, вывозимой из Германии. По данным Российского государственного архива эконо-

мики, в период с 1945 по 1947 г. из Германии прибыло 17 тыс. вагонов демонтированного оборудования<sup>163</sup>. По известным причинам в официальной советской статистике не принято было упоминать о значении репараций в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в первые послевоенные годы.

Как известно, репарационные платежи поступали от Германии и Японии. В первую очередь — это комплектное оборудование более 5,5 тыс. демонтированных и вывезенных в СССР в 1945—1950 гг. германских (на территории Восточной Германии, Польши, Австрии и Венгрии) и японских (на территории Маньчжурии и Северной Кореи) предприятий. Среди них преобладали металлургические, машиностроительные, судостроительные, авиационные, химические, артиллерийские, приборостроительные, радиотехнические, деревообрабатывающие, рыбоконсервные заводы. Руководство страны отдавало предпочтение ввозу в страну средств производства военной техники. Это в полной мере соответствовало уровню милитаризации сознания государственных лидеров. Отчасти поэтому в первые послевоенные годы среди населения сохранялся повышенный спрос на товары народного потребления.

Совокупные трудности развития как эвакуированных, так и «давних» текстильных предприятий определялись в конечном итоге главным — недостатком получения капитальных вложений. Это было одно из центральных противоречий времени — противоречие между провозглашенными высокими целями добиться обилия основных потребительских товаров и материальным воплощением этой цели. Однако существовали объективные основания подобной государственной политики.



В послевоенный период основная доля национального бюджета по-прежнему уходила на реализацию военных программ, на противостояние с ведущими в техническом плане державами Запада. Известный историк Н. Н. Яковлев приводит пример, насколько обеспокоен был министр здравоохранения Е. И. Смирнов тяжелым положением в снабжении больниц лекарствами. Сталин, узнавший об этом, спокойно отметил: «Смирнову, по должности знавшему о разработке ядерного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства»<sup>164</sup>. Таким образом, существовала обратная сторона официальной конверсии. Затраты страны на военно-промышленный комплекс не только оставались огромными, но и постоянно наращивались.

Сразу же после войны в районе закрытого города Красноярск-26 по указанию Л. П. Берии началось сооружение подземного горно-химического комбината для производства оружейного плутония. О размахе стройки, ее необычайной дороговизне говорит тот факт, что из таежных сопок «вынули грунта больше, чем при прокладке московского метро»<sup>165</sup>. В начале июля 1948 г. был введен в действие первый советский ураново-графитный реактор на комбинате № 817 (Челябинск-40), строительство которого осуществлялось ударными темпами. Для того чтобы представить масштабы строительных работ, достаточно отметить, что при закладке фундаментов производственных помещений было вынуто 190 тыс. куб. м грунта (в основном скальные породы), уложено 82 тыс. куб. м бетона, 6 тыс. куб. м кирпича. На объекте было смонтировано 5 тыс. т металлоконструкций, 230 км трубопроводов.

Советское руководство имело достаточно осно-

ваний для подобного распределения материальных средств. По рассекреченным сейчас документам известно, что сразу же после окончания Второй мировой войны американское военное командование и объединенный комитет начальников штабов стран НАТО разрабатывали варианты плана военной агрессии против СССР. Боевые действия предполагалось вести с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это планы под названием «Тоталиту» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян», «Дропшот» и «Оффтекл» (1949 г.). В результате ряда успешных операций советской внешней разведки Сталин был осведомлен о планах стран НАТО, что и определило пропорции в финансировании военных проектов СССР. Неслучайно исследователи создания ядерной промышленности, как правило, более лояльно настроены по отношению к Сталину и его окружению, нежели исследователи аграрного развития страны<sup>166</sup>.

О значимости ядерного проекта свидетельствует масштаб политических и научных деятелей, ответственных за его реализацию. Большинство членов комитета имели опыт создания промышленности в годы Великой Отечественной войны. Поэтому при организации работ использовались методы управления военного времени, была создана атмосфера абсолютной секретности. Непосредственное участие в руководстве созданием ядерного оружия первых лиц государства стало еще одной причиной колоссальных размеров затрат. На самом высоком политическом уровне была осознана необходимость дать свободу творчества ученым в области физики и естественных наук. В целях экономии времени научный руководитель Уранового проекта И. Курчатов использовал практику проведения исследований одновременно несколь-

кими организациями. В конечном итоге удалось достигнуть более высоких результатов в кратчайшие сроки. В своих воспоминаниях С. Берия отметил, что все ученые, задействованные в проекте, получили огромные материальные вознаграждения, автомобили, для них были построены дома<sup>167</sup>. В работе с людьми умело сочетались самые разнообразные методы — от поощрения до прямого давления.

Значительное отставание от США в научно-практической разработке заставило пойти на рискованный шаг. Было принято решение совершенствовать технологию в условиях уже действующих предприятий. Фактически ядерное оружие было получено на экспериментальном промышленном уровне. Значительные задержки в развитии новой отрасли могли возникнуть в связи с отсутствием в СССР разведанных запасов урановой руды. Проблема была решена за счет использования шахт ближайших стран — союзниц по социалистическому лагерю. Лишь в 50-е годы оказалось возможным полностью перейти на отечественную руду.

Западные специалисты считали, что в условиях послевоенной разрухи СССР сможет создать свою атомную промышленность и наладить незначительное производство ядерного оружия не раньше чем через 7—10 лет. Однако первая советская ядерная бомба прошла успешные испытания через 4 года после принятия решения о создании атомной промышленности. Исследователи объясняют это тем, что Урановый проект приобрел статус общенациональной программы в истории СССР<sup>168</sup>. Во многом такое положение вещей может быть объяснено личным отношением Сталина к ядерной проблеме. Осознав в первые годы войны реальную угрозу стране, а значит, и своей власти,

Председатель Совета Министров СССР делал все возможное для обеспечения государственной безопасности.

Для Советского Союза во второй половине 40-х годов существовало два пути разрядки международной напряженности. Это создание военно-промышленного (ядерного) паритета с капиталистическими странами либо коррекция государственной идеологии. Поскольку второй путь был принципиально неприемлем для руководителей, воспитанных на идеалах революции и гражданской войны, послевоенное историческое развитие характеризовалось крайне жесткой социально-экономической политикой. Только такой курс мог обеспечить необходимые темпы роста ВПК. Гражданское строительство превратилось во второстепенную задачу.

В этих условиях для преодоления разрухи были оправданы самые разнообразные меры, вплоть до использования труда немецких военнопленных. Длительность их пребывания в стране как раз и объясняется экономической ситуацией, прежде всего нехваткой рабочей силы. Конечно, труд бывших солдат и офицеров вермахта не мог даже приблизительно компенсировать потери в годы войны, однако не учитывать столь значительное число людей этой категории в восстановительном процессе на народнохозяйственных объектах нельзя. По данным В. Б. Конасова, общий вклад военнопленных в возрождение промышленности за 1943—1949 гг. исчислялся 50 млрд руб. Из них 38 млрд приходилось на долю немцев<sup>169</sup>. Солдаты и офицеры вермахта привнесли в отечественное производство в ряде отраслей новые навыки, методы и технологии, употреблявшиеся в Германии 30—40-х годов. Производственный опыт передовой в техническом отношении страны Европы

оказался полезен в период восстановления экономики.

В значительной мере идея использования труда немецких военнопленных принадлежала И. В. Сталину, который еще 23 февраля 1942 г. в приказе № 55 отметил следующее: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остается»<sup>170</sup>. Система лагерей для военнопленных начала создаваться еще в годы войны, но окончательно сложилась к 1946 г. Труд немецких солдат и офицеров в первую очередь использовался на погрузочно-разгрузочных работах, лесозаготовках, торфодобыче и возведении железных дорог. Наиболее квалифицированные специалисты привлекались к восстановлению и реконструкции промышленных объектов. Не оплачиваемый либо низко оплачиваемый труд — одна из особенностей тоталитарных экономических систем. Он был характерен не только для немецких военнопленных и заключенных советских лагерей. Например, труд промышленных рабочих и колхозников стимулировался разнообразными идеологическими акциями, социалистическими соревнованиями и т. д.

Пропаганда сопровождала все значительные экономические события в жизни страны. В марте 1946 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об агитационно-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.». Только в Москве 300 тыс. агитаторов разъясняли задачи трудящимся. Широкою пропаганду вела печать и радио. С калининским призывом «Новая пятилет-

ка — наше родное, общенародное дело» выступила газета «Труд»<sup>171</sup>. Часто в агитационной работе использовалась военная тема и символика. Интересно, что, например, на плакатах художника В. Иванова рабочие были представлены в солдатской форме.

Подведение итогов хозяйственного и финансового развития также превращалось в мощную пропагандистскую акцию. Например, перевод рубля на золотое обеспечение в 1950 г. преподносился как результат выполнения страной четвертого пятилетнего плана, хотя, по сути, как отмечают современные исследователи, это была попытка покончить с финансовой зависимостью от Запада. Приняв свои внутренние правила, советская финансовая система отделилась от мировой<sup>172</sup>. Реформа основывалась на постановлении Совмина СССР от 28 февраля 1950 г. «О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют». С 1 марта 1950 г. было прекращено определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и установлено золотое его содержание. Одновременно устанавливалась покупная цена Госбанка СССР на золото в 4 руб. 45 коп. за 1 г драгоценного металла. Соответственно курс рубля в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля в 0,222 г, устанавливался в 4 руб. за 1 американский доллар вместо существовавших 5 руб. 30 коп. Подобный расчет действовал и в отношении к валютам других стран<sup>173</sup>. Реформа укрепила не только политические позиции руководства внутри страны, но и международное положение СССР, что собственно и являлось ее целью.

Отсутствие значительных политических изменений во второй половине 40-х годов вовсе не оз-

начало консервацию системы, поскольку основные перемены в это время происходили на социально-психологическом уровне. Большинство из них было связано с формированием комплекса надежд и ожиданий после победоносного завершения войны. Неповторимое своеобразие, особый колорит общественных настроений послевоенных лет во многом определяли характер отношений между народом и государственной властью. Психологическая атмосфера послевоенного общества не могла не оказывать влияния на экономическое развитие страны. Коллективная жизнь, напряженный труд, взаимовыручка и взаимодействие, сохранившиеся с военных лет, стали характерными чертами советского социума на рубеже 40—50-х годов. Понимание общности трудностей и судеб, связи выполняемой работы с конечным продуктом и обостренное чувство долга требовали подчинения личных интересов и настроений общим, что порой приводило к работе на пределе сил. Стремление к ускоренным темпам социалистического строительства было сильно не только в высшем партийно-государственном руководстве, но и в широких слоях общества.

Дух свободы и оптимистические ожидания, сохранившиеся после победы, в короткие сроки были подорваны условиями повсеместной нищеты и разрухи, сохранившейся карточной системой, введенной в начале войны. Потребление на душу населения за годы войны снизилось на 35—40%. Сахар и кондитерские изделия по сравнению с 1940 г. в бюджете питания составляли лишь 22,4%, мясо и мясопродукты — 59,5%. Потребление колхозников снизилось в 1943 г. в сравнении с 1939 г. по мясу и салу на 66%, по хлебопродуктам на 35%<sup>174</sup>.

К концу войны в Сибири на 6 месяцев приходилось на одну крестьянскую семью 49 г сахара, 13,2 г чая и 2,3 кг печного хлеба в месяц, 1 яйцо на 15 человек в день и 91 грамм мяса и сала на семью<sup>175</sup>. В этих тяжелейших условиях настроения, суждения и поведение людей не могли быть одномерными. Далеко не все, как утверждал генерал А. В. Горбатов, «безропотно верили Сталину»<sup>176</sup>. Известны многочисленные высказывания недовольства тяжелыми условиями. Именно этим советское общество конца 40-х годов принципиально отличалось от общества середины 30-х годов. Самое интересное, что антиправительственные настроения теперь сдерживались не только страхом за свою судьбу, но и верой в правильность выбранного курса развития. Война не только на словах объединила народ и правящую партию. Не случайно высказывания недовольства характеризовались как болтовня, нездоровые настроения, лживые, провокационные и антисоветские слухи, враждебные антисоветские настроения. Такая точка зрения была свойственна и партийной элите, и простому народу. И все же власти не могли не учитывать массовых ожиданий, что оказывало известное влияние на экономическую политику государства. Зимой 1945 г. по городским нормам хлебом снабжалось 52,8 млн человек, тогда как к осени 1946 г. их количество увеличилось до 58,8 млн.<sup>177</sup> Здесь важно отметить, что в основном учитывались настроения горожан, сельские жители оставались материально самой незащищенной категорией населения.

Психологическую атмосферу ожидания голода правительство успешно использовало для решения политических и экономических задач: укрепления вертикали власти и стимулирования развития ба-



зовых отрасли промышленности, не связанных с народным потреблением. Осенью 1946 г., когда в стране начал нарастать голод, нормы распределения хлеба среди рабочих зависели не от степени их профессионализма и квалификации, а от отрасли производства и характера выполняемого труда. Так, в легкой и текстильной промышленности суточная норма хлеба на одного рабочего не превышала 600 г, служащие оборонных предприятий получали до 700 г, тогда как наивысшая норма — до 1200 г — выдавалась труженикам предприятий Министерства угольной промышленности, рабочим горячих и вредных цехов, подземных шахт и трубопрокатных заводов Минчермета<sup>178</sup>.

Подобная неравномерность распределения хлеба в голодные послевоенные годы позволяла направить поток демобилизовавшихся из армии в 1945—1946 гг. в необходимые правительству сферы производства. Из докладной записки Л. Погребного В. Молотову от 20 марта 1946 г. следует, что с момента издания закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии от 23 июня 1945 г. и указа о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии от 25 сентября 1945 г. в города и сельские местности прибыли 5314,7 тыс. человек демобилизованных (1771,5 тыс. — в города и 3543,2 тыс. — в сельские местности)<sup>179</sup>. По словам Погребного, многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время «от 3-х до 4-х месяцев не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел»<sup>180</sup>. Основными причинами, объясняющими это явление, были условия труда и его оплата. После окончания войны не все мирились с бытовой неустроенностью. Порой проявлялось открытое недовольство администрацией

предприятий, люди требовали установить 8-часовой рабочий день. Крайне низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 г. только 71,1% демобилизованных приступил к труду<sup>181</sup>, несмотря на решения правительства, обязывающие местные органы обеспечивать работой в первую очередь демобилизованных и инвалидов.

В 40-е годы поставки союзников лишь отчасти могли облегчить материальное положение населения, поскольку в военное время в них преобладали средства производства. По данным Первого отдела Госплана СССР, импорт и ленд-лиз обеспечили в валовом внутреннем продукте СССР в 1941—1945 гг. не менее 55% потребления грузовых и легковых автомобилей, 20,6% тракторов, 23,1% металлообрабатывающих станков, 42,1% паровозов, 40,8% алюминия, 19,3% цинка, 25,3% никеля, 37% ртути, 99,3% олова, 56,9% кобальта, 67,1% молибдена, 24,3% нержавеющей стали, 18,1% авиационного бензина, 100% натурального каучука, 22,3% этилового спирта, 38,2% глицерина и т. д.<sup>182</sup>. Всего по ленд-лизу наша страна получила в 1941—1945 гг. из США готовой продукции и материалов на общую сумму 10,6 млрд долларов. При пересчете этой суммы по официальному курсу 1940 г. (1 доллар — 5,3 руб.), получается 56,1 млрд руб., что, например, эквивалентно 18,9% национального дохода СССР в 1944 г. в ценах 1940 г.

По официальным данным, опубликованным председателем Госплана Н. Вознесенским, поставки союзников никогда не превышали 4% по отношению к отечественному производству<sup>183</sup>. Эту точку зрения не оспаривали и в США. В конце мая 1945 г., во время визита в Москву, Г. Гопкинс не только из дипломатической вежливости подчеркнул: «Мы никогда не считали, что наша помощь

по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером»<sup>184</sup>. Ситуация изменилась с началом «холодной войны». В вопросе о сотрудничестве с союзниками с этого времени (и вплоть до конца 80-х годов) преобладала идеологическая, а не собственно объективная экономическая сторона.

Советские историки не стремились поднимать вопрос о материальном положении рабочих в послевоенное время. Лишь в 90-е годы появились публикации, освещающие уровень заработной платы, условия труда и быта работников предприятий и служащих. Имеющиеся данные говорят о крайне тяжелом положении городского населения. При этом послевоенная разруха и карточная система далеко не основные причины создавшейся ситуации. По мнению В. Попова, государству было выгодно такое состояние общества, в котором основные производители материальных благ были поставлены на грань выживания. Согласно его данным, чуть меньше половины (43%) рабочих и служащих имели такой фактический заработок в месяц, из которого половина и более всей суммы должна была пойти на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Кроме этого власти регулярно практиковали задержку заработной платы. Так, за июль 1946 г. полностью получили зарплату лишь 24 млн рабочих и служащих страны из 30,6 млн рабочих и служащих, числящихся в 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства<sup>185</sup>. Подобная экономическая политика имела свои объяснения.

Как показали последние исследования, за годы войны накопилось несоответствие между натуральной и ценностной формами выражения стоимости внутреннего валового продукта и национального

дохода. Это привело к тому, что план развития народного хозяйства СССР в 1945 г. составлялся с серьезными диспропорциями. Так, баланс средств производства формировался с дефицитом в 24 млрд руб., а баланс предметов потребления — с дефицитом 20 млрд руб.<sup>186</sup> При определении размеров национального дохода в 1945 г. Госплан СССР допустил ошибку. Сначала была названа цифра 518 млрд руб., затем — 476 млрд руб. Фактически национальный доход СССР в 1945 г. составил 441,4 млрд руб. Поскольку это было на 48,2 млрд руб. меньше, чем в 1944 г., возникла острая необходимость сократить расходы союзного бюджета. Таким образом, последний год войны и начало первого года мирной жизни для экономики СССР ознаменовались глубоким кризисом, который на самом деле являлся продолжением общего экономического спада, обусловленного гигантскими экономическими потерями и военными затратами 1941—1945 гг. Сознавая это, руководство страны переложило основное бремя трудностей на плечи населения.

После войны заработная плата рабочих заводов снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было еще больше, примерно в 1,5—2 раза. Зарботки уборщиц, вахтеров, истопников и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц. Минимальная заработная плата, не облагавшаяся налогами, составляла 150 руб. Значительную часть зарплаты отнимали налоги и государственные займы. Так, из заработка в 200 руб. изымалось 67 руб.<sup>187</sup>. На некоторых

крупных заводах тяжелой промышленности средний размер зарплаты составлял за отдельные месяцы 65% от начисленного заработка, а 35% удерживалось по Госзайму. Крупных размеров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение нескольких месяцев оставались должниками завода.

Парадоксальнее всего то, что самые значительные продовольственные трудности в послевоенный период испытывали основные производители хлеба — рабочие колхозов и совхозов. Оплата труда в сельском хозяйстве никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего<sup>188</sup>. В зимние месяцы заработная плата у трактористов снижалась с 356 руб. до 256 руб., у комбайнеров — с 411 руб. до 305 руб. в месяц. Много меньше зарабатывали в совхозе скотники, доярки и телятницы. Работники всех категорий в 1947 г. получили за год на 1 тыс. руб. больше, чем в 1946 г., главным образом за счет хлебных надбавок, но это не могло компенсировать роста цен. Маленькая зарплата была у сезонных и временных рабочих — 260—270 руб. Директора совхозов и их заместители получали примерно столько, сколько зарабатывали ударники труда — от 800 до 900 руб. в месяц<sup>189</sup>.

Дело в том, что размеры заработной платы соответствовали принципам социальной политики руководства. Рабочие промышленных предприятий, как основная социальная опора власти, независимо от общих для всех послевоенных трудностей, получали более высокую зарплату, чем крестьяне. Поэтому заработки рабочих совхозов в 2,4 раза уступали заработкам рабочих МТС. К тому же выдача оплаты в совхозах нередко задерживалась. На 1 октября 1953 г. в совхозах союзного подчинения Министерства совхозов СССР задолжен-

ность по заработной плате составляла 11,4 млн рублей<sup>190</sup>.

Тяжелое материальное положение людей усугублялось политикой государственных займов денежных средств у населения, которая в послевоенные годы приняла фактически принудительный характер. Только колхозники внесли наличными около 30 млн руб. За время голода в СССР было выпущено два займа восстановления и развития народного хозяйства. Примечательно, что полученные от них 45 млрд руб. составляли половину суммы 4 военных займов 1942—1945 гг.<sup>191</sup> Вопреки названию акции денежные средства шли не столько на восстановление хозяйства, сколько на развитие ВПК. Разумеется, последнее обстоятельство не отражалось в средствах массовой информации.

Если в трудные военные годы люди шли на жертвы сознательно, то теперь государству приходилось использовать мощные пропагандистские средства. В «Правде» публиковались призывы: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа»... Подписка проводится под лозунгом «Трех — четырехнедельный заработок — займы государству»<sup>192</sup>. Нарком финансов А. Г. Зверев, давал соответствующие указания финансовым органам союзных и автономных республик: «Быстрые темпы размещения займа должны в полной мере сочетаться с высоким уровнем массово-разъяснительной и организационной работы по займу»<sup>193</sup>.

В условиях массового голода 1946—1947 гг. далеко не для всех убедительно звучала официально провозглашенная цель займа: привлечение средств населения на финансирование хозяйственного и культурного строительства. Поэтому мероприятие было организовано как социалистическое соревно-

вание и проведено в предельно сжатые сроки. Официальные издания сообщали, что трудящиеся Москвы дали займы государству на 385 млн руб. больше предусмотренной нормы. Перевыполнение плана по сбору денег «Правда» назвала «подлинным триумфом советских государственных займов». Утверждалось, что «Ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров»<sup>194</sup>, что, впрочем, соответствовало действительности. Займы стали структурным компонентом целостной системы государственного обогащения любой ценой. Когда были исчерпаны источники изъятия денег у населения, а развитие военной промышленности требовало новых капиталовложений, активизировалась продажа за рубеж сырья и природных богатств.

Одной из отрицательных сторон сложившейся системы хозяйствования стало нерациональное отношение к сырьевым ресурсам, наиболее наглядно проявившееся в лесозаготовках. По прогнозам Госплана СССР рубка леса в 1946 г. должна была составить 114% от рубки 1940 г.<sup>195</sup> Увеличение лесосеки официально объяснялось необходимостью быстрого восстановления народного хозяйства, прежде всего промышленных предприятий, разрушенных войной. Однако значительная часть древесины шла на экспорт и расширение ВПК. Главлесохрана (т. Мотовилов) возразила против допущения сверхрасчетной лесосеки, особенно в центральных областях России, где леса были «истощены рубками последних лет»<sup>196</sup>. Тем не менее в марте 1946 г. решением СНК СССР Наркомтяжстрою были переданы лучшие лесосырьевые базы, располагавшиеся в непосредственной близости от железнодорожных и водных путей сообщения: Белорусской, Московско-Киевской и Свердловской железных дорог, бассейнов рек Днепр, Волга, Обь и Ветлуга<sup>197</sup>, т. е. ис-

тощение легкодоступных лесосырьевых баз сочеталось с перестоем древесины в отдаленных районах.

В отличие от промышленного сектора сельское хозяйство страны в большей степени ощутило на себе негативные стороны советской административно-командной системы. Тоталитарная экономика, как известно, предполагала наличие полного контроля власти над всеми формами производства. Поскольку крестьянство, как самая консервативная часть общества, всегда отличалось наименьшей вовлеченностью в государственную экономическую жизнь, его ожидали наиболее радикальные перемены. Объективный анализ показывает, что сталинская коллективизация в большей степени изменила историческое лицо России, нежели сама революция. Создание колхозов, сопровождавшееся раскулачиванием, уничтожило как раз те социальные и психологические структуры, которые труднее всего поддаются восстановлению.

Вся совокупность аграрных преобразований в годы правления Сталина, как представляется, может быть объяснена стремлением власти превратить крестьянский мир в часть государственной системы, поставить сельскохозяйственное производство под контроль бюрократического аппарата. Восприятие деревни не более как места производства съестных продуктов, присущее многим представителям правящей верхушки, отрицало самоценность традиционной крестьянской культуры, морально оправдывало ее уничтожение. Марксистское мышление партийных лидеров, считавших крестьянство мелкобуржуазным классом, породило в социальной жизни неизбежную пролетаризацию всех слоев общества.

Стратегия демографической политики власти на



селе как раз и заключалась в превращении крестьян в сельских рабочих, обрабатывавших обобществленные земельные фонды. В работе К. Мяло «Оборванная нить» показано, что катаклизмы, произошедшие в деревне на грани 20—30-х годов не были только экономической или политической акцией. По существу, это было столкновение двух цивилизаций, принципиально несовместимых по духу: «Любой анализ судеб русского крестьянства в эту пору останется неполным, если забыть о том заряде ненависти, который уже в начале 20-х годов был обрушен на традиционно деревенский уклад жизни, — хозяйствование, чувствование и мышление, быт. Кажется, что даже сам вид этих бород, лаптей, поясков и крестов — видимых знаков «темноты» и «бескультурия» — вызывал вспышки отвращения, острые и неконтролируемые, как это бывает при резко выраженной «психологической несовместимости»<sup>198</sup>. Это одна из причин, по которой на протяжении всего советского периода сельское хозяйство оставалось донором в развитии остальных сфер экономики, прежде всего тяжелой индустрии. Лишним подтверждением этого являются послевоенные годы в истории советской деревни.

Колоссальные военные потери, особенно среди мужского населения, не могли не сказаться на развитии сельского хозяйства в первые годы после войны. Если в 1940 г. соотношение мужчин и женщин в колхозах было примерно 1:1,1, то в 1945 г. 1:2,7<sup>199</sup>. Выполнение женщинами тяжелых полевых работ стало обычным явлением. С учетом возвратившихся по демобилизации население колхозов в целом по стране за годы войны сократилось на 15%, а число трудоспособных на 32,5%<sup>200</sup>. По сообщению Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков»

на оккупированной территории было разрушено 98 тыс. колхозов, 70 тыс. сел и деревень, 1876 совхозов, уничтожено 17 млн голов крупного рогатого скота, 20 млн голов свиней, 27 млн голов овец и коз. Общие убытки сельского хозяйства исчислялись суммой 181 млрд руб.<sup>201</sup> Все эти факторы, в сочетании со значительным сокращением посевных площадей, падением культуры агротехники привели к колоссальному падению продуктивности колхозного земледелия.

Тяжелое положение крестьян, кормившихся почти исключительно за счет своих личных подворий<sup>202</sup>, осложнялось действием правительственных постановлений, принятых за годы войны и до предела ужесточивших систему трудовой повинности колхозников государству. В 1942 г. для крестьян была установлена норма обязательного минимума работ в колхозе, закрепленная постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». С 13 апреля 1942 г. их обязательная норма была повышена до 150 трудодней в хлопковых районах, до 100 в нечерноземной полосе и северных районах и до 120 трудодней в остальных регионах страны (ранее обязательный минимум составлял соответственно 100, 60 и 80 трудодней). Колхозники, не выполнявшие установленный государством минимум без уважительной причины, привлекались к судебной ответственности и приговаривались к исправительно-трудовым работам на срок до шести месяцев, с удержанием 25% заработка в пользу колхоза. Если в годы войны чрезвычайные меры были понятны населению и не вызывали резкого осуждения, то их сохранение после победы часто становилось причиной общественного недовольства. Постановлением правительства от 31 мая

1947 г. практика военных лет, установившая повышенный минимум трудодней и судебную ответственность за его невыполнение, была сохранена и в последующие годы.

Невыполнение колхозниками минимума трудодней давало руководящим работникам основание полагать, что меры воздействия на крестьян недостаточно эффективны. Считалось, что основными причинами, препятствующими работе крестьян на колхозных полях, являются отходничество на заработки и труд на собственных приусадебных участках. Хотя и то и другое не укладывалось в рамки «чистого социализма», власть была вынуждена мириться с этими явлениями. Именно они составляли основную часть дохода крестьянских семей. Кроме этого приусадебные участки облагались значительными налогами, пополнявшими казну.

Вопрос о личных земельных наделах и отходничестве на правительственном уровне пытались решить на рубеже 40—50-х годов. В записке на имя Г. Маленкова свою точку зрения по этому поводу выразил заместитель министра земледелия С. Хоштария. По его мнению, лишить колхозников-отходников приусадебных участков невозможно, поскольку «в семье выбывших обычно остаются члены колхоза (престарелые, больные), не обязанные выполнять минимума, но сохранившие право пользования приусадебным участком»<sup>203</sup>. Государству было невыгодно исключать не выполнявших минимальную норму трудодней из колхозов. Прежде всего потому, что эта часть рабочей силы переклюкала свое внимание на расширение личного хозяйства и торговлю. Хоштария предложил заменить административные меры наказания за невыработку трудодней санкциями экономического по-

рядка. Например, увеличением налогов или отрезкой приусадебного участка.

Наиболее тяжелым для крестьян оказался первый послевоенный 1946 г., так как расчет с колхозниками по зерну в этом году был хуже, чем в военном 1943 г. — самом неблагоприятном для сельского хозяйства. В целом по СССР в 1946 г. 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% вообще не производили оплату зерном<sup>204</sup>, что в сочетании с летней засухой стало причиной голода. Засуха 1946 г. охватила большинство зерновых областей страны — Украину, Молдавию, правобережье Средней и Нижней Волги, Центрально-Черноземную зону и значительные территории в Нечерноземье. Во многих районах дождей не было по 60—70 дней подряд, что не могло не сказаться на урожайности. По данным И. М. Волкова, в среднем по стране урожайность зерновых культур в 1946 г. составила 4,6 ц с гектара<sup>205</sup>, вдвое меньше, чем в 1940 г., и значительно меньше показателей 1945 г. В итоге во всех категориях хозяйств было собрано 39,6 млн т зерна, тогда как в 1940 г. — 95,6 млн т, а в 1945 г. — 47,3 млн тонн.

Однако, по мнению многих историков, не только потеря значительной части урожая стала причиной голода. Власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по пути организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба получили так называемую надбавку к плану. По сути, государство отбирало хлеб, предназначенный для распределения среди крестьян в форме натуроплаты за трудодни, что и стало причиной голода в деревне. «Относительно 1945 г., — считает, например, В. Ф. Зима, — сокращение валового сбора

было в пределах допустимого и не давало никаких оснований для чрезвычайщины в проведении заготовительной кампании»<sup>206</sup>. Причины надбавки к плану хлебозаготовок становятся понятны, если учесть те задачи внешней политики, которые советское руководство решало в 1946 г.

Несмотря на продовольственные трудности в стране, Советский Союз оказывал значительную помощь хлебом Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии, т. е. своим ближайшим геополитическим союзникам. В Польшу было отправлено 900 тыс. т зерна, Чехословакию — 600 тыс. т зерна, в целом же экспорт зерновых из СССР равнялся 1,7 млн т<sup>207</sup>, что составило 10% от заготовленного в 1946 г. Министр внешней торговли А. И. Микоян подписал соглашение о поставке Франции 500 тыс. т зерна в течение апреля — июля 1946 г. В сообщении о соглашении указывалось, что Советское правительство, «учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику»<sup>208</sup>. Таким образом, закрепление успехов на международной арене лидерам партии казалось более предпочтительной задачей, нежели сохранение приемлемого уровня жизни своего народа.

Стремясь предотвратить массовое расхищение зерна голодающими крестьянами, правительство пошло по пути усиления карательных мер. Наряду с действующим законом от 7 марта 1932 г., прозванным в народе «законом о пяти колосках», были приняты решения о методах и сроках репрессий, чтобы «свести на нет эту преступность»<sup>209</sup>. В 1946 г. Совет Министров СССР принял два постановления по охране хлеба. Примечательно, что первое из них — от 27 июня «О мерах по обеспе-

чению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» — было принято еще летом, когда снижение урожая только прогнозировалось. Особой жесткостью отличалось второе постановление — «Об обеспечении сохранности государственного хлеба», — принятое 25 октября. Осенью, когда был осознан весь масштаб убытка от засухи, суды рассматривали дела о «хищении хлеба» в 10-дневный срок. К виновным применялись меры по закону от 7 августа 1932 г. За хищение колхозного и кооперативного имущества допускался расстрел, с заменой, при смягчающих обстоятельствах, лишением свободы на срок не менее 10 лет.

Самое интересное, что усиление мер наказания за кражу отражала центральная пресса, что создавало эффект их общенародной и государственной значимости. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» был опубликован в «Правде»<sup>210</sup>. Строгость мер, как и в других случаях, объяснялась экономической необходимостью. Согласно указу кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или другого общественного имущества карались заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от 5 до 8 лет с конфискацией или без конфискации имущества. Строгость режима лишь незначительно смогла сдержать воровство хлеба, поскольку альтернативой ему для многих был голод. В одном из писем 1946 г., задержанных органами государственной безопасности, отмечалось: «Мне не страшна тюрьма, ибо там я могу получить кусок хлеба»<sup>211</sup>.

Факты говорят о катастрофическом продоволь-

ственном положении в деревне. В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0,52 кг хлеба, на Украине 0,27 кг, в Белоруссии и Нечерноземье распределения хлеба по трудодням вообще не было или хлеб выдавался в счет 15% заготовленного<sup>212</sup>. А поскольку заготовленного было мало, то выданного могло хватить лишь на 2—3 месяца. Уже поздней осенью и зимой 1946 г. министру госбезопасности СССР В. С. Абакумову из разных регионов страны стали поступать сообщения о фактах массового недовольства населения продовольственной политикой власти. Несмотря на то что в большинстве случаев эти настроения толковались как антисоветские<sup>213</sup>, лидеры государства вполне сознавали обоснованность народных требований. Положение дел в деревне не являлось для властей секретом, об этом крестьяне регулярно информировали вышестоящие инстанции в своих жалобах и письмах. Только в 1947—1950 гг. в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР поступило 92 795 жалоб от колхозников и было принято 3305 так называемых «ходоков», которые добивались личного приема у чиновников<sup>214</sup>. В подавляющем большинстве случаев просьбы населения оставались без ответа. Данный факт говорит о том, что интересы крестьянства и правящей верхушки не только не пересекались, но были прямо противоположными. Справедливость подобного вывода подтверждает и государственная политика в области налогообложения.

В 1946 г. было принято решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства, а в 1948 и 1952 гг. увеличивался главный налог с крестьян — сельскохозяйственный. Размер налога крестьянских хозяйств определялся на основании нормы доходности — с каждой головы скота и с каж-

дой сотой гектара приусадебной земли. Нормы доходности устанавливались произвольно и далеко не всегда соответствовали реальному доходу крестьянской земли. Личные хозяйства сдавали зерновые и картофель соответственно площади сева, которая определялась государственным планом-минимумом для единоличников. Кроме этого действовали зональные нормы налогов по животноводческой продукции. Поскольку существовала сельскохозяйственная специализация районов, практиковалась сдача одних продуктов вместо других, или государство взимало их рыночную стоимость. Например, в Вологодской области в счет мясopоставок взимались овощи, молоко и яйца, в Алтайском крае — лук, молоко и шерсть. В Саратовской области — шерсть<sup>215</sup>.

Налоговая политика свидетельствовала, что власть, активно борющаяся с «мелкобуржуазной» сущностью крестьянства, не была заинтересована в развитии личного животноводства. Именно из-за роста налогов во второй половине 40-х годов значительно сократилось количество голов скота в личном пользовании граждан. Попытки сокрытия скота от государственного учета пресекались переписью поголовья, как, например, в январе 1949 г. Не имея возможности рассчитаться с государством, крестьянам приходилось забивать скот. По данным В. Попова, в 1950 г. в личном пользовании граждан находилось 16 031 тыс. коров, а к поставкам молока было привлечено 18 248 тыс. индивидуальных хозяйств, т. е. около 2 млн дворов должны были платить налог с несуществующей коровы. В некоторых случаях несколько семей держало на паях одну корову, но налог платила каждая семья в отдельности<sup>216</sup>. Таким образом, в налоговой политике второй половины 40-х годов можно выявить две



важнейшие тенденции: увеличение размеров обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству и увеличение количества индивидуальных хозяйств, привлеченных к этим поставкам. В письмах колхозников Пензенской и Рязанской областей родным, задержанных военной цензурой МГБ в июне 1946 г., содержались такие суждения: «Кончилась война, думали, жить будем легче, а оказывается, еще труднее — налоги наложили в двойном размере», «Налоги в этом году требуют вдвое больше, чем в прошлом»<sup>217</sup>.

Государственная налоговая политика решающим образом влияла на доходы колхозников. В послевоенные годы кроме сельскохозяйственного налога существовал налог на холостяков, одиноких и малосемейный граждан, рыболовный сбор, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств, с владельцев скота. Кроме того, почти каждая семья в сельской местности платила самообложение, которое формально являлось добровольным сбором, а фактически неизбежным для каждого крестьянского двора. В 1948 г. постановлениями правительства размер сельскохозяйственного налога был увеличен на 30%. В хозяйствах колхозников облагались налогом не только скот и посевы, но и фруктовые деревья. Причем ставки обложения доходов ежегодно повышались. В 1953 г. были приняты еще два налоговых закона: «О сельскохозяйственном налоге» и «О подоходном налоге с колхозов». В очередной раз повысилась общая сумма налогов. К доходу личных хозяйств была установлена еще 10%-ная надбавка на прочие «источники прибыли» (от птицеводства, от выращивания молодняка скота, от

сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.) вне зависимости от их размеров<sup>218</sup>. Таким образом, государство использовало любые возможности для перераспределения финансовых средств из сельского хозяйства в промышленность, прежде всего тяжелую индустрию и ВПК. В конечном итоге трактора и машины, созданные за счет налогоплательщиков, поступали в колхозное, т. е. общественное, а не личное пользование. При этом уровень жизни сельского населения оставался крайне низким.

Экономический курс советского руководства в аграрном секторе в полной мере соответствовал задачам социальной государственной политики, основная сущность которой в послевоенный период сводилась к новому этапу раскрестьянивания. Жители села всегда воспринимались партийным руководством в качестве основного демографического ресурса на нужды индустриализации. Послевоенный период в этом отношении не являлся исключением, тем более что задачи экономического противостояния с развитыми капиталистическими странами обязывали перегруппировать социальные слои общества в пользу промышленного пролетариата. Мощным ускорителем процесса бегства из деревни стал голод 1946—1947 гг. Под влиянием в первую очередь материальных условий жизни, миграция сельского населения в города продолжалась и в последующие годы. Так, только за 1949—1953 гг. количество трудоспособных колхозников в колхозах уменьшилось на 3,3 млн человек<sup>219</sup>.

Однако политика раскрестьянивания заключалась не только в переселении сельских жителей в города и рабочие поселки. Власть стремилась создать и в самой деревне маргинальную по своей сути прослойку аграрной интеллигенции, способ-

ную неукоснительно реализовывать директивы партии в сельском хозяйстве. Как носитель советского мировоззрения, новый класс должен был стать связующим звеном между аппаратом власти и крестьянами.

В соответствии с этим замыслом принимались специальные экономические постановления. В октябре 1945 г. по поручению ЦК ВКП(б) был подготовлен проект «О мерах по бытовому устройству агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей и землеустроителей, работающих в сельском хозяйстве и проживающих в сельской местности»<sup>220</sup>. Льготы, предоставленные этой категории населения, по сути, закрепили имущественную дифференциацию в деревне. Проект предусматривал для новой сельской элиты увеличение приусадебных участков с 0,15 га до 0,25 га, освобождение хозяйств этой категории от поставок картофеля государству, значительные надбавки в зарплате и специальное распределение промышленных товаров. Зоотехникам, ветеринарам и землеустроителям предоставлялись кредиты на строительство жилья и развитие хозяйства, им разрешалась покупка одной коровы по государственным закупочным ценам<sup>221</sup>. При общем низком уровне жизни колхозников данное постановление стало одним из стимулов перехода наиболее молодых и активных крестьян в новую социальную прослойку.

В результате послевоенной демобилизации фронтовиков численность колхозного населения за 1945—1947 гг. увеличилась на 1,9 млн человек. Однако уже с середины 1948 г., согласно исследованиям О. М. Вербицкой, начинается его быстрое сокращение. В 1948 г. сокращение составило 0,5 млн человек, за 1949—1950 гг. — 2,6 млн человек. В результате к началу 1951 г. в колхозах России про-

живало на 1,2 млн человек меньше, чем в конце 1945 г.<sup>222</sup> Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. Например, за период 1946—1959 гг. колхозное население РСФСР уменьшилось на 9,2 млн человек<sup>223</sup>. Особенно в больших масштабах крестьянское население сокращалось в регионах, по которым прошла война, и в областях, где преобладали экономически слабые колхозы<sup>224</sup>. Прежде всего это Центрально-Черноземная зона.

Сокращение численности сельского населения шло в основном за счет молодежи, особенно в возрасте 20—29 лет<sup>225</sup>. Преимущественный отток наиболее трудоспособной части рабочей силы тормозил экономическое и социальное развитие села. Уход в города самых образованных и квалифицированных специалистов объясняется тем, что именно они могли рассчитывать на более успешную адаптацию, более высокие заработки и дальнейшее социальное продвижение. Более того, сложилась такая ситуация, что подготовка механизированных кадров на селе стала в какой-то мере формой подготовки переселения в город. Порой для выселения из сельской местности приходилось прибегать к самым разнообразным уловкам, вплоть до фиктивных бракосочетаний.

Одной из причин миграции крестьян в послевоенный период было значительно лучшее снабжение городов продовольствием. В неопубликованном постановлении Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 27 сентября 1946 г. «Об экономии в расходовании хлеба» предусматривались меры по сокращению контингента граждан сельской местности, получающих хлеб по карточкам. С пайкового учета была снята часть неработающих взрослых горожан и иждивенцев<sup>226</sup>. В результате численность снабжаемого населения, проживающего на

селе, сократилась с 27 млн до 4 млн человек, т. е. на 23 млн человек, тогда как в городах было снято с пайкового снабжения 3,5 млн взрослых. Всего же расход хлеба по пайковому снабжению сократился на 30%<sup>227</sup>. Парадоксальность ситуации заключалась даже не в том, что основные производители сельскохозяйственной продукции сами остались без продовольствия, а в том, что по вине государственной системы распределения крестьянам приходилось порой добывать продовольствие в городах.

Закономерно, что многие стремились устроиться на предприятиях в промышленности и не возвращались в сельское хозяйство. Численность трудоспособных крестьян за 1949—1951 гг. уменьшилась по Куйбышевской области на 24,2%, Сталинградской — на 23,4%, Кировской — на 23,3%, Калининской — на 22,2%, Саратовской — на 21,3%<sup>228</sup>.

Основным каналом исхода из деревни подростков от 12 до 16 лет являлся их уход на обучение в систему профессионального образования и фабрично-заводские школы. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР» колхозы должны были в порядке мобилизации выделять по 2 молодых человека мужского пола в возрасте 14—15 лет в ремесленные и железнодорожные училища. Кроме этого ежегодно от колхозов в школы ФЗО направлялся один юноша в возрасте от 16 до 17 лет<sup>229</sup>. Желание сельской молодежи послевоенных лет попасть в городские учебные заведения было так велико, что этот мобилизационный порядок в 1955 г. был отменен<sup>230</sup>.

Важным мотивом перехода в другую социальную категорию для колхозников было желание хотя бы частично снять с себя бремя налогов. Как известно, рабочие и служащие, проживавшие в

сельской местности, в меньшей степени облагались налогами, нежели крестьяне. При этом за ними сохранялось право пользования приусадебными участками.

Интересно проследить, как государство регулировало процесс исхода из деревни. Осенью 1951 г. вышло специальное постановление Совета Министров «Об упорядочении проведения организационного набора рабочих»<sup>231</sup>. Согласно этому документу, руководителям предприятий истроек запрещалось принимать на постоянную и сезонную работу колхозников без справки об отпуске из правления колхоза. По этой причине крестьянам для отходничества на заработки порой приходилось использовать фиктивные документы.

Как отмечают исследователи, с начала 1948 г. индустрия была с избытком насыщена рабочей силой, а приток людей из деревни не прекращался<sup>232</sup>. В сельской местности с начала 50-х годов часть ушедшего из колхозов и совхозов населения была задействована в общесоюзной аграрной программе по созданию лесопосадок. Полосы леса должны были сохранять плодородные земли от суховея. О масштабе замысла и объеме трудовых затрат можно судить по охвату регионов, задействованных в этой акции. Это Поволжье, Северный Кавказ, ряд Центрально-Черноземных областей. Трудом крестьян-отходников были созданы оросительные системы на юге Украины, в Крыму, Ростовской и Сталинградской областях<sup>233</sup>. Перечисленные факты говорят о получении государством колоссальной выгоды от системы отходничества крестьян на приработки. Основой этой системы был крайне низкий уровень жизни колхозников, их неспособность обеспечить прожиточный минимум одним земледелием.

Необходимость реформирования сельского хозяйства на рубеже 40—50-х годов остро ощущалась на всех уровнях властной вертикали, проблема состояла лишь в том, что для руководства сущность и конечная цель любой реформы должна была заключаться в еще большем подчинении экономики. В этом русле следует рассматривать политику по объединению мелких хозяйств, продиктованную скорее административной, нежели экономической целесообразностью, которая позволила еще больше укрепить вертикаль государственной власти, сконцентрировать наличные силы и средства производства. Руководство не смущали низкие результаты работы колхозов, объединенных без учета региональных особенностей (разбросанность населенных пунктов, чрезмерное многоземелье, пестрота производственной специализации) и часто против желания колхозников. Преимущества централизованного управления отодвигали на второй план экономические показатели развития сельского хозяйства. Многие укрупненные колхозы представляли собой искусственные объединения трех-пяти и более мелких, по существу, самостоятельных хозяйств, территориально разбросанных на расстоянии 7—10 и более километров, и связанных плохими дорогами. Особенно это было характерно для Вологодской, Горьковской, Владимирской, Ярославской, Кировской и других областей Центральной России. В послевоенный период еще не были преодолены последствия хуторского расселения, во многих хозяйствах пашня состояла из отдельных мелких участков, порой в 1—3 га.

Удар по местному самоуправлению не мог не вызвать ответной реакции. Известны многочисленные факты, когда через 5—7 лет укрупненные кол-

хозы делились на те же 3—5 колхозов, существовавших ранее самостоятельно. О мотивах разукрупнения свидетельствуют заявления колхозников, в которых они обычно их подробно излагали: территориальная разбросанность бригад и вызванные этим трудности в управлении хозяйствами, неодинаковый вклад бригад в общий труд коллектива, получение, несмотря на это, одинаковых доходов всеми бригадами, большая разбросанность земель.

Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» обязывало партийные комитеты проводить укрупнение мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель якобы не могли успешно развивать общественное хозяйство и принимать современную машинную технику. Как это часто практиковалось в советские годы, решение партии воплощалось в жизнь ударными методами и в задуманном масштабе было реализовано досрочно к 1951 г. При этом часто игнорировался тот факт, что постановление рекомендовало проводить широкую разъяснительную работу и соблюдать принцип добровольности путем решения данного вопроса на общих собраниях колхозников. По подсчетам И. М. Волкова, в 1949 г. в стране было 254 тыс. колхозов, а к концу 1950 г. уже 121 тыс.<sup>234</sup> Таким образом, число колхозов за год сократилось более чем вдвое. Несмотря на отрицательные показатели, опыт укрупнения колхозов применили для объединения совхозов в начале 50-х годов, а затем в 1954—1958 гг. Идея централизации свидетельствовала о стремлении власти полностью контролировать ситуацию в сельском хозяйстве.

Идеология приоритета общественной собственности над частной, по сути, стала служанкой эконо-



номических интересов власти. Изъятие зерна в крупных коллективных хозяйствах проходило легче, чем в мелких. И значительно легче, чем в индивидуальных. Это основная причина, по которой за годы четвертой пятилетки значительно расширился государственный сектор сельского хозяйства. В период с 1946 по 1950 г. число совхозов в стране увеличилось с 4,2 до 5 тыс., а численность работников социалистических хозяйств соответственно с 1,4 до 1,7 млн человек<sup>235</sup>. Основным источником пополнения рабочих совхозов являлось колхозное крестьянство.

Во второй половине 40 — начале 50-х гг. работа на колхозных полях все больше напоминала трудовую повинность государству. В этом вопросе совпадают точки зрения большинства современных исследователей<sup>236</sup>. Колхозы не могли обеспечить крестьян необходимым прожиточным минимумом продуктов, что заставляло людей усиливать затраты труда в личных хозяйствах. В то же время государство всячески препятствовало попыткам сельских жителей расширять производство на приусадебных участках, постоянно увеличивало натуральный налог. В соответствии с принципами марксизма труд на частной земле считался несоциалистической формой производства. Таким образом, именно идеология определяла фактически антинародный курс в экономической и социальной политике. В то же время для высших слоев управления она была удобным прикрытием колоссального государственного обогащения за счет основных слоев населения.

В официальных документах второй половины 40-х годов утверждалось, что благодаря «неустанной заботе партии» сельское хозяйство и промышленность уверенно набирают темпы роста. Види-

мыми проявлениями заботы должны были служить отмена карточной системы и ежегодное снижение цен на продовольственные товары. Однако, отдавая государству не только прибавочную, но и значительную часть необходимого продукта, деревня переживала самые трудные годы в своей истории. Производство почти не росло, происходил массовый уход сельских жителей, особенно молодежи, в города.

Несмотря на бедственное положение деревни, государство продолжало изымать у колхозов сельскохозяйственную продукцию по символическим ценам, составлявшим 5—10% от уровня себестоимости<sup>237</sup>. Лишь критическое положение в аграрном секторе побудило Совет Министров СССР в ноябре 1948 г. принять постановление о мерах помощи сельскому хозяйству. Предусматривалось не только обеспечение техникой МТС, но и продажа ее колхозам, для чего начали выделять кредиты. Одним из первых постановление ограничило с 1949 г. дальнейший набор рабочей силы из колхозов для работы в промышленности, а также призыв молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища. В постановлении выражалось беспокойство за состояние дел в сельском хозяйстве, но независимо от этого изменения производственных отношений не предполагалось.

Основной причиной кризиса в сельском хозяйстве было отсутствие реальной оплаты труда крестьян, которые работали за символические трудовые дни. Личные подсобные хозяйства, которые были основным, а нередко и единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, облагались обременительными натуральными и денежными налогами. Крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, лист-

ки нетрудоспособности и т. д. Объективным основанием подобной жесткости государства в социально-экономической политике была необходимость высвободить финансовые средства для противостояния с западными странами в «холодной войне». В этом и заключалась основная сущность экономического развития последнего этапа сталинской эпохи.

### Глава 3

## ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА: УТВЕРЖДЕНИЕ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ

Обретение СССР статуса «сверхдержавы» не могло не оказать влияния на внутривнутриполитическую жизнь советского государства. С окончанием Великой Отечественной войны все функционирование общественного организма связано с осознанием новой геополитической роли Советского Союза в общемировом устройстве. Более того, планы руководства партии и, прежде всего, лично Сталина концентрировались вокруг расширения советского влияния, экспансии большевистской гегемонии на Восток и Запад. Эти цели требовали серьезного обновления идеологических концепций, пропагандируемых и реализуемых режимом, адаптации их с учетом новых исторических условий. Данная задача хорошо осознавалась руководством страны, поэтому послевоенные годы характеризуются определенной коррекцией традиционной большевистской фундаменталистики, появлением и утверждением новых форматов в идеологическом обслуживании глобальной политики Кремля.

В первую очередь сказанное относится к одной из центральных тем идеологии советской эпохи, имеющей основополагающее значение, — вопросу о коммунистическом строительстве. Именно здесь в обосновании движения к конечной цели обще-

ственного развития была заложена динамика политики КПСС. Этой «святой целью» в конечном счете оправдывались реальные устои существовавшего режима — партийная монополия на власть внутри страны, жесткое поведение СССР на международной арене. Компартия предлагала себя в качестве особой политической силы, сумевшей выработать «научный» план восхождения к светлому будущему и впервые в мире развернувшей его непосредственное строительство. Как известно, задача построения коммунизма была внесена в программу партии в 1961 г. на XXII съезде КПСС, который провозгласил ее решение к 1980 г. С тех пор историческая наука и общественное мнение прочно связывают имя Первого секретаря ЦК КПСС, председателя правительства Н. С. Хрущева с оформлением курса на развернутое коммунистическое строительство. Однако на самом деле вопрос о том, кому принадлежит авторство «броска в коммунизм», не так однозначен, как представляется в общественном сознании. Здесь необходимы серьезные уточнения, которые помогут внести ясность в понимание многих узловых моментов отечественной истории.

Обращение к источникам дает основание утверждать, что идея «броска в коммунизм» появилась задолго до XXII съезда КПСС. Так, уже в 1939 г. она безраздельно господствовала на XVIII партийном форуме. В контексте многих победных рапортов, прозвучавших на этом съезде, четко вырисовывалась концепция развернутого коммунистического строительства. Об этом наглядно свидетельствует вся атмосфера съезда. Из выступлений делегатов можно сделать вывод, что в партии складывалось единодушное мнение: осталось совсем немного, несколько ударных пятилеток для завершения «ус-

пешного процесса» построения коммунизма. Устами своих ораторов XVIII съезд ВКП(б) говорил о нем не только как о стратегической цели, но и как о непосредственной практической задаче. Характерен пример Л. Кагановича, который пророчествовал: «Доклад товарища Сталина станет великой программой великих дел нашей славной партии на новый исторический период перехода от социализма к высшей фазе коммунизма»<sup>238</sup>. Более того, с трибуны форума назывались даже конкретные сроки: «Двадцать лет работы нашей партии на стройке социализма уже дали результаты — мы построили социалистическое общество. Еще двадцать лет работы дадут нам высшую фазу — коммунистическое общество»<sup>239</sup>. Данная мысль сформулирована А. Н. Поскребышевым — помощником И. Сталина, его ближайшим сподвижником, а с 1935 г. заведующим канцелярией «вождя».

Интересно отметить и еще одно обстоятельство. Наиболее рьяным поклонником идеи «броска в коммунизм» на XVIII съезде оказался 44-летний лидер Компартии Украины Н. С. Хрущев. Он убеждал собравшихся в построении первой фазы, где «во всех отраслях нашего хозяйства полностью и безраздельно господствует социализм»<sup>240</sup>. Термином же «коммунизм» Никита Сергеевич так увлекся, что использовал его заметно чаще других ораторов, нередко вообще заменяя им слово «социализм», будто приближая желанную вторую стадию к текущему дню. Вот несколько выдержек из речи Н. Хрущева: «Из года в год все выше и выше мы поднимаемся к конечной вершине нашей борьбы — к коммунистическому обществу, к коммунистическому строю»; «Разрешите мне рассказать, каких успехов достиг украинский народ в борьбе за коммунизм»; «XVIII партийный съезд, истори-

ческое указание нашего великого Сталина вооружают трудящихся Советского Союза, как и трудящихся всего мира, могучим оружием в борьбе за коммунизм»<sup>241</sup>.

Можно не сомневаться: идеи и заряд XVIII съезда — «съезда, давшего локомотиву истории отправление на станцию «коммунизм»<sup>242</sup> — Н. Хрущев и вся советская элита бережно пронесли сквозь годы Великой Отечественной войны. Тема коммунистического строительства, отодвинутая в 1941—1945 гг. в силу объективных причин на второй план, сразу же была реанимирована в послевоенных условиях, снова появившись в официальных выступлениях и публикациях. Уже в 1945 г. в редакционной статье журнала «Большевик» — главного научно-теоретического органа партии — утверждалось, что «после победоносного окончания Великой Отечественной войны советский народ продолжает осуществлять величественную задачу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»<sup>243</sup>. В марте 1946 г. на сессии Верховного Совета СССР в докладе председателя Госплана Н. А. Вознесенского о четырехлетнем плане это положение было объявлено руководящей партийной установкой<sup>244</sup>.

В последующие первые послевоенные годы тема строительства коммунизма прочно вошла в повседневную идеологическую практику. О ней стали рассуждать как об обыденном деле<sup>245</sup>. Центральной была следующая мысль — Советский Союз еще в период принятия сталинской Конституции СССР, накануне XVIII съезда партии, вступил в новую полосу развития, связанную с завершением строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. На XI съезде ВЛКСМ, состоявшемся весной 1949 г., первый секретарь ЦК

Н. Михайлов адресовал молодежной аудитории заявление, преисполненное оптимизма: «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме»<sup>246</sup>.

Проработку курса коммунистического строительства можно отнести к периоду подготовки и проведения XIX съезда КПСС. Практическое выдвижение этой грандиозной задачи объективно требовало серьезной научно-теоретической разработки путей строительства коммунизма. Как известно, данная проблема слабо освещена в трудах классиков марксизма-ленинизма, что диктовало необходимость уточнения инструментария коммунистического строительства. Разъяснение этих сложных вопросов не заставило долго ждать. В октябре 1952 г. была опубликована работа И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней «великий вождь и учитель» доказал возможность построения коммунизма в СССР даже в случае сохранения капиталистического окружения. Сталин сформулировал три основных предварительных условия выполнения этой масштабной задачи: 1) речь шла о необходимости обеспечить не только рациональную организацию производительных сил, но и непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным развитием производства средств производства, что дает возможность осуществить расширенное воспроизводство; 2) необходимо путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной, а товарное обращение тоже постепенно заменить системой продуктообмена с целью охвата им всей продукции общественного производства; 3) необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем его членам всестороннее



развитие их физических и умственных способностей<sup>247</sup>.

Теоретические выкладки Сталина о путях строительства коммунизма незамедлительно были объявлены руководством к действию, программой великого общественного преобразования. В концентрированном виде это произошло на XIX съезде КПСС, прошедшем под знаком развертывания коммунистического строительства. В отчетном докладе ЦК (докладчик — Г. Маленков), делался вывод: «Планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»<sup>248</sup>. Эта мысль так или иначе воспроизведена практически каждым выступавшим на съезде. Например, секретарь Ленинградского обкома партии Андрианов говорил: «Перспективы построения коммунистического общества, начертанные великим вождем и учителем товарищем Сталиным, освещают как мощным прожектором путь к коммунизму, вдохновляют партию, весь советский народ на новые подвиги во славу нашей великой Родины»<sup>249</sup>. Таким образом, доктрина «броска в коммунизм», поставленная на повестку дня еще в 1939 г. XVIII съездом, через 13 лет получила свое полное логическое завершение. Была осуществлена теоретическая проработка вопроса, определен главный архитектор строительства коммунизма, принято решение о восхождении к высшей форме общественного развития. Вместо принятия новой партийной программы XIX съезд КПСС рекомендовал руководствоваться сталинской работой «Экономические проблемы социализма в СССР».

Разработка и принятие доктрины коммунисти-

ческого строительства состоялись в 1945—1953 гг. не только в практическом смысле. В этот период были произведены серьезные уточнения в содержании самой концепции построения коммунизма, уточнения, не просто отличающиеся от традиционных положений марксизма-ленинизма, но и даже прямо противоречащие выводам его классиков. Речь идет об учении о государстве, его роли в деле коммунистического строительства. Как известно, по всем этим вопросам, имеющим важное теоретическое значение, высказывались и Маркс, и Энгельс, и Ленин. В их произведениях сформулирован определенный взгляд на эту проблему, разделявшийся многочисленными последователями в разных странах, включая СССР. Одним из главных постулатов марксистского учения о государстве являлось положение о его отмирании по мере приближения к высшей фазе общественного развития. Основополагающей здесь признавалась широко известная мысль Ф. Энгельса, изложенная им в «Анти-Дюринге»: «Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилие, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и пре-

кратится само собой... Государство не «отменяется», оно отмирает»<sup>250</sup>.

Мы привели это высказывание Энгельса, так как именно оно являлось отправной точкой многих размышлений о судьбе государства после завершения социалистической революции. В частности, В. Ленин в своем труде «Государство и революция», рассматривая вопрос о перспективах государственной власти в новую историческую эпоху, также опирается именно на приведенную мысль своего предшественника, характеризуя ее «действительным достоянием социалистической мысли»<sup>251</sup>. Ленинский анализ теории государства находился в русле воззрений основоположников марксизма. Хотя при этом необходимо отметить, что вождь Октябрьской революции, столкнувшись с практикой, высказывался об отмирании государства утвердительно, но с некоторыми оговорками типа «...мы вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет»<sup>252</sup>. Тем не менее в отношении времени, когда должна произойти ликвидация государственной власти, Ленин выдвигал вполне определенный содержательный ориентир: полное отмирание государства произойдет при переходе от первой фазы общественного развития (переходного периода от социалистической революции) к высшей его фазе (коммунизму). Магистральным путем такого перехода определялось все большее, а затем поголовное привлечение трудящихся к государственному управлению. В завершенном виде эта идея была озвучена Лениным

перед делегатами VII съезда РКП(б): «Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством»<sup>253</sup>.

Претворение в жизнь задач социалистического строительства, уничтожение частной собственности на средства производства, ликвидация эксплуататорских классов, происшедшие в СССР в 20 — 30-х годах, коренным образом изменили лицо советского общества. Основываясь на этих достижениях, Сталин перевел в практическую плоскость теоретические рассуждения о строительстве высшей фазы общественного развития. Однако постановка этой цели и движение к ней объективно требовали прояснения вопроса о судьбе государства. Следование марксистско-ленинским канонам (создание основ социализма, формирование новых социальных параметров) логически подводило к воплощению в жизнь концепции отмирания государства, так как учение в неразрывной связи рассматривало процессы коммунизации общества и постепенного сведения на нет роли государства. Сталин же пошел совершенно другим путем, выдвинув прямо противоположное положение об усилении значения государственной власти в ходе построения коммунизма. Осуществляя такой неожиданный поворот, вождь вносил неизбежные и необходимые для этого уточнения. Он пояснял: «Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги («Государство и революция». — *Авт.*) разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть

помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики»<sup>254</sup>.

Нетрудно догадаться, кого здесь имел в виду вождь и кто должен был завершить начатое Лениным. В сталинской «Краткой биографии» читаем: «Товарищ Сталин, опираясь на гигантский опыт более чем двадцатилетнего существования Советского социалистического государства в условиях капиталистического окружения, создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве»<sup>255</sup>. Приняв эстафету от классиков марксизма-ленинизма, Сталин, однако, ориентировался не на сбережение идейного наследия, а на собственные цели и нужды, важные для него прежде всего с прагматической точки зрения, с позиций сохранения и осуществления режима личной власти. В самом деле, трудно представить личность и деятельность вождя в условиях ослабления государства (не говоря уже о большем), без всемогущества карательных органов, без сохранения бесконтрольности аппарата. Под угрозой оказались бы и масштабные сталинские планы по расширению советской экспансии, установлению мировой гегемонии. В этом смысле любое покушение на доктрину государства в форме диктатуры пролетариата, дискуссии на тему его постепенного отмирания даже со ссылками на основателей марксистско-ленинского учения не могли быть приняты и тем более реализованы.

Именно поэтому, несмотря ни на что, Сталин твердо отстаивал свой взгляд на этот вопрос. Возникновение же ряда теоретических проблем он объяснял тем, что многие не разобрались в тех исторических условиях, в каких вырабатывались отдельные положения марксистского учения о государстве, в международной обстановке, в которой

находится Советский Союз, не поняли и недооценили факта капиталистического окружения со всеми вытекающими из него последствиями вроде засылки в СССР шпионов и вредителей. Как разъяснял вождь, известная формула Энгельса о судьбе государства правильна, но не абсолютна, так как она применима лишь для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе большинство стран и когда создадутся необходимые условия для ее практической реализации<sup>256</sup>.

Идеологические новшества Сталина, объявленные сокровищницей марксистско-ленинского учения, решительно внедрялись в общественное сознание послевоенных лет. Особенно преуспел на этом поприще ближайший соратник вождя, «известный» юрист и правовед А. Вышинский. В своих многочисленных публикациях он неизменно подчеркивал следующую мысль: «Сталинское учение о социалистическом государстве имеет тем большее значение, что оно кладет конец недооценке роли нашего государства, его механизма, его разведки, которые-де скоро придется сдать в музей древностей. В этой болтовне о том, что Советское государство придется сдать в музей древностей, слышатся отголоски вредительско-провокаторских «теорий» троцкистско-бухаринских изменников. Известно, что эти господа немало старались, по заданиям иностранных разведок, расшатать Советское государство, внушая тлетворные мысли о «растворении», «засыпании», «погружении в экономике» Советского государства, о том, что Советское государство существует лишь в психике людей, что советский закон и советское право — не что иное, как «юридическое барахло» и тому подобный провокационный вздор»<sup>257</sup>.

Официальные наука и пропаганда стояли на страже сталинских подходов учения о государстве, монтируя в них весь исследовательский процесс и требуя верноподданнических заклинаний. Отмечалось, что советские ученые-юристы в серьезном долгу перед партией и народом в освещении теории государства, крупным пробелом считалось отсутствие работ, посвященных характеристике основных этапов развития марксистско-ленинской теории государства<sup>258</sup>. В то же время любое несоответствие с обозначенными стандартами немедленно подвергалось критике и пресекалось. Так, с производства был снят учебник Денисова «Теория государства и права», где автор счел нужным только упомянуть об обстоятельствах, «при которых Советское государство станет ненужным»<sup>259</sup>. В результате вместо серьезных исследований страницы научных изданий заполнялись громкими, но бессодержательными дифирамбами, как, например, такое: «...то, чего в вопросах государства не успел вследствие своей смерти сделать Ленин, сделал тов. Сталин. Уменье смело учитывать новые жизненные явления, факты действительности, уменье не цепляться за теоретические положения вчерашнего дня, а смело двигать вперед теорию марксизма-ленинизма представляют собой выдающиеся качества нашего великого учителя и вождя»<sup>260</sup>.

Развитие концепции сохранения и усиления государства в ходе коммунистического строительства требовало уточнения его роли и функций. В этом смысле государственная власть определялась в качестве основного рычага в создании нового общества, важнейшим условием утверждения новых отношений. При этом особо выделялась хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность советского государства. Эти две сторо-

ны государственного функционирования рассматривались в теснейшей и все более возрастающей взаимосвязи. Как считалось, именно расширение и усложнение этих функций обуславливало возрастание роли государства. С точки зрения хозяйственного аспекта государство объявлялось «той решающей силой, которая способна направлять все развитие советского общества в соответствии с экономическими законами социализма»<sup>261</sup>.

Главным инструментом в осуществлении этой задачи рассматривался государственный план, с помощью которого используется закон стоимости для учета необходимых пропорций в производстве и распределении общественного труда и продукта. Как подчеркивал председатель Госплана СССР Н. Вознесенский, «эта необходимость осуществляется Советским государством, которое определяет и обеспечивает выполнение определенных пропорций в распределении труда и материальных фондов в интересах укрепления социалистического строя и решения задач, поставленных государством для данного периода»<sup>262</sup>.

Значительная роль советского государства признавалась и в дальнейшем укреплении колхозного строя. Считалось, что государство обеспечивает количественный и качественный рост производительных сил, индустриальной техники, используемой в колхозах через МТС. На этой основе происходит дальнейшее развитие социалистического экономического базиса в деревне. Ведь подавляющая часть машин, применяемых в колхозах, принадлежит государству, поэтому процессы механизации и электрификации села означали усиление ведущей роли государственной собственности во всех сферах колхозного производства, а это в свою очередь позволяло говорить об усилении организа-



торской роли государства в развитии колхозной экономики. В укрупнении колхозов, начавшемся в 1951 г., также виделась возможность дальнейшего повышения хозяйственной функции государства в отношении более эффективного использования трудовых ресурсов, земли и орудий производства<sup>263</sup>. Такое же значение придавалось культурно-воспитательной деятельности госорганов. Научные издания того периода следующим образом раскрывают эту функцию: «Только Советское государство, как подлинно народное государство, оказалось способным решать совершенно новую, несвойственную государствам старого типа задачу политического воспитания народа. Оно подняло на небывалую высоту сознательность и понимание общегосударственных интересов, оно воспитало в народах СССР чувство уважения друг к другу, чувство взаимопонимания, чувство любви к социалистической Отчизне, заботы о судьбах Родины»<sup>264</sup>.

Анализируя приведенный материал, можно сделать одно любопытное наблюдение. Рассуждения о роли и значении государства в экономическом строительстве, воспитании масс во многом воспроизводят и повторяют задачи партии в тех же самых сферах общественной жизни. Подробное знакомство с научной периодикой послевоенного периода укрепляет это впечатление. На ее страницах значительно реже упоминалось о руководящей и направляющей роли коммунистической партии, а приоритеты были явно смещены в пользу государства как решающей силы, способной направлять все развитие советской державы, силы, нуждающейся в постоянном и всестороннем укреплении. На наш взгляд, в этом состояло сталинское видение властного устройства в целом, где государство в лице возглавляемого им правительства сосредото-

точивало реальные рычаги управления, все оперативное руководство социально-экономической и культурной жизнью и выдвигалось на передовые позиции во властной иерархии. В этом заключалось своеобразие сталинского режима «культы личности», когда неразвитость, а порою и просто отсутствие институтов гражданского общества, фактическое сращивание партийного и государственного аппаратов делало нереальным существование иных путей функционирования общественного организма.

Не случайно, что после смерти Сталина его развенчание как классика марксизма-ленинизма происходило на основе критики его учения об усилении роли государства в коммунистическом строительстве. Хрущев вернулся к традиционным марксистским взглядам, прогнозировавшим постепенное уменьшение значения государственной власти в общественной жизни. На этой теоретической базе в конце 50 — начале 60-х годов в СССР состоялся масштабный эксперимент по частичной передаче функций госвласти различным общественным организациям. Тогда в этом виделся стратегический путь восхождения к коммунизму. При всей непродуманности, поспешности, а порою и наивности этих процессов положительным здесь следует признать изменение отношения к общественным организациям, их статусу и роли в жизни страны. Сам факт появления в СССР на рубеже 50 — 60-х годов всевозможных и многочисленных общественных организаций и объединений имел позитивное значение в плане формирования первых ростков гражданского общества.

Другим важнейшим компонентом сталинской концепции коммунистического строительства являлось развертывание борьбы с пережитками капиталистического прошлого. Утверждение новых

коммунистических отношений напрямую зависело от вытеснения идеологических представлений и морали «старого мира» из общественного сознания. После ликвидации эксплуататорских классов борьба с пережитками прошлого возводилась в ранг основной задачи советского государства. Например, научные консультанты главного теоретического органа партии — журнала «Большевик» — в ответах на письма читателей следующим образом разъясняли суть данного вопроса: исчезла ли совсем классовая борьба в нашем обществе с уничтожением эксплуататорских классов и групп, с возникновением новых движущих сил общественного развития? Нет, не исчезла. Она приняла лишь другие формы. В настоящее время важнейшей формой проявления этой классовой борьбы является огромная и разносторонняя работа нашей коммунистической партии по преодолению живучих пережитков капитализма в навыках, привычках, быту и сознании советских людей. Эти пережитки — главный тормоз для продвижения вперед. Поэтому именно сюда направляет партия свой удар. Борьба против пережитков в сознании людей, борьба с проникающими в нашу страну буржуазными идеями, преодоление антинаучных взглядов на природу предрассудков, старых привычек, борьба против индивидуализма и эгоизма — все это является борьбой за окончательное преодоление отставания сознания советских граждан, за дальнейший подъем каждого человека до уровня научного социализма, до уровня большевистской партии<sup>265</sup>.

Серьезной брешью в идеологической работе властей по решению этой задачи в послевоенный период стало участие большого количества простых граждан в освободительном походе против

фашизма по странам Европы. Впервые оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу Советского Союза. Данное обстоятельство хорошо понимали власти, рассматривая их как основу, где могли формироваться протестные процессы. Так, Секретариат ЦК на заседании 27 мая 1946 г. рассмотрел вопрос «О политической работе среди демобилизуемых из Вооруженных Сил СССР». Выдвигалось требование особого внимания к воинам, местные партийные и советские органы были обязаны организовывать им по прибытии домой торжественные встречи, обеспечивать их жилплощадью, вовлекать в общественно-политическую жизнь, выделять бесплатную подписку на центральные газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и др.<sup>266</sup> На торжественном заседании по случаю 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции один из лидеров страны В. Молотов подчеркивал важное идеологическое значение этого вопроса: «Наемные буржуазные писаки за рубежом предсказывали во время войны, что советские люди, познакомившись в своих боевых походах с порядками и культурой на Западе и побывав во многих городах и столицах Европы, вернуться домой с желанием установить такие же порядки на Родине. А что вышло? Демобилизованные солдаты и офицеры, вернувшись на Родину, взялись с еще большим жаром укреплять, развивать социалистическое соревнование на фабриках и заводах, встав в передовых рядах советских патриотов»<sup>267</sup>.

Главным оружием партии и государства в борьбе с пережитками прошлого и влиянием буржуазных идей объявлялся советский патриотизм, воз-

веденный в ранг государственной политики Советского Союза. На языке официальной пропаганды тех лет это означало, что воспитание и культивирование чувства патриотизма — не что иное, как беспощадная борьба, прежде всего, против раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной и чуждого советскому народу буржуазного космополитизма. Выдвижение на первый план этой темы было не совсем традиционно с точки зрения марксистско-ленинского учения, которое гораздо больше внимания уделяло интернационалистическим мотивам. Как известно, лидеры большевистской партии начала 20-х годов вообще не рассматривали Россию в качестве локомотива ожидаемой мировой революции, а считали ее лишь плацдармом для установления коммунистической власти в развитых странах Западной Европы и в первую очередь в Германии. Сталинская доктрина строилась на иных подходах, с акцентом на советский патриотизм, на новый тип советского человека, находящегося на более высокой ступени развития, одухотворенного высокими идеалами большевизма. «Последний советский гражданин, — указывал Сталин, — свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»<sup>268</sup>.

Вне всякого сомнения, усилению патриотических акцентов во многом способствовала Великая Отечественная война, потребовавшая мобилизации всех нравственных и духовных сил народов Советского Союза. Однако принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине и строительство коммунизма. Это была крупная идеологическая находка. Подчерки-

вая величие русского народа и его истории, общественному сознанию внушалась мысль, что только у такой действительно великой нации мог появиться ленинизм<sup>269</sup>. Развернутая аргументация этого тезиса сопровождалась любопытными высказываниями. Вот один из многочисленных примеров: «Впервые в истории пролетариат обрел настоящее Отечество. Впервые широкие народные массы увидели в государстве не орудие своих классовых противников, а орган власти народа, взявшего свою судьбу в собственные руки. В этих условиях и возник советский социалистический патриотизм как новое явление, принципиально более высокое, чем патриотизм, проявляющийся на предшествующих ступенях развития общества. В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественно-политическому строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину»<sup>270</sup>. Таким образом, получалось, что патриотом мог считаться только тот, кто разделял коммунистические идеалы и политику советского государства. Все находящееся за этими четко обозначенными рамками объявлялось вражескими происками, граничащими с предательством и изменой Родине.

Новое пропагандистское изобретение — советский патриотизм — стало той сердцевиной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет. На одном из совещаний в ЦК ВКП(б) Жданов подчеркнул государственную важность задач в этой области: «Если взялись за пятилетку хозяйственную, давайте возьмемся за идеологическую и вытянем ее. Что, сил не хватит? Хватит. Есть преемственность, есть великая преемственность великолепных традиций...»<sup>271</sup> Надо признать, что на это

сил хватало. В эти годы не было такой сферы человеческой деятельности, которая бы могла развиваться без оглядки на сталинские ориентиры охранительного патриотизма. Особенно зримо это затронуло литературу и искусство. Хорошо известна целая серия идеологических постановлений ЦК ВКП(б) второй половины 40-х годов: «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по их улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере Мурадели «Великая дружба» и др. Они дали сигнал к публичной травле многих выдающихся деятелей культуры: А. Ахматовой, М. Зощенко, Э. Казакевича, Ю. Германа, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Д. Шостаковича, С. Эйзенштейна и др.<sup>272</sup>

Проводником идеологии советского патриотизма в литературе являлась теория социалистического реализма. Концентрированно ее суть сформулировал А. Фадеев в своем выступлении на Всесоюзном совещании молодых писателей в марте 1947 г.: показать нашего советского человека, как особого человека среди человечества, как носителя новой человеческой морали, показать его передовые, ведущие качества. Для достижения этого известный советский писатель требовал повернуть как молодых, так и крупных писателей к предприятиям, к колхозной деревне, к рядовой интеллигенции, ссылаясь на личный пример: «...для меня само слово завод звучало как музыка... рабочая обстановка, сами запахи волновали меня. Я смотрел, как ловко управляют рабочие с орудиями труда, завидовал им. Ведь в этом есть величайшая поэзия, это величественные вещи»<sup>273</sup>. В качестве комментария к фадеевской мысли хочется заметить, что вряд ли его своеобразное отношение к производству могло искренне разделяться всеми без исключения совет-

скими писателями и литераторами, но это, однако, никак не снижало качество их творчества.

Говоря о внедрении концепции советского патриотизма в литературу, необходимо отметить и другой важный момент — особое положение русской национальной литературы, которая определялась главенствующей среди литературного творчества всех народов Советского Союза. Русская литература рассматривалась как источник, обогащающий писателей других народов. Например, секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Шаяхметов писал в «Правду», что казахские писатели и поэты учились у передовой русской классической и советской литературы, у основоположника социалистического реализма М. Горького, у лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи В. Маяковского и др. По мнению секретаря казахской компартии, еще до революции казахские писатели положили начало учебе у русских коллег. Эта учеба стала замечательной традицией: нет ни одного казахского литератора, на творчество которого не оказывала бы своего влияния дружба с русскими писателями<sup>274</sup>. Наряду с этим подходом велась борьба против любых проявлений национального самоутверждения в литературе. Кремлем пресекались попытки самостоятельного развития национальных литератур вне творчества и влияния русской. Особенно актуальным это было для крупных республик, входивших в состав СССР и России, — Украины, Башкирии и др., которые постоянно находились в поле критики ЦК ВКП(б) за недостаточное следование идеологическим стандартам<sup>275</sup>.

О том, как само руководство страны на практике внедряло принцип советского патриотизма, видно из постановления Секретариата ЦК (май 1946 г.) «О кинокартине «Адмирал Нахимов». Как отмеча-



лось в постановлении, фильм, поставленный режиссером Пудовкиным, содержит серьезные недостатки, снижающие художественную ценность картины. В ней имело место пренебрежение к исторической правде. Сцена Синопского морского сражения, являющегося основной в фильме, не развернута и осталась незавершенной, не воспроизведен исторический факт пленения командующего турецким флотом и его штаба, защита Севастополя изображена схематично и недостаточно убедительно. ЦК поручил ввести сцену пленения турецкого адмирала и прикомандированных к нему английских офицеров, приведя при этом слова Нахимова о необходимости мира и дружбы между Россией и Турцией. Показать гуманное обращение российских военных с пленными турками и мирным населением г. Синоп. Дать более яркую и величественную картину возвращения победоносной эскадры в Севастополь. Включить дополнительный эпизод захвата в плен матросом Кошкой английского офицера, уже ранее отпущенного Нахимовым при Синопе в числе английских инструкторов турецкого флота. На переделку картины отводилось 4 месяца<sup>276</sup>. Такова была внутренняя «кухня» советского патриотизма. Однако любопытно другое: заинтересованность и щепетильность в отношении идейной выдержанности партии сочетались с невниманием и даже безразличием к материально-техническому состоянию студии «Мосфильм», основного производителя лент в те годы. Техническая база «Мосфильма» не менялась, не реконструировалась свыше четверти века, еще со времен немого кино, хронически недоставало метража кинолент<sup>277</sup>.

Функционирование сталинской концепции советского патриотизма с его бескомпромиссной

борьбой против западничества и иностранщины приводило к уродливым явлениям в повседневной жизни людей. Среди них можно назвать решение властей о запрещении браков с иностранцами, пытающееся перекрыть каналы общения с западным миром. Под это нелепое и совершенно необъяснимое для цивилизованного человека решение подводилась соответствующая идеологическая база. К примеру, 15 и 18 июня 1948 г. «Правда» опубликовала письма Н. Макушиной и Н. Головановой, которые, выйдя замуж за граждан Великобритании, решили вернуться на Родину, не вынеся «тягот и лишений заграничной жизни». В частности, Н. Макушина так объясняла свой поступок: «Я не могла дальше выносить все это и решила забрать сына и уехать из Англии. И для меня, и для мужа это расставание было очень тяжелым, но я была счастлива, что возвращаюсь на Родину, а мужу оставалось радоваться только тому, что сын его будет жить в стране, которая дает ему возможность получить образование и жить без хорошо знакомой его отцу тревоги за завтрашний день»<sup>278</sup>. Редакция газеты «Правда» получила более 500 откликов на эти откровения, преисполненных в основном верноподданническими мотивами и требованиями оградить людей от попадания в буржуазное рабство<sup>279</sup>. На основе подобных просьб общественности Президиум Верховного Совета СССР принимал решение запретить браки советских граждан с иностранцами.

Поиски врагов — носителей буржуазного космополитизма активно велись внутри страны. Здесь была найдена очень удобная мишень — еврейский народ. Попытки выставить евреев в качестве проводников буржуазной идеологии предпринимались в СССР сразу после окончания войны. К примеру,

руководящие работники Управления кадров ЦК ВКП(б) в своем письме от 7 октября 1946 г. на имя секретаря ЦК Кузнецова сообщали о националистических и религиозных тенденциях в еврейской литературе, пропагандирующей настроение безысходности, скорби и т. д. В записке предлагалось вынести вопрос о положении в советской еврейской литературе на заседание секретариата ЦК. Однако Жданов отклонил предложения рассматривать данную проблему на секретариате, сочтя ее неактуальной<sup>280</sup>.

Отношение к евреям стало меняться к худшему с 1948 г. К этому времени провалились попытки Сталина включить только что созданное государство Израиль в сферу своего влияния. К тому же возникновение самостоятельного национального образования оживило самосознание евреев. Так, в Верховный Совет СССР поступали письма от граждан еврейской национальности с просьбой разрешить выезд в Израиль для борьбы с оружием в руках за защиту еврейского народа<sup>281</sup>.

Атмосфера гонений на евреев лучше всего передана в письмах, поступавших в редакции центральных газет. Вот выдержки из текстов: «Разве не может вызвать возмущение цивилизованного мира то, что на 30-м году существования советской власти у нас закрыты все еврейские школы. Еврейских детей в советских школах обижают, бьют, не дают прохода и обзывают «жидюками». В вузах установлена процентная норма при приеме. Евреям ограничен прием в научных учреждениях и институтах, а в некоторых вообще запрещен» (И. Абрамсон, Ленинград); «В очередях, в трамваях, на базарах все время слышно это шипение и угрозы, что вот пусть только начнется война, как мы покончим со всеми евреями... В очередях эти

разговоры происходят в присутствии милиции, а они на это не обращают внимания»<sup>282</sup>.

Хорошо понимая, к чему может привести подобная атмосфера, отдельные представители творческой интеллигенции стремились остановить этот маховик, набирающий обороты. Такую попытку предпринял И. Эренбург, добившийся публикации в «Правде» своей статьи «По поводу одного письма». В ней, пытаясь отвести угрозу, нависшую над целым народом, он писал: «Мракобесы издавна выдумывали небылицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, непохожими на окружающих их людей. Мракобесы говорили, что евреи живут отдельной, обособленной жизнью, не разделяя радостей и горестей тех народов, среди которых они проживают; мракобесы уверяли, будто евреи — это люди, лишённые чувства родины, вечные перекати-поле; мракобесы клялись, что евреи различных стран объединены между собой какими-то таинственными связями»<sup>283</sup>. Парадокс заключался в том, что Эренбург, взывая к разуму, обращался за защитой к тем, кто, по сути, и являлся главным организатором антисемитского похода конца 40 — начала 50-х годов.

Существенная корректировка официальной идеологической доктрины, предпринятая Сталиным, оказала самое серьёзное влияние на состояние общественных наук в послевоенный период. Им отводилась далеко не последняя роль в утверждении новых идеологических форматов. Отсюда жесткое давление на философские, исторические, экономические дисциплины, с целью приведения их базовой концепции в соответствие с нуждами правящей верхушки. Первой под ударом властей оказалась философия. Для этого была организована дискуссия по учебнику Г. Александрова «Исто-

рия западноевропейской философии», удостоившаяся в 1946 г. присуждения Сталинской премии. Главным действующим лицом здесь стал секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии Жданов, назвавший себя юнгой, «впервые вступившим на палубу философского корабля»<sup>284</sup>. Однако данное обстоятельство ничуть не помешало ему назидать и поучать аудиторию, состоящую из академиков и профессоров. Та часть его выступления, где содержатся высказывания о недооценке русской философии, критикуется чрезмерное увлечение автора различными философскими школами прошлого, сегодня хорошо известна исследователям. Менее освещены идеи, сформулированные Ждановым в качестве образца новейшей философской мысли. Речь идет о его размышлениях относительно источников и движущих сил развития советского общества. Вот как он раскрывал эту важную, актуальную проблему: «Если внутренним содержанием процесса развития, как учит нас диалектика, является борьба противоположностей, борьба между старым и новым... то наша советская философия должна указать, как действует этот закон диалектики в условиях социалистического общества... Вот где широчайшее поле для научного исследования, и это поле никем из наших философов не обработано. А между тем наша партия уже давно нашла и поставила на службу социализму ту особенную форму раскрытия и преодоления противоречий социалистического общества, ту особую форму борьбы между старым и новым, между отживающим и нарождающимся... которая называется критикой и самокритикой»<sup>285</sup>.

Сразу обращает внимание решенность вопроса о движущих силах развития советского общества, причем об этом решении, сделанном партией,

Жданов сообщал ученым, без участия которых на самом деле вряд ли была бы возможна разработка данной непростой проблемы. Жданов выступал практически перед всеми ведущими философами страны того времени и говорил им об уже проделанной партией работе, не уточняя, кто конкретно из научного мира участвовал в ней. Более парадоксальной ситуации придумать сложно. После этого ждановского откровения лучшие научно-философские силы страны должны были вступить на путь обоснования предложенного им вывода, причем это, по сути дела, комментаторство, а не исследовательский поиск, находилось под строгим и неусыпным контролем.

По существу же самого вывода о критике и самокритике как движущей силы развития советского общества напрашивается следующая мысль: перед нами не что иное, как попытка ухода от реальных проблем функционирования общества, где существовала одна форма собственности, одна политическая сила, один вождь. Данная конструкция могла обеспечивать только консервацию всей жизни, никак не способствуя его модернизационным задачам. Развитие критики и самокритики в условиях безальтернативности выборных механизмов, однопартийной системы без каких-либо реальных признаков коллегиальности можно квалифицировать как действия, инспирированные в угоду правящему режиму. То же самое можно сказать и о других источниках развития советского общества: морально-политическом единстве народа и советском патриотизме.

Состоявшаяся в мае 1947 г. дискуссия по учебнику Г. Александрова задала определенные оценочные параметры всей научно-философской деятельности. Власти жестко отслеживали появляющуюся

научную продукцию, сверяя ее содержание с ориентирами официальной идеологии. Это можно проиллюстрировать на примере критического разбора в «Правде» третьего номера журнала «Вопросы философии» за 1949 г. Кратко отметив некоторые улучшения, как-то разнообразие публикаций, актуальность тематики многих статей, «Правда» перешла к своему главному делу — критике и оценкам. Статья все того же Г. Александрова «Космополитизм — идеология империалистической буржуазии» вызвала негативную реакцию, потому как «чрезмерно много места уделяется разной дряни вроде мертворожденных писаний реакционных буржуазных профессоров, от которых за версту несет трупным смрадом»<sup>286</sup>. Трудно сказать, считал ли главный пропагандистский рупор страны подобную тональность приемлемой для научных дискуссий, но Александрову адресовался упрек в бесстрастности повествования о космополитизме. Видимо, острая форма изложения, образец которой мы только что привели, уже сама по себе расценивалась как весомый научный аргумент. Статья В. Логинова «О переходной форме производственных отношений» признавалась ошибочной, так как в ней фигура мелкого собственника рассматривалась слишком идеализированно, а следовательно, метафизически, без учета конкретных социально-экономических форм общества. Поэтому вывод о жизнеспособности мелкого хозяйства, сделанный ученым, перечеркивался и отбрасывался<sup>287</sup>.

Не меньшее давление оказывалось и на историческую науку. Перед ней ставились конкретные задачи по реализации доктрины советского патриотизма в историческом контексте с акцентом на возвеличивание прошлого русского народа, его традиций. Одной из несущих конструкций доктри-

ны стала разработка проблем образования централизованного русского государства. Данная тематика нашла широкое отображение на страницах научных изданий. Так, в 1945—1946 гг. журнал «Вопросы истории» провел обширную дискуссию о различных аспектах создания единой русской державы. В ходе ее были высказаны различные точки зрения, отмечалась недостаточная разработанность этих вопросов. В качестве основного вывода предлагалась мысль о неправомерности разбивать образование централизованного государства на два этапа, как это делалось историками довоенного периода: сначала национальное государство, а затем — многонациональное. Как считалось, более правильным будет говорить о едином процессе, тем самым подчеркивая ведущую роль русского народа<sup>288</sup>. В этом смысле вся дискуссия о формировании русского государства преследовала главную цель — демонстрацию превосходства русской истории над остальной, подчеркивание более высокого уровня развития русского государства по сравнению со странами Европы.

О том, насколько сильно продавливались именно такие подходы, убедительно свидетельствует следующий пример. «Вопросы истории» в апреле 1947 г. опубликовали рецензию профессора М. Тихомирова на книгу Д. Лихачева «Москва и культурное развитие русского народа» (М., 1946). Рецензент высказывал несогласие с автором по поводу непомерного возвеличивания русской культуры того периода: «Очень неприятное впечатление производит постоянное стремление автора противопоставить русское искусство западноевропейскому.. Уместно ли здесь ограниченное национальное самодовольство? Неужели любовь к родному обязательно должна связываться с охаиванием чужого? Пусть автор



хотя бы на минуту сопоставит богатые города средневековой Италии, хотя бы Флоренцию, с Москвой XIV—XV веков, чтобы не настаивать на превосходстве московской культуры над флорентийской в эту эпоху. Нужно ли для национального сознания такого великого народа, как русский, подкрашивание в розовый цвет его прошлого?»<sup>289</sup>. Однако уже через пять месяцев позиции Тихомирова по этим вопросам кардинально изменились. В тех же «Вопросах истории» он пропагандирует иную точку зрения, говоря об удивлении образованных иностранцев, «внезапно увидевших на востоке Европы большое государство со своеобразной вековой культурой». Теперь ученый придерживался мнения о передовой московской архитектурной школе, оставившей далеко позади итальянцев во главе с А. Фиораванти, который сам попал под влияние русских художественных традиций<sup>290</sup>. Нетрудно догадаться, под чьим давлением ученый был вынужден менять свои уже обнародованные взгляды.

Во второй половине 40-х годов практически все историческое полотно русской истории служило своеобразным подкреплением концепции советского патриотизма. По мнению властей, его корни должны подпитываться ярким российским прошлым, что выстраивало и обеспечивало своего рода преемственность великих дел и свершений русского народа как тогда, так и сегодня. Причем научно-историческая мысль была обязана реализовывать эту задачу безотносительно того или иного периода отечественной истории. Так, ученые занимались исследованием происхождения термина «Великая Русь», составляя обзоры древних иностранных источников, сообщающих, а главное признающих величие Древней Руси. Подчеркивалось, что этот правильный термин выпал из поля зрения

современной буржуазной науки. Много говорилось о фигуре Петра I, о его роли в укреплении русского государства, создании промышленности и армии, которая являлась образцом для европейских стран. Вообще тема армии и ее побед занимала особо почетное место в исторической науке послевоенного периода. Значительное внимание уделялось личности и взглядам Чернышевского, далеко от восторженного отношения к Западу и прогнозирувавшему разочарование тем, кто считал Западную Европу «земным раем»<sup>291</sup>.

Но власти считали все это недостаточным, требуя усиления борьбы с космополитизмом, большей приверженности доктрине советского патриотизма. Именно эту цель преследовали регулярные разносы, устраиваемые ЦК ВКП(б) историческим институтам, изданиям, ученым. В начале 1949 г. буквальному разгрому подверглась школа, возглавляемая известными историками И. Минцем и И. Разгоном. Как отмечалось, они нанесли серьезный вред делу разработки истории советского общества. За 18 лет работы их коллектив выпустил только два тома «Истории гражданской войны», чем сорвал выполнение задания партии. Не меньший ущерб они нанесли, не подготовив и не выпустив в свет учебник по истории СССР советского периода, чем осложнили и затормозили выращивание кадров молодых историков<sup>292</sup>. Серьезной критике подверглись и специалисты, занимающиеся зарубежной историей нового и новейшего времени. От них требовалось решительно покончить с антинаучным способом изучения зарубежной истории, т. е. в отрыве от прошлого России и СССР. Ученые обязывались считать своей кровной задачей исследование огромного влияния передовой русской культуры, литературы, науки на дру-

гие страны и народы. Долг историков состоял в раскрытии многообразия этого влияния на общественную мысль в Европе, Америке, Азии<sup>293</sup>.

Среди общественных наук руководство партии и государства особое значение уделяло политэкономии. Предметом исследования данной отрасли являлось функционирование народного хозяйства страны, от чего напрямую зависело все состояние общественного организма. Тем не менее разработанность вопросов социалистической экономики в послевоенный период надо признать крайне слабой. Фактически были нарушены традиции научной преемственности, уничтожены экономические школы, действовавшие в 20 — 30-х годах, репрессированы их создатели и лидеры. Все это серьезно ослабило кадры экономистов, в особенности тех, кто специализировался на изучении экономических проблем социализма. Многие работы отличались низким профессиональным уровнем, а порой и просто безграмотностью и надуманностью. В этом смысле характерен пример одной из диссертаций, представленной к защите в Институте экономики АН СССР. Она содержала конкретное описание высшей фазы коммунизма, развивая идею огосударствления колхозов. По мнению автора, эти процессы должны начаться почему-то со Свердловской области, а затем распространиться на всю территорию страны. Автор точно по годам и районам планировал эти действия, причем пытаясь во всех деталях изобразить будущую коммунистическую деревню, где каждая семья будет иметь свой дом с садом, а необходимые продукты будут доставляться по специальным трубопроводам и т. д.<sup>294</sup> Ценность подобных «научных» изысканий очевидна и в комментариях не нуждается.

Осознавая недостаточно высокий уровень эконо-

номической науки в стране, ЦК ВКП(б) принял решение активизировать эту отрасль общественно-го знания. В конце 1951 г. в Центральном Комитете прошла дискуссия по проекту учебника политэкономии, где участвовали около 240 ученых, половине из которых было предоставлено слово в ходе 21 пленарного заседания<sup>295</sup>. Вряд ли будет преувеличением сказать: дискуссия выглядела неординарным событием не только в отечественной научной жизни, но и в деятельности партии. По существу, это была одна из первых попыток разобраться в закономерностях того социального строя, который создавался в стране уже более 30 лет<sup>296</sup>. Однако окончательные итоги дискуссии не вдохновили ее организаторов. В письме Сталину (22 декабря 1951 г.) секретари ЦК Маленков и Сулов докладывали: «В ходе дискуссии по проекту учебника политэкономии выяснилось неблагополучие в экономической науке. Это прежде всего выражается в отсутствии серьезных научных трудов и низком теоретическом уровне публикуемых экономических исследований. Советскими экономистами слабо разрабатываются важнейшие проблемы советской экономики и экономики стран народной демократии. Недопустимо отстает теоретическая разработка вопросов... общего кризиса капитализма и кризиса колониальной системы»<sup>297</sup>.

Поскольку обращаться за решением перечисленных вопросов было просто не к кому, так как все лучшие научные силы задействовались в дискуссии, то фактически данное обращение к Сталину можно рассматривать, как предложение высказаться, оказать помощь и тем самым внести ясность в эти проблемы. Слово вождя вскоре прозвучало: накануне XIX съезда партии в свет вышла одна из самых фундаментальных его работ — «Экономические пробле-

мы социализма в СССР». Здесь излагался целый ряд теоретических новшеств. Сталин положил конец спорам о том, что все же можно считать основным экономическим законом социализма. Оставив в стороне рассуждения о законах стоимости, планировании народного хозяйства, он дал четкую формулировку сути социалистического способа производства: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»<sup>298</sup>. Данная формулировка сразу стала хрестоматийной и присутствовала во всех учебниках и литературе по политэкономии вплоть до конца 80-х годов.

Как известно, в своем труде Сталин прояснял также пути построения коммунизма в одной отдельно взятой стране. В этом он прочно опирался на ряд казавшихся ему незыблемыми теоретических положений, и, прежде всего, на вывод 20-х годов о возможности социалистического строительства в отдельном государстве. Вытекавшая из него задача быстрого преодоления технико-экономической отсталости СССР не могла быть выполнена посредством присущего капитализму принципа экономической целесообразности, что объективно уменьшало сферу возможного применения товарно-денежных отношений. В том же самом ключе подошел Сталин и к вопросам строительства коммунизма, т. е. ограничения товарно-денежных отношений, уменьшения значимости личной собственности и т. д. Например, очень перспективным представлялось ему стремление некоторых крестьян освободиться от «оков домашнего хозяйства, передать скот в колхозы, чтобы получать мясные и молочные продукты от колхоза... Это лишь отдель-

ные факты, ростки будущего»<sup>299</sup>. Сегодня хорошо известна цена этих пророчеств вождя. Между тем руководство партии и государства находились в их плену не одно десятилетие, в принципе не сумев или не желая отказаться от них, несмотря на развенчание культа личности Сталина в хрущевские времена.

Слово Сталина рассматривалось как окончательное решение той или иной проблемы. На это была настроена вся система общественных дисциплин, все восприятие обществоведческой мысли. В условиях господства одной марксистско-ленинской теории и отсутствия реальной конкуренции исследовательских школ, вынужденных следовать трафаретам учения, такая ситуация была неизбежной и объективной. Однако вопросы функционирования системы, достижения сугубо прагматических целей требовали от Сталина адаптации марксистско-ленинских взглядов к задачам текущего момента. В этом смысле у него существовало два пути: отказаться от учения, что не выглядело оправданным, или встать в ряды классиков марксизма-ленинизма, заполучив монопольное право на развитие и толкование положений теории научного коммунизма. Это было необходимо еще и потому, что провозглашение доктрины советского патриотизма — патриотизма нового типа, — возвеличивание всего русского, требовало собственного и непогрешимого ориентира с которым сверялась бы вся политическая деятельность. Таким ориентиром и был Сталин.

Встав вровень с Марксом, Энгельсом и Лениным, Сталин неплохо освоился с этой высокой ролью. Сегодня мы имеем немало свидетельств о его не слишком почтительном отношении к классикам, которое он открыто демонстрировал в послевоенные годы. Например, в своем ответе на пись-

мо профессора Е. Разина Сталин заявил об отсутствии у Ленина компетенции в военных вопросах<sup>300</sup>. Чего, видимо, о нем после победы в Великой Отечественной войне сказать было невозможно. По воспоминаниям одного из югославских лидеров М. Джиласа, на одной из встреч Сталин говорил о Марксе и Энгельсе: «Да, они, без сомнения, основоположники. Но и у них есть недостатки. Не следует забывать, что на Маркса и Энгельса слишком сильно влияла немецкая классическая философия — в особенности Кант и Гегель»<sup>301</sup>. А вот еще одно любопытное замечание вождя, сделанное им в ходе экономической дискуссии 1951 г.: «В учебнике использована схема Энгельса о дикости и варварстве. Это абсолютно ничего не дает. Чепуха какая-то! Энгельс здесь не хотел расходиться с Морганом, который тогда приближался к материализму. Но это дело Энгельса. А мы тут при чем? Скажут, что мы плохие марксисты, если не по Энгельсу излагаем вопрос? Ничего подобного!»<sup>302</sup>

Сталин действовал без оглядки на марксистско-ленинские каноны не только в решении вопросов теоретического характера, но и в практических действиях. Яркое свидетельство тому — формирование в те же годы более терпимого отношения к царской России, воспроизведение многих внешних атрибутов ее власти, реабилитация некоторых общественных институтов дореволюционных времен. Такой поворот, немыслимый при старой большевистской гвардии, испытывавшей стойкую ненависть к царизму, обусловлен общим сталинским курсом на усиление державности в политике. Обращение к прошлому страны служило хорошим подкреплением и подспорьем в утверждении данной стратегической линии. После своего осеннего отпуска 1945 г. Сталин предпринял неординарный шаг по переиме-

нованию народных комиссариатов в министерства, как это было до революции. Обосновывая это новшество, вождь говорил на мартовском (1946 г.) Пленуме ЦК ВКП(б): «Народный комиссар или вообще комиссар — отражает период неустоявшегося строя, период гражданской войны, период революционной ломки и пр. Этот период прошел. Война показала, что наш общественный строй очень крепко сидит.. Уместно перейти от названия народный комиссар к названию министр. Это народ поймет хорошо, потому что комиссаров чертова гибель. Пугается народ. Бог его знает, кто выше, кругом комиссары, а тут министр, народ поймет. В этом отношении это целесообразно»<sup>303</sup>.

Явно из практики дореволюционной армии был задействован такой орган, как «суды чести». Решение об их введении в министерствах и центральных ведомствах принято в марте 1947 г.<sup>304</sup> На эти общественные образования возлагалось рассмотрение антипатриотических, антиобщественных поступков, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств и центральных ведомств. «Суды чести» являлись фактически инструментом давления на государственный аппарат с целью поддержания лояльности официальному идеологическому курсу.

Обращение к опыту дореволюционных времен было далеко не единичным случаем. Необходимо отметить, что такие действия зачастую вызывали удивление, непонимание актива, неподготовленного к подобным поворотам и привыкшего к совсем иному отношению к царской России. Вот один из таких эпизодов, происшедший на совещании по вопросам идеологической работы среди студенчества в ЦК ВЛКСМ (6—7 октября 1947 г.). Один из выступавших поделился своими взглядами на со-



стояние идеологической борьбы: «Борьба против низкопоклонства перед буржуазной наукой должна быть борьбой и против поклонения перед русской буржуазной наукой, перед дворянской культурой». На что последовала реплика лидера советского комсомола Н. Михайлова: «Если мы начнем бороться против русской дворянской культуры, мы тут дров не наломаем?» Оратор пояснил: «Я хочу напомнить, что дворянство, развращенное до мозга костей влиянием французской буржуазной культуры, изменило русскому народу, изменило России и изменило русской науке, загнало ее в подполье». После этого выступления Михайлов дал следующие разъяснения: «...Последний оплот империализма и первый враг Советского Союза — реакционные силы Америки и против них огонь из всех орудий! Милюков тоже не ахти подходящая для нас фигура, но я думаю, что сейчас не это главное»<sup>305</sup>. Трудно представить подобное в штабе комсомола в эпоху 20-х годов.

Но, пожалуй, самым удивительным зигзагом сталинской политики в послевоенный период стало изменение отношения к русской православной церкви. Прекращались гонения и притеснения, ей предоставлялась определенная свобода деятельности. Начало этого курса относится к годам Великой Отечественной войны. 4 сентября 1943 г. состоялась историческая встреча Сталина и Молотова с патриаршим Местоблюстителем Сергием и митрополитом Алексием, где был обсужден весь пласт проблем во взаимоотношениях церкви и государства, накопившийся за долгий период, и принято решение о возрождении института патриаршества. Потепление к церкви со стороны руководства режима во многом объяснялось той большой положительной ролью, которую сыграла РПЦ в осво-

бодительной войне против фашистской Германии. Хорошо известна ее деятельность по мобилизации духовных и нравственных сил людей на борьбу с фашизмом, проповедовавшим расовую ненависть. Слово духовенства в защиту Родины имело определяющее значение для миллионов и миллионов людей. Значителен был и материальный вклад церкви. За годы войны ею организован масштабный сбор средств для укрепления мощи советской армии. В общей сложности было собрано около 200 млн руб., направленных на строительство самолетов, танков и т. д. Например, духовенством и верующими Свердловской епархии сдано в фонд обороны страны более 3,6 млн руб., во всецерковный фонд помощи семьям бойцов армии — около одного миллиона руб.<sup>306</sup>

Осознавая значимость русской православной церкви в общественной жизни, Сталин начал рассматривать ее в качестве необходимого инструмента в осуществлении своих планов как внутри, так и вовне страны. Диалог между церковью и государством нарастал стремительно. Кульминацией признания роли и авторитета РПЦ стало проведение 31 января — 2 февраля в Москве Поместного собора для решения неотложных задач церковной жизни: принятия «Положения о русской православной церкви», избрания Патриарха всея Руси (патриарх Сергей скончался в 1944 г.). Без преувеличения можно сказать, что это было одно из самых масштабных и значимых мероприятий церковной истории за все годы существования советской власти. Поместный собор явился крупным событием не только во внутренней жизни Советского Союза, но и на международной арене. В его работе участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходного духовенства, а также де-

легации семи автокефальных церквей (не считая русской), которые впервые одновременно собрались в Москве, причем три церкви (александрийская, антиохийская, грузинская) были представлены непосредственно своими главами. Неудивительно, что такой состав присутствующих дал возможность проводить параллели со Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий.

Идея единения вокруг православной веры, русской церкви всего советского общества, да и не только его, явилась одной из центральных на московском Поместном соборе. Вот как подавалась его атмосфера официальной церковной печатью: «Плотной людской стеной окружены заседающие на Соборе. Среди этих посторонних есть и англичане, и американцы, и японцы. Известный русский искусствовед стоит рядом с приходским священником, модная дама рядом с прихожанкой в вязаном теплом платке. Кто-то сказал... одному из распорядителей на Соборе: «Надо бы навести порядок, предложить всем пройти на отведенные места, а то как-то неладно сгрудились». «Ничего, — ответил московский священник, — это Россия»<sup>307</sup>. Дифирамбы церкви адресовали представители советского режима. Так, в выступлении председателя Совета по делам РПЦ Г. Карпова подчеркивалось: «В церквях и монастырях зарождалась письменность и складывались первые летописи о жизни нашей страны, стены церквей и монастырей неоднократно выдерживали орды иноземных завоевателей...»<sup>308</sup> О ходе работы Поместного собора сообщалось в главном пропагандистском рупоре коммунистической партии — газете «Правда»<sup>309</sup>.

Церковь отвечала властям тем же. Высокую оценку на соборе получило «Положение об управлении русской православной церкви», которое

сравнивалось с аналогичными документами времен царской России, внесенными в Думу в 1913 г. Этим сравнением как бы подчеркивалось, что Советское правительство проявляет не меньшую заботу о церкви, чем дореволюционные власти<sup>310</sup>. «Положение об управлении русской православной церкви» действительно имело важное значение для упорядочивания церковной жизни. Высшая ее власть закреплялась за Поместным собором, в промежутках между собраниями которого церковь возглавлялась Патриархом Московским и всея Руси и управлялась совместно со Священным Синодом. В «Положении» четко прописывались полномочия патриарха: обращаться с посланиями по церковным вопросам ко всей РПЦ, вести сношения с представителями других автокефальных православных церквей, награждать титулами и высшими церковными отличиями и т. д. Определялось понятие православной общины — группы верующих не менее 20 человек. Она получала от гражданских властей на основе особого договора в бесплатное пользование храм и церковную утварь. Тем самым церковные организации получали права юридического лица, которого были лишены последние десятилетия<sup>311</sup>.

Особым расположением властей в ходе работы Поместного собора пользовались зарубежные делегации автокефальных церквей. Приехавшие гости были одарены дорогими подарками, взятыми из различных музеев: золотыми крестами с камнями, полными архиерейскими облачениями из золотой парчи, митрами и панагиями с драгоценными камнями, старинными иконами. Судя по описи, выявленной в архиве, все эти дорогостоящие дары были приняты, за исключением митрополита Эмесского Александра, который отказался от панагии с драгоценными камнями и облачения.

Для восточных патриархов и представителей других православных церквей проводилась обширная культурная программа. Они посетили Исторический музей в Москве и его филиал в Коломенском, музей Красной Армии и Останкинский дворец, оставив там восторженные отзывы<sup>312</sup>. По завершении работы Собора все они были приглашены на духовный концерт, состоявшийся 6 февраля 1945 г. в Большом зале Московской консерватории. Здесь в присутствии всего высшего духовенства (около 1,5 тысячи человек) исполнялось различное церковное пение. В начале третьего отделения концерта собравшимся зачитали только что полученный по радио приказ Верховного Главнокомандующего маршала И. Сталина, где сообщалось об очередных победах советской армии. После этого сразу последовало исполнение увертюры П. Чайковского «1812 год», которая начиналась мелодией известного церковного песнопения. Концерт произвел сильное впечатление на высоких зарубежных гостей Собора. Как заявил папа и патриарх Александрийский Христофор: «Сам факт организации в Большом концертном зале духовного концерта говорит за то, что церковь в Советском Союзе имеет полную свободу и сочувствие со стороны Правительства»<sup>313</sup>.

Проведение Поместного собора, избравшего тринадцатого Патриарха всея Руси Алексия I, существенно укрепило взаимоотношения государства и церкви. В этот период правительство принимает немало решений по сохранению, реставрации архитектурных комплексов и памятников, имеющих большое религиозное значение. Как, например, постановление СНК СССР от 8 апреля 1945 г. «О мероприятиях по сохранению и реставрации памятников архитектуры во Владимирской области».

В нем Владимирский облисполком, МВД СССР, Наркомат гражданского строительства РСФСР в течение 1946—1947 гг. обязывались произвести неотложные работы по ремонту наиболее ценных памятников: Дмитриевского собора XII века, собора Княжнина монастыря, палат Суздальского кремля и др. (всего перечислено 68 объектов). Постановлением выделялась необходимая техника и квалифицированная рабочая сила. Чуть позже специальным решением союзного совнаркома г. Суздаль превращался в исторический заповедник, город-музей, охраняющий неповторимые сокровища древней русской архитектуры<sup>314</sup>.

Но все же главным в устоявшемся диалоге РПЦ и государства стала практика открытия многих храмов, тех самых, которые с энтузиазмом закрывали и усиленно уничтожали еще совсем недавно, в предвоенные годы. Эта политика осуществлялась непосредственно сверху. Председатель совета по делам РПЦ предлагал ЦК ВКП(б) окончательное решение об открытии храмов полностью передать в компетенцию возглавляемого им совета, а за местными органами оставить лишь право высказываться по тому или иному ходатайству верующих<sup>315</sup>. Такая процедура разрешения на открытие церковью снимала препятствия местного характера и облегчала проведение в жизнь политического курса высшего руководства страны в отношении РПЦ. О его результатах дают представление следующие данные: по состоянию на 1 января 1947 г. в СССР функционировало 13 813 православных храмов и молитвенных домов, что по сравнению с 1916 г. составляло 28%. В городах действовало 1352 церкви и в рабочих поселках, селах, деревнях — 12 461. Из всего этого количества до 1941 г. существовало 3732 храма, немцами на оккупиро-

ванной территории образовано 7 тысяч церквей, открыто советскими властями в 1944—1946 гг. — 1084, хотя заявлений от верующих на открытие храмов за этот период поступило гораздо больше — 5184, т. е. удовлетворялись далеко не все заявки, а примерно 20% от полученных советом по делам РПЦ<sup>316</sup>. За этими сухими данными статистики скрываются глубокие чаяния и надежды многих миллионов верующих Советского Союза. Надо помнить, что каждое удовлетворенное ходатайство об открытии храма являлось крупным событием в жизни людей. Как, например, в Кировской области, где при открытии одной новой церкви собралось около 15 тысяч жителей из окрестностей в радиусе 90—100 км. Они лично хотели убедиться в факте открытия храма, что отвечало их внутренним устремлениям<sup>317</sup>. Данный случай являлся типичным для многих регионов страны.

Расширение деятельности церкви с особой актуальностью ставило вопрос о необходимом количестве священнослужителей. Ситуацию здесь для РПЦ можно охарактеризовать как кризисную. Многие священники были уничтожены или репрессированы, производить же кадровые пополнения в этой сфере по понятным причинам долгие годы не представлялось возможным. В результате в послевоенный период для обслуживания действующих церквей имелось лишь 9617 священников и дьяконов, что составляло только 8,1% по отношению к 1916 г.<sup>318</sup> Очевидно: решение этой серьезной задачи требовало безотлагательного восстановления в стране системы духовного образования. Это произошло с 1946/47 учебного года. Все имеющиеся в ведении Московской патриархии богословские курсы, училища, школы переименовывались в духовные семинарии, т. е. им возвращались прежние дореволюци-

онные названия. Совет по делам РПЦ согласился с образованием духовных семинарий в Москве, Ленинграде, Киеве, Саратовской, Львовской, Одесской, Минской, Луцкой областях и Ставропольском крае с четырехгодичным сроком обучения. Кроме этого, формировалась и система духовных академий (в Москве, Ленинграде, Киеве)<sup>319</sup>. Таким образом, в послевоенный период в стране фактически была воссоздана система духовного образования, которая практически в неизменном виде просуществовала вплоть до конца 80-х годов. Все это способствовало началу восстановления церкви как важного института, имевшего авторитет и влияние в обществе. Данные тенденции явственно ощущались в послевоенные годы. В речи епископа Гермогена перед учащимися духовной семинарии и академии в начале 1948/49 учебного года ставился вопрос: «Не возникает ли в вашем сознании представление о ее былом величии и значении не только для церкви, но и для всего Российского государства?»<sup>320</sup>

Нужно заметить, что такой вопрос возникал не только у епископа Гермогена и его подопечных, но и в сознании партийного аппарата, выразившего все большую озабоченность деятельностью русской православной церкви. На собраниях и активах областных партийных организаций в различных регионах страны все чаще звучали слова обеспокоенности создавшимся положением. Так, на партконференции Великолужского обкома (1948 г.) с тревогой констатировалось оживление религиозных настроений, роста случаев крещения новорожденных и детей школьного возраста, обряды венчания производились повсеместно, даже среди некоторых партийных и комсомольских работников. На Закарпатской областной конференции ВКП(б) в 1948 г. один из активистов прямо заявил: «Мы не боремся с религией, а защищаемся от нее. Эта



наша защита привела к тому, что слово попа стало более авторитетным, чем прежде»<sup>321</sup>. На семинарах сети политпросвещения Кировской области пропагандисты требовали следующих разъяснений: «Из какой необходимости исходило правительство при разрешении вопроса об открытии церквей, а также об учреждении в нашей стране духовных учебных заведений?», «Является ли до некоторой степени ошибкой политика государства в первые годы его существования в вопросе закрытия церквей и монастырей, если в период войны снова было разрешено их открыть?»<sup>322</sup> и др.

Однако недовольство партийного аппарата не являлось определяющим для Сталина в выработке взаимоотношений в русской православной церкви. Концепция державности как основы его послевоенного политического курса отводила РПЦ определенную роль. Вождь делал ставку на международные связи православия, пытался эксплуатировать возможности русской церкви в своих интересах. Именно этим фактором объясняется подчеркнуто благожелательное отношение властей к зарубежным гостям Поместного собора 1945 г. РПЦ была включена в сталинскую конструкцию противостояния СССР и Запада, воздвигнутую сразу после завершения Великой Отечественной войны. Ее антиподом определялся Ватикан и поддерживающие его прозападные силы. На протяжении всех послевоенных лет критика католического центра в Риме составляла основополагающую сторону функционирования РПЦ. Ватикан изображался исключительно как организация, оказывавшая услуги американской дипломатии и вознаграждавшаяся за это «пакетами акций от крупных американских компаний»<sup>323</sup>. Православная же церковь, вдвое уступавшая католической по численности верующих и во много раз по богатству своих

материальных ресурсов, по своей внутренней устроенности и по просветительско-миссионерской деятельности, рассматривалась как незапятнанная себя никакими интригами, сохранившая православие от каких-либо новых догматов.

В русле противостояния двух церквей следовала политика Сталина по укреплению Московской патриархии как религиозного центра православного мира. Данная политика основывалась на следующем историческом выводе: «С отступлением Рима от православия и падением Константинополя, с порабощением православного Востока турками, центром и оплотом Православия становится Москва, столица православного русского государства»<sup>324</sup>. Попытки утверждения новой роли русской церкви на международной арене начали осуществляться сразу после помпезного проведения Поместного собора. Внешнеполитические приоритеты деятельности РПЦ были согласованы и утверждены на встрече Сталина с патриархом Алексием, состоявшейся 10 апреля 1945 г. В течение 1945—1946 гг. Московская патриархия направила свои делегации в 17 стран Европы, Ближнего Востока и представительные делегации 13 государств приняла у себя. Только за 1945 г. под юрисдикцию русской церкви из числа архиереев, находящихся за границей и не признававших ранее Московскую патриархию, перешли три митрополита, 17 архиепископов и епископов. Государство снабжало РПЦ значительными суммами в валюте для передачи главам зарубежных автокефальных церквей<sup>325</sup>. Все эти действия преследовали одну конкретную цель — созыв в Москве Вселенского собора, не собиравшегося несколько столетий, для решения вопроса о присвоении Московской патриархии титула Вселенской. Его планировалось провести в 1948 г. в ходе торжеств, посвященных 500-летию

автокефалии русской православной церкви. Однако этим планам не суждено было сбыться. Не многие главы церквей выразили желание участвовать в деле, вдохновляемом советскими властями<sup>326</sup>.

Ровные отношения между церковью и государством сохранялись вплоть до смерти Сталина. Власть продолжала использовать (хотя и с меньшей эффективностью) налаженный инструмент в своей внешнеполитической деятельности. Перемены по отношению к РПЦ произошли только во второй половине 50-х годов, когда новое руководство сменило ориентиры прежней политики. Диалог с церковью оказался не нужным, его вновь сменил жесткий курс на гонения и притеснения.

Период 1945—1953 гг. характеризовался и формированием вещей, ставших неотъемлемой частью советского образа жизни в последующее время. Речь идет о создании в послевоенные годы массовой системы партийно-политического просвещения, просуществовавшей вплоть до конца 80-х годов. Именно в послевоенный период был заложен каркас массовой пропаганды и агитации среди коммунистов и населения, выстроена четкая работа в этом направлении. Система партийно-политического просвещения являлась своего рода инструментом, с помощью которого трансформировалась и тиражировалась в массы официальная политика властей. Конструирование механизмов этой системы началось буквально сразу после окончания Великой Отечественной войны. На это имелись веские причины, и в первую очередь бурный рост численности ВКП(б), прошедший в ходе войны. На 1 января 1946 г. партийные ряды насчитывали 4599 тыс. членов и 1427 тыс. кандидатов в члены партии, т. е. всего 6026 тыс. коммунистов, причем 2/3 из них составляли вступившие в партию на фронте<sup>327</sup>. Такого бурного роста коммунистиче-

ской партии ранее не наблюдалось. Однако здесь имелись и свои отрицательные моменты. У большинства из потока вступивших отсутствовали сколько-нибудь серьезные образовательная подготовка и знания. Достаточно сказать, что из всего количества членов и кандидатов в члены ВКП(б) различные высшие учебные заведения закончили только 450 тыс. человек, или всего около 8%, а 1 млн 350 тыс. (22%) имели среднее образование, остальная же, подавляющая часть ограничивалась лишь начальными классами<sup>328</sup>. Такая ситуация вызывала серьезную озабоченность в ЦК ВКП(б). На одном из совещаний в Центральном Комитете начальник управления пропаганды и агитации Г. Александров прямо указывал на политическую неподготовленность и безграмотность 70—80% коммунистов<sup>329</sup>.

На ниву политического просвещения направлялись мощные отряды идеологических работников и пропагандистов. Их характеристика изложена в воспоминаниях Д. Шепилова: «Принципов и убеждений у них не было никаких, поэтому они с готовностью прославляли любого, кого им предписывалось прославлять в данное время, и предавали анафеме также любого, на кого им указывалось. Такой набор и расстановка кадров как нельзя лучше соответствовали сталинской подозрительности ко всем старым ленинским идеологическим кадрам и сталинской линии на широкую замену их послушными людьми, готовыми изобретать и внедрять любые концепции истории партии, гражданской войны, социалистического строительства»<sup>330</sup>.

В 1946—1953 гг. был создан фундамент системы партийного просвещения. Именно по этому архитектурному плану строились и воздвигались новые этажи советского идеологического здания вплоть до конца 80-х годов. В результате всеми формами

политического обучения охватывался практически весь списочный состав ВКП(б). На той же Украине в систему было вовлечено 94,6% республиканской партийной организации, в Молдавии, где идеологической работой заведовал будущий лидер партии К. Черненко, — 92,3% членов компартии<sup>331</sup>. То же самое происходило и в ВЛКСМ, где были образованы свыше 237 тыс. политкружков, в которых занимались более четырех миллионов комсомольцев<sup>332</sup>.

Несмотря на астрономические цифры охваченных всеми формами политпросвещения, уровень занятий оставался невысоким, само преподавание велось во многом формально, значительная часть слушателей просто игнорировала учебу, не посещала ее, не выполняла требований преподавателей. «Правда» постоянно предостерегала от методов, «при которых на первый план выдвигались статистические сведения об «охвате» учебой, о посещаемости занятий, кружков и школ, и отодвигались на второй план главные вопросы — теоретический уровень занятий, идейная направленность этих занятий...»<sup>333</sup> Тем не менее о слабом и упрощенном освещении различных вопросов теории и истории большевистской партии говорят многочисленные свидетельства. К примеру, в Черновицкой областной газете (Украинская ССР) в помощь пропагандистам была опубликована статья «Краткий курс истории ВКП(б) — научная история большевизма», где утверждалось, что в «Кратком курсе» еще задолго до начала войны с Германией и Японией «начертан смелый план разгрома фашистских агрессоров и теперь этот план с честью выполнен советским народом, его Красной Армией»<sup>334</sup>.

Отсутствие интереса к изучению общественно-политических дисциплин особенно зримо прослеживалось у молодого поколения. Свое формальное,

а порой пренебрежительное отношение к изучению основ научного коммунизма молодежь мотивировала ненужностью данных знаний в их профессиональной и повседневной деятельности. Как отмечалось в ЦК ВЛКСМ, наибольшее количество недостатков в изучении общественных наук существовало в вузах, готовящих кадры работников искусства — театра, музыки, кинематографии: «Здесь еще больше гнилых рассуждений о том, что марксизм-ленинизм — «второсортная» наука. Некоторые студенты Московского художественного института пытаются утверждать, что все великие художники прошлого не знали марксизма-ленинизма. Все посредственные художники сейчас его знают, и потому для того, чтобы быть большим художником, не обязательно нужно знать марксистско-ленинскую теорию»<sup>335</sup>. Подавляющее большинство молодежи не увлекались чтением советских газет и журналов. Так, из опроса 49 студентов Киевского педагогического института выявлялась такая картина: регулярно читали газеты лишь 7 человек, нерегулярно — 13, а совершенно не читали 29. В Свердловском сельскохозяйственном институте из двух тысяч учащихся прессу выписывали только 100 человек, в Свердловском медицинском институте из 2200 студентов и 300 преподавателей газеты получали 120. Из 36 опрошенных комсомольцев Московского института востоковедения передовиц газеты «Правда» не смотрел никто. В свете этих фактов уже не очень большое удивление вызывает такой эпизод: в Ленинградском государственном университете студентка IV курса биологического факультета, член ВЛКСМ Лукьянова не могла ответить на вопрос, кто является Председателем Совета Министров СССР<sup>336</sup>. Заметим, что речь здесь идет о студенчестве, которое всегда являлось продвинутой частью общества. В этом смысле нетруд-

но представить ситуацию в других общественных слоях и возрастных категориях.

Создание в лице системы партийно-политического просвещения разветвленной и мощной пропагандистской машины не решало всех проблем идеологического воздействия на массы, не достигая нужных властям результатов. Несмотря на постоянное действие сильного идеологического прессы, недовольство реальной жизнью накапливалось, что не было секретом для власти. В ЦК ВКП(б) постоянно поступали сигналы с мест о негативных высказываниях и настроениях в отношении советской власти и существующего строя. Например, в г. Струнино (Владимирская обл.) на одном из партсобраний прозвучала следующая мысль: «Мы видим собственными глазами, что в нашей стране построено много заводов и фабрик. Все это верно, но мы, старики, что от этого получили? Что нам дала Конституция? 250 г хлеба и больше ничего». В Ленинградской области на выборах в Верховный Совет РСФСР на некоторых бюллетенях сделаны надписи: «Долой принудительный труд», «Да здравствует свобода слова и печати», «Долой крепостное право коммунистов». В Молдавской ССР агитаторов спрашивали: «Когда у нас будет много хлеба, жиров, сахара и других продуктов?», «Когда народ будут кормить досыта?»<sup>337</sup> и т. д. Развивать эти темы, отвечая на заданные вопросы, официальной пропаганде было неудобно и трудно. Поэтому полемика большей частью ограничивалась штампами типа: «Жить еще нелегко. Но советские люди знают, что наши трудности носят временный характер, что они, безусловно, преодолимы и что высокие большевистские темпы хозяйственного строительства являются залогом быстреешего преодоления трудностей».

## Глава 4

# КОНФИГУРАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЛАСТИ

Политика большого террора 1937—1938 гг. привела к практически полному уничтожению правящей элиты Советского Союза. Репрессиям были подвергнуты партийно-государственные кадры, высший состав военного командования, хозяйственные руководители. Масштабы трагедии, происшедшей в конце 30-х, еще долго будут оставаться предметом изучения со стороны специалистов по истории советского общества. Для нашего же исследования важно другое: оборотной стороной репрессивной политики, проводимой Сталиным, стало выдвигание и появление на вершине партийно-государственной иерархии новой плеяды руководителей. Это молодое поколение в силу своего возраста не имело непосредственно революционных заслуг, не принимало активного участия в военных событиях 1917—1920 гг. Главной его чертой являлась полная и безоговорочная преданность Сталину, которому они были обязаны своим внезапным и стремительным возвышением.

Перед началом Великой Отечественной войны в высших органах власти страны — Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркомом — появляется ряд выдвинутых Сталина — А. Жданов, Л. Берия, Г. Маленков, Н. Вознесенский. Именно они занимают ве-



душие позиции в окружении вождя. Жданову и Маленкову поручалось руководство партийным аппаратом и кадрами, при этом их постоянно привлекали к решению различных государственных вопросов. Первым заместителем Сталина в СНК и его заместителем по военным и военно-морским делам стал Вознесенский, потеснивший в правительственной иерархии В. Молотова и А. Микояна. Л. Берия, находясь с 1938 г. на посту наркома внутренних дел, курировал как заместитель Председателя Совнаркома ряд ключевых ведомств — вновь созданный Наркомат государственной безопасности, наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота. Все эти лица стали не только членами Центрального Комитета ВКП(б), избранными XVIII съездом партии, но и кандидатами в Политбюро ЦК (Жданов являлся членом Политбюро с 1939 г.). Очевидно, что за этими кадровыми перестановками среди высшего руководства, срежиссированными Сталиным, просматривалась конкретная цель — оттеснение «старой гвардии» посредством противопоставления ей новых активных выдвиженцев.

В годы Великой Отечественной войны этот сталинский подход получил дальнейшее развитие. «Молодые кадры» заметно укрепились в руководстве страны. Маленков, Вознесенский, Берия вошли в состав чрезвычайного органа власти, действовавшего в военный период, — Государственного Комитета Обороны, где отвечали за жизненно важные направления функционирования экономики в военных условиях. Маленков курировал авиационную промышленность, Вознесенский занимался металлургическим, нефтяным и химическим комплексами, Берия обеспечивал производство воору-

жения и боеприпасов, а с мая 1944 г. сменил Молотова на посту заместителя Председателя ГКО. Главенствующая роль «молодых кадров» в годы войны прослеживается и по журналам посетителей кабинета Сталина за 1941—1945 гг. Весь этот период Маленков, Берия вместе с Молотовым неизменно входили в тройку руководителей, наиболее часто посещавших вождя<sup>338</sup>. В этом смысле важно подчеркнуть, что одним из заметных итогов внутреннего соперничества на вершине власти в те годы стало формирование связки Берия—Маленков. Их союз представлял мощнейшую аппаратную силу, контролирующую многие рычаги государственно-партийного управления в стране и серьезно противостоящую «старой группировке».

Изменения, произошедшие на вершине власти в годы войны, вызвали у Сталина потребность «прощупать» ближайших соратников на предмет их возможных политических планов. Как вспоминал позднее Молотов, «после войны Сталин собрался уходить на пенсию и за столом сказал: «Пусть Вячеслав (Молотов) теперь поработает. Он помоложе». Разговор такой у него был на даче, в узком кругу. Он сказал без всякого тоста»<sup>339</sup>. Характерно, что именно после таких разговоров, по мнению Молотова, более отчетливо проявлялось недоверие Сталина к нему и возрастало доверие к другим членам партийного руководства<sup>340</sup>, игравшим на подозрительности вождя.

Осенью 1945 г. произошли события, до недавнего времени неизвестные даже узкому кругу специалистов-историков. Почти сразу после окончания Второй мировой войны у Сталина случился инсульт, спутавший планы и расчеты многих его ближайших соратников. Решением Политбюро он был в октябре отправлен в отпуск, где пробыл более

двух месяцев. Сохранилась переписка Сталина с членами оставшегося в Москве высшего руководства, проливающая свет на причины многих последующих событий.

Формальным руководителем в отсутствие Сталина остался Молотов. Но никаких принципиальных решений он не мог принять не только без согласования со Сталиным, но и без поддержки Маленкова, Берии и Микояна. Ответственность же за все принимавшиеся этой «четверкой» решения нес именно Молотов. Есть основания полагать, что именно этим и попытались воспользоваться Маленков и Берия с целью дискредитации Молотова в глазах Сталина во время его отсутствия в столице.

Камнем преткновения стали робкие изменения в информационной политике, проведенные с разрешения Молотова. В начале ноября 1945 г. центральная советская печать поместила выдержки из речи У. Черчилля, где он весьма лестно отзывался о вкладе СССР в разгром общего врага и давал высокую оценку Сталину на посту Верховного Главнокомандующего в годы войны. Казалось, это не могло не понравиться вождю. Однако вышло иначе. 10 ноября Сталин направляет «четверке» телеграмму, в которой подвергает критике ее действия. «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалениями России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР.. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнгов, Бирнсов, и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасны-

ми, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу... Советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня»<sup>341</sup>.

Судя по тональности телеграммы, она еще не предвещала грозы. Правда, за неназванными «ответственными работниками» отчетливо просматривалась фигура наркоминдела Молотова. Сталин лишь предупредил о том, что даже в таких мелочах следует советоваться лично с ним. Это понял Молотов, направивший Сталину следующий ответ: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой... Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия»<sup>342</sup>.

Однако ситуация не разрядилась, а, наоборот, продолжала осложняться. К этому времени Молотов совершил еще одну ошибку (возможно, по «подсказке» товарищей по «четверке»). На приеме в НКВД по случаю годовщины Октябрьской революции он внезапно дал согласие западным корреспондентам на снятие цензурных ограничений на отправляемые ими из Москвы корреспонденции (раньше это было невозможно сделать без визы отдела печати НКВД). Правда, он сказал им при этом об ожидаемой «взаимности» в этом вопросе со стороны западных стран. Удивление вызывает другое. Еще 1 ноября Молотов в присущей ему жесткой форме отреагировал на коллективный протест, подписанный западными корреспондентами в Москве. Изменение позиции можно было объяснить либо согласием Сталина, либо мнением «четверки». Однако, судя по последующей реакции Сталина, с ним никто не советовался по этому

довольно важному вопросу. Остается предположить, что Молотов изменил свою позицию в связи с мнением коллег по «четверке».

Последствия снятия цензуры не заставили себя долго ждать. Английские и американские корреспонденты 8 и 9 ноября выдали на Запад свое видение ситуации в Москве. Агентство Рейтер на основе этой информации уже через несколько дней передало следующее сообщение: «Цензура в Советском Союзе ослаблена теперь до такой степени, что она является только формальностью, поскольку корреспонденты освещают события правильно и объективно. Политические обозреватели в Лондоне и Москве склонны связывать это событие с проявившимися в последнее время симптомами готовности Советского Союза поднять «железный занавес», разделяющий Восток и Запад»<sup>343</sup>. В качестве примера такой «открытости» называлось, в частности, увеличение числа советских делегаций на международных конференциях, большая свобода в деятельности политических партий и печати стран Восточной Европы, прозвучавший в эти же дни призыв М. И. Калинина к советской молодежи изучать иностранные государства и т. п.

Данную тему продолжила газета «Дейли геральд», которая 1 декабря 1945 г. сообщала о возможном оставлении Сталиным поста главы советского правительства (напоминаем читателям, что Председателем СНК он стал перед войной, которая теперь закончилась) и возможности назначения на этот пост Молотова. «На сегодняшний день политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова», — подчеркивалось в корреспонденции<sup>344</sup>.

В тот же день в «Нью-Йорк таймс» отмечалось, что «Политбюро отправило Сталина в отпуск через

5 дней после возвращения Молотова из Лондона» и подчеркивала самостоятельный характер принимаемых без Сталина решений высшего руководства СССР<sup>345</sup>.

Еще раньше американская «Чикаго трибюн» отмечала, что «в Москве происходит ожесточенная закулисная борьба за власть между маршалом Жуковым и министром иностранных дел Молотовым, которые пытаются занять диктаторское место Сталина»<sup>346</sup>. Само же состояние здоровья вождя оценивалось с каждым днем во все более мрачных красках. Швейцарская «Базлер нахрихтен» со ссылкой на турецкие дипломатические источники сообщила даже о его смерти. Сам Сталин прочел сводку об этом в тот же день. Интересен заголовок тассовцев на этом сообщении: «Инсинуация турецких мерзавцев в швейцарской газете»<sup>347</sup>.

Не давая никаких комментариев по поводу всей этой волны домыслов, Сталин делал лишь небольшие пометки в тассовской информации, выделяя наиболее интересные с его точки зрения моменты. К примеру, он отметил посланную ему информацию о том, что «в Вашингтоне ожидают официального опровержения сообщения, согласно которому состояние здоровья генералиссимуса Сталина вызывает опасения»<sup>348</sup>. Такая информация, без сомнения, была бы выгодна и самому Сталину. Однако это не соответствовало советской традиции освещения состояния здоровья и личной жизни руководителей и потому подобное сообщение так и не появилось.

Сейчас трудно судить о том, из какого источника западным корреспондентам стало известно об информации, закрытой даже для большинства советских руководителей. Однако более правдоподобной кажется спланированная «утечка» по линии

ведомства Берии. Не случайно и прямое упоминание Молотова как возможного преемника Сталина на посту главы правительства. Расчет был явно на то, чтобы опрокинуть сталинского заместителя и освободить место официального преемника для другого. По линии Берии же Сталину был направлен и обзор зарубежной печати. Не менее важным здесь является и упоминание Г. К. Жукова, авторитет которого, без сомнения, мешал Берии в начавшейся борьбе за власть. Хрущев в своих воспоминаниях позже отмечал, что инициатива начавшихся гонений (и даже предполагавшегося ареста) Жукова принадлежала именно Берии.

Американская печать вначале сообщила о готовящемся до конца года визите Жукова в Вашингтон, а затем — об отсрочке его на неопределенный срок по распоряжению Сталина<sup>349</sup>. Затем появились фамилии Жданова и Булганина, как возможных преемников. Однако фамилии ни Берии, ни Маленкова не упоминались в этой связи ни разу, хотя именно им принадлежали многие рычаги реальной власти в Кремле.

Реакция вождя не заставила долго ждать. 5 декабря 1945 г. он направляет «четверке» гневную телеграмму, в которой пишет: «Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКВД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию «Дейли геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина...»<sup>350</sup> В связи с новой публикацией, теперь в «Нью-Йорк таймс», он потребовал наказать виновных — Молотова или отдел печати НКВД.

В ответ «четверке» ограничилась сообщением о том, что начальник отдела печати НКВД Горохов

снят с работы. О других последствиях вождю не сообщалось. Удовлетворить его это никак не могло. Свою новую телеграмму (от 6 декабря) он адресует уже «тройке» (Маленкову, Микояну, Берии): «Вашу шифровку получил. Считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, т. е. Молотова, с другой стороны... Присылая мне шифровку, Вы рассчитывали должно быть замазать вопрос, дать по щекам стрелочнику Горохову и на этом кончить дело. Но Вы ошиблись так же, как в истории всегда ошибались люди, старавшиеся замазать вопрос и добивавшиеся обычно обратных результатов. До Вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что Молотов не очень дорожит интересами государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем. Эту шифровку я посылаю только Вам троим. Я ее не послал Молотову, так как я не верю в добросовестность некоторых близких ему людей. Я Вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму полностью, но копии ему не передавать»<sup>351</sup>.

Замысел противников Молотова, казалось, удался. «Тройка» пригласила к себе Молотова, не знавшего о содержании нового послания вождя, и зачитала ему письмо. «Преимник» растерялся и испугался. Более того, с него слагались полномочия заместителя Сталина и он лишился его политического доверия, что в прежние годы было предвестием ареста и гибели. В срочной телеграмме на юг, отправленной 7 декабря, Молотов обращается



к Сталину на «ты» и кается: «Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки... Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю, как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни»<sup>352</sup>.

Одновременно свою позицию высказали и члены «тройки»: «Вашу информацию получили. Вызвали Молотова к себе, прочли ему телеграмму полностью. Молотов после некоторого раздумья сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился. Мы со своей стороны сказали Молотову о его ошибках... Может быть, нами не все... доделано, но не может быть и речи о замазывании вопроса с нашей стороны»<sup>353</sup>.

О данном эпизоде Сталин счел нужным упомянуть через некоторое время (апрель 1947 г.) в беседе с деятелем республиканской партии США Г. Стассеном: «В СССР трудно обойтись без цензуры. Всякий раз, когда советское правительство отменяло цензуру, ему приходилось в этом раскаиваться и снова ее вводить... Осенью позапрошлого года цензура в СССР была отменена. Он, И. В. Сталин, был в отпуске, и корреспонденты начали писать о том, что Молотов заставил Сталина уйти в отпуск, а потом они стали писать, что он, И. В. Сталин, вернется и выгонит Молотова. Таким образом, эти корреспонденты изображали Советское правительство в виде, своего рода, зверинца. Конечно, советские люди были возмущены и снова должны были ввести цензуру»<sup>354</sup>.

Следствием этого случая, так взволновавшего Сталина, стало принятие специального постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами». Им предусматривалось изъятие из ведения отдела печати Наркомата иностранных дел контроля за иностранными корпунктами и возложение его на уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн, в помощь которому откомандировывались три сотрудника НКГБ, свободно владеющих иностранными языками. В инструкции о цензорском контроле, прилагаемой к постановлению Политбюро, особо подчеркивалась обязательность изъятия тех мест в сообщениях, где содержались сведения военного или экономического характера, составляющие государственную тайну, а также выпады против Советского Союза, измышления в адрес руководителей страны, извращающие советскую политику и жизнь СССР. Причем цензоры были не обязаны оповещать корреспондентов об изъятии тех или иных мест в их сообщениях. Лишь в случае наложения «вето» на передачу всего текста журналисты получали соответствующее уведомление<sup>355</sup>.

Данный эпизод оказал сильное влияние на Сталина, и выводы из создавшейся ситуации он сделал с дальним прицелом. Они касались не только Молотова (который действительно был подавлен), на что рассчитывали Маленков и Берия. И без того мнительный Сталин лишил своего доверия наряду с ним и всю «четверку».

Как все это отразилось на обстановке в Политбюро?

Через неделю после этой переписки Сталин

возвратился в Москву, а 29 декабря созвал заседание Политбюро. После краткого сообщения Маленкова о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР был рассмотрен целый ряд организационных и кадровых вопросов. На нем, стремясь ослабить роль Молотова во внешнеполитических делах, Сталин предлагает «создать при Политбюро группу руководящих работников примерно 60 человек из состава руководящих работников областей и центральных учреждений для подготовки их в качестве крупных политработников в области внешних сношений»<sup>356</sup>. По существу, эти новые выдвиженцы смогли бы уже через некоторое время занять те места, на которых находились кадры, подобранные Молотовым. Однако не эта часть решения по внешней политике была главной. Основным, как показывает протокол, был пункт о расширении «пятерки» — теперь в ее состав вводился также А. А. Жданов, в срочном порядке отозванный из Союзного контрольного совета по Финляндии, который он возглавлял в Хельсинки с сентября 1944 г.

Не менее значимыми были и другие решения. Члены Политбюро поддержали предложение Сталина «удовлетворить просьбу тов. Берии об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел СССР ввиду перегруженности его другой центральной работой» (последняя часть фразы дописана Сталиным в машинописный текст постановления Политбюро<sup>357</sup>) и назначении на этот пост С. Н. Круглова<sup>358</sup>. В апреле 1946 г. был изменен состав коллегии возглавлявшегося им прежде МВД. Заместителями министра были назначены В. С. Рясной (первый зам., работавший до этого министром МВД Украины), В. В. Чернышов, А. Н. Аполлонов, И. А. Серов, А. П. Завеня-

гин, Б. П. Обручников и С. С. Мамулов. Из всего этого состава близким Берии человеком был лишь Мамулов — бывший начальник его секретариата. В мае 1946 г. Берия был назначен председателем комиссии по передаче дел от смещенного Меркулова новому министру МГБ Абакумову. Итогом этой работы стало принятое опросом членов ЦК 23 августа 1946 г. решение пленума «О т. Меркулове». В нем отмечалось, что «из акта приемки и сдачи дел Министерства Госбезопасности устанавливается, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр Госбезопасности т. Меркулов скрывал от Цека факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств разведывательная работа Министерства оказалась проваленной». В связи с этим Меркулов был переведен из членов в кандидаты в члены ЦК. Эти недостатки были отмечены не Берией, а входившими в состав возглавляемой им комиссии А. А. Кузнецовым и самим Абакумовым. Ответственность за эти недостатки (как и в аналогичном случае с комиссией Маленкова по Шахурину) мог в любое время понести Берия, курировавший в Политбюро эти вопросы.

Вслед за Берией происходит нагнетание обстановки вокруг Маленкова. Его отставка с должности секретаря ЦК готовилась тщательно. Для этой цели было использовано так называемое «дело авиаторов», касающееся выпуска предприятиями Наркомата авиационной промышленности СССР самолетов со значительными дефектами. Архивные документы позволяют проследить ход развития события. Буквально с первых дней 1946 г. начинается давление на наркома авиапромышленности А. Шахурину, тесно связанного с Маленковым, отвеча-

шим в ГКО за производство этого вида вооружений. В январе на Секретариате ЦК был поднят вопрос о личной нескромности наркома, имевшего в своем личном пользовании 8 легковых автомашин. Шахурин обвинялся в серьезном злоупотреблении служебным положением в личных целях. Ему был объявлен выговор с занесением в учетную партийную карточку, а машины передавались в резервный фонд Совнаркома<sup>359</sup>. Через 10 дней атаку на Наркомат авиапрома продолжило уже Политбюро ЦК. Причем обвинения трансформировались из бытовой в профессиональную сферу. От своих должностей были освобождены пятеро заместителей Шахурина, отвечающих за различные производственные циклы. Для дальнейшего изучения этих вопросов создавалась специальная комиссия<sup>360</sup>. Спустя полтора месяца, 4 марта 1946 г., Политбюро вновь вернулось к данной теме. Теперь серьезные претензии были предъявлены к ответственным работникам более высокого ранга. Своих постов лишились руководители отдела ЦК ВКП(б), курировавшие авиацию, Будников и Григорьян, которые, по мнению Политбюро, «несли ответственность за неустройства в Наркомате авиации»<sup>361</sup>.

Нетрудно убедиться, что логика заданного сценария неизбежно вела к Маленкову. Однако внешне это еще никак не проявлялось. Высокий статус Маленкова был подтвержден мартовским (1946 г.) пленумом ЦК ВКП(б), где он в качестве секретаря Центрального Комитета вошел во все руководящие органы, сформированные пленумом: Политбюро, Оргбюро, Секретариат. Именно ему, как главному куратору авиапромышленности, получившему за это звание Героя Социалистического Труда, поручалось разобраться с создавшейся ситуацией. 25 апреля 1946 г. Маленков выступил на собрании ак-

тива работников авиапрома, где признал доказанными факты сдачи дефектной техники. Он охарактеризовал свое присутствие здесь как предупреждение всем собравшимся, предложив «вытравливать каленым железом практику надувательства». В заключении Маленков подчеркнул: «Знайте, что не все вопросы решаются на совещаниях. Не всегда мы будем собираться так, как сейчас, и таким образом решать вопросы... Правительство предупреждает, что дальше терпеть такое положение нельзя»<sup>362</sup>. В каком-то смысле эти слова оказались для Маленкова пророческими. Вскоре после совещания опросом членов ЦК ВКП(б) от 4—6 мая 1946 г. он был лишен поста секретаря ЦК и выведен из состава Секретариата Центрального Комитета партии. Мотивировка его отставки сводилась к следующему: «Установлено, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)»<sup>363</sup>.

11 мая 1946 г. Шахурин был осужден решением военной коллегии Верховного суда СССР, а 18 мая лишен воинского звания и всех правительственных наград (включая звание Героя Социалистического Труда)<sup>364</sup>. Вслед за этим Маленков был направлен в ссылку в Среднюю Азию. Правда, журнал посетителей кабинета Сталина не дает возможности увидеть, когда именно это произошло, и выезжал ли в действительности Маленков за пределы Москвы, так как в числе других членов руководства он продолжал регулярно посещать Сталина и участвовать в выработке внешней и внутрен-

ней политики. Однако протоколы заседаний Секретариата и Оргбюро ЦК позволяют сделать вывод о том, что после 18 мая 1946 г. Маленков не участвует в работе этих органов и появляется на заседании Оргбюро лишь 17 июля 1946 г. Протоколы подписывает Жданов, сменивший его на посту фактического руководителя Секретариата и Оргбюро.

Однако отстранение Берии и Маленкова от высоких постов, которые они занимали еще с довоенных времен, нельзя однозначно квалифицировать как опалу. Ведь Берия продолжал возглавлять Спецкомитет № 1 (атомная проблема), а Маленков 13 мая 1946 г. постановлением СМ СССР назначался председателем Спецкомитета № 2 (производство реактивного вооружения и техники)<sup>365</sup>. Эти структуры обладали чрезвычайными полномочиями по мобилизации любых материальных и людских ресурсов страны и являлись своего рода суперминистерствами — главными «детищами» Сталина в обеспечении его масштабных планов. Поэтому перемещение ближайших сталинских соратников именно на эти важнейшие для вождя участки работы, на наш взгляд, никак не может свидетельствовать о его желании избавиться от них. Скорее, тут следует говорить об ограничении сферы влияния Берии — Маленкова. Понимая, какую огромную власть получают председатели этих комитетов, Сталин не считал возможным по-прежнему оставлять их на ключевых постах министра НКВД и секретаря ЦК ВКП(б). Сохранение такого положения фактически означало бы безраздельное господство в его «хозяйстве» одной группировки, что было не в правилах и традициях вождя.

Ущемление позиций Берии и Маленкова воспринималось ими болезненно, с тревогой. В июне

1953 г. после своего ареста Берия в письме, адресованном Маленкову, вспоминал именно эти запомнившиеся ему послевоенные события: «Почти одновременно освободили тебя из ЦК, а меня из МВД и стали работать в Совнаркоме... Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили тов. Сталина, что он был не прав в отношении нас»<sup>366</sup>. Их тревогу вызывало не только собственное пошатнувшееся положение, но и шаги Сталина по формированию нового центра власти, предпринятые в начале 1946 г. Речь идет о группе руководителей — выходцев из Ленинграда. Их возвышение было частью сталинского плана по созданию действенного противовеса Берии — Маленкову. Действенного в том смысле, что Сталин уже не рассматривал в качестве такого «старую гвардию», все менее ориентировался на нее в проведении реальной политики.

В марте 1946 г. был созван первый после окончания войны Пленум ЦК, где обсуждался целый ряд важных кадровых и организационных вопросов. Прежде всего было принято решение о переименовании наркоматов в министерства. Интересно, что в проекте повестки дня состоявшейся вслед за пленумом сессии Верховного Совета СССР был обозначен как особый пункт повестки дня вопрос «О Премьер-Министре СССР». Однако в последний момент глава правительства стал именоваться Председателем Совета Министров. Был расширен состав Оргбюро. В него теперь входили кроме Маленкова А. А. Кузнецов, Булганин, Михайлов, Мехлис, Патоличев, Андрианов, Александров, Шаталин, Родионов, Сулов. Вскоре заседания стал вести Жданов. Все эти меры лишали Маленкова прежнего положения руководителя Секретариата ЦК.



13 апреля 1946 г. Политбюро утвердило распределение обязанностей между новым составом секретарей ЦК. Маленков отвечал теперь за вопросы руководства работой ЦК компартий союзных республик. Правда, пока еще он председательствовал на Оргбюро. На Жданова возлагалось руководство Управлением пропаганды ЦК и работой партийных и советских организаций в области пропаганды и агитации, а также руководство отделом внешней политики ЦК (что было явным контролем за Молотовым). Кузнецов становился руководителем Управления кадров, а также председательствующим на заседаниях Секретариата ЦК. Он отвечал также за работу обкомов партии областей, входящих в состав РСФСР<sup>367</sup>. Лишь обязанности Попова ограничивались участием в работе Секретариата и Оргбюро ЦК.

Сфера деятельности Жданова заметно расширилась. Он стал практически незаменимым помощником для Сталина. В отличие от других членов «шестерки», он занимался не каким-то узким участком работы, а в течение 1946 г. стал практически первым заместителем Сталина в высшем руководстве. Сталин подчеркивал растущую с каждым днем роль Жданова. 25 февраля 1946 г. новый фаворит был награжден орденом Ленина<sup>368</sup>. Наряду со Сталиным он стал подписывать совместные постановления ЦК и Совета Министров. Круг его обязанностей охватывал внешнеполитические вопросы, идеологию, организационно-партийную работу, кадры и т. п. С ним согласовывались практически все решения, принимавшиеся Политбюро, Секретариатом и Оргбюро ЦК. В таком объеме полномочия имел лишь сам Сталин. Жданов возглавил все мыслимые и немыслимые комиссии и комитеты, в которых были серьезно потеснены

позиции сторонников Маленкова. Как отмечал позже Молотов, «Сталин Жданова больше всех ценил»<sup>369</sup>.

С подачи Жданова Сталин согласился на изменение функций уставных партийных органов — Секретариата и Оргбюро. Этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро 5 мая 1946 г. В решении по нему отмечалось, что «Оргбюро является директивным органом ЦК ВКП(б) по партийной и партийно-организационной работе»<sup>370</sup>. Его главной задачей была объявлена проверка работы местных партийных организаций, а также выработка «руководящих указаний по вопросам партийно-организационной и партийно-воспитательной работы»<sup>371</sup>. Секретариат ЦК (на тот момент возглавлявшийся Маленковым) стал играть подчиненную роль по отношению не только к Политбюро, но и к Оргбюро, где ведущие позиции Жданова уже были закреплены. В решении Политбюро отмечалось, что Секретариат является «постоянно действующим рабочим органом ЦК», а его главной задачей была названа «подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению Политбюро и Оргбюро ЦК»<sup>372</sup>. Более того, было изменено решение Политбюро от 13 апреля 1946 г. о регулярных еженедельных заседаниях Секретариата. В новом решении говорилось, что «в соответствии с изложенным характером работы Секретариат не имеет регулярных заседаний и собирается по мере необходимости» (какой именно и кто ее определяет, в документе не указывалось)<sup>373</sup>. Более того, отмечалось, что теперь Секретариат ЦК «не имеет своего плана работы, а руководствуется планом работы Оргбюро и решениями Политбюро»<sup>374</sup>. Это означало лишение Маленкова всех реальных рычагов управления партийным аппаратом.

Явно «антималенковским» шагом можно считать и снятие с высоких военных постов и исключение из членов ЦК Г. К. Жукова, которого в годы войны чаще других поддерживал Маленков. На это указывал позже Молотов<sup>375</sup>.

На первом же заседании Оргбюро, состоявшемся 18 мая под председательством Жданова, были решены два серьезных политических вопроса: сменено руководство «Правдой» (ее новым главным редактором стал по предложению Жданова П. Н. Пospelов) и принято решение о создании комиссии во главе с А. А. Кузнецовым и Ждановым с целью «разработать вопрос о теоретической подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников»<sup>376</sup>. За внешне безликой формулировкой стояло совсем не безобидное для прежней «четверки» обновление кадров на всех уровнях. Протоколы заседаний Оргбюро и Политбюро в течение всего 1946 г. показывают, что началась массированная кампания замены кадров дипломатических работников, местных партийных руководителей, членов коллегий и управлений силовых структур и т. п.

В октябре 1946 г. Сталин, находясь в очередном отпуске на юге, направил телеграмму членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б). В ней отмечалось: «Опыт показал, что образованная Политбюро ЦК ВКП(б) «шестерка» для разрешения проблем внешнеполитического характера не может ограничиться вопросами внешней политики, а вынуждена в силу вещей заниматься также вопросами внутренней политики. Это особенно подтверждается практикой последних месяцев, когда «шестерке» пришлось заняться вопросами о ценах, о хлебных ресурсах, о продовольственном снабжении населения, о пайках»<sup>377</sup>. Здесь же Сталин под-

верг серьезной критике и последнего из членов прежней «пятерки» — Микояна: «Как выяснилось, тов. Микоян, ведущий наблюдение за министерствами, занятыми этими вопросами, оказался совершенно неподготовленным не только к решению этих вопросов, но даже и к их пониманию и постановке на обсуждение»<sup>378</sup>. Сталин предлагал: «1. Поручить «шестерке» заниматься впредь наряду с вопросами внешнеполитического характера также вопросами внутреннего строительства и внутренней политики; 2. Пополнить состав «шестерки» председателем Госплана тов. Вознесенским и впредь «шестерку» именовать «семеркой»<sup>379</sup>. Ленинградская группа, таким образом, еще более усилилась. Теперь Вознесенский председательствовал на заседаниях Совета Министров СССР<sup>380</sup>. А Кузнецов стал новым куратором органов государственной безопасности и начал чистку «бериевцев» в этих структурах<sup>381</sup>.

В феврале — марте 1947 г. по инициативе Сталина были оформлены решения ЦК: о пополнении состава Политбюро Н. А. Вознесенским; об освобождении Сталина от обязанностей министра вооруженных сил и назначении на эту должность Н. А. Булганина; о создании Уставной комиссии ВКП(б) под председательством А. А. Жданова. Это означало серьезное расширение «руководящей группы» членов Политбюро за счет новых лиц. Важно отметить, что прежние «фавориты» (даже и не входившие в состав Политбюро) оказались устранены с прежних позиций. К примеру, легендарный герой гражданской войны Маршал Советского Союза С. М. Буденный был назначен заместителем министра сельского хозяйства по коневодству<sup>382</sup>. Более того, перераспределялся и круг вопросов, за которые прежде отвечали члены сталинской «пятерки». За вопросы вооруженных сил и безопасности те-

перь наряду с Берией отвечал и Булганин. Вознесенский наряду с Микояном курировал экономические вопросы. Наконец, статус «заместителя по партии» теперь формально был закреплён за Ждановым.

В феврале 1947 г. это предложение Сталина было дополнено решением Пленума ЦК об избрании Вознесенского членом Политбюро. Правда, будучи мастером создания системы сдержек и противовесов, Сталин еще раньше перевел из кандидатов в члены Политбюро Маленкова и Берия.

С этого времени начала набирать силу ленинградская группа в составе Политбюро — Жданов (ставший, по сути, вторым секретарем ЦК), Вознесенский, А. А. Кузнецов (ставший в 1946 г. секретарем ЦК и получивший в ЦК после временного падения Маленкова контроль над кадрами и органами безопасности), А. Н. Косыгин (заместитель Председателя Совета Министров СССР, избранный в 1946 г. кандидатом в члены Политбюро). Эта группа быстро набирала политический вес и вскоре заняла ключевые позиции в партийном и государственном руководстве.

Новая расстановка сил, сложившаяся в руководстве страны после войны, описана и в воспоминаниях Хрущева: «Тогда считалось, что вот тройка молодых — Вознесенский, Кузнецов и Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, т. е. своим первым заместителем, и поручил ему председательствовать на заседаниях Совмина. Косыгин занимался проблемами легкой промышленности и финансов»<sup>383</sup>.

Заняв прочные позиции и получив в свое рас-

поражение многие рычаги партиино-государственного управления, лидеры группы могли оказывать определенное влияние на Сталина, а следовательно, и на выработку конкретного политического курса. В 1946—1949 гг. ленинградской командой предлагались решения крупных вопросов социально-экономического, идеологического характера, затрагивавшие функционирование всего общественного организма и определявшие пути модернизации страны. Одной из главных тем, реализуемых лидерами группы, стал вопрос о соотношениях промышленного производства: группы «А» (средства производства для тяжелой индустрии) и группы «Б» (средства производства для легкой промышленности). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. Как известно, именно группа «А» составляла основу советской экономики, что имело незыблемый характер.

Попытки обсуждения вопроса об изменении пропорций хозяйственного строительства наблюдались в 30-е годы, но война по объективным причинам отодвинула подобные дискуссии на задний план. Поэтому наиболее развернуто идеи смещения акцентов промышленного развития страны были озвучены в первые послевоенные годы. В их формировании главную роль играл заместитель Председателя правительства СССР, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский. После войны курс на развитие производства товаров народного потребления, на повышение материального благосостояния людей имел особую актуальность. Советские люди, устав от постоянного перенапряжения и тягот военного времени, заслужили право на лучшую жизнь. Многие из них стали участниками

европейского освободительного похода против фашистской Германии. Впервые огромное количество советских граждан побывало в Европе, своими глазами они увидели жизнь зарубежных стран и получили возможность самостоятельно, без пропагандистской помощи сравнить жизненные реалии двух систем. К тому же задачи восстановления гигантских разрушений, нанесенных войной народному хозяйству, предполагали и допускали использование иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных методов. Вне всякого сомнения, такой крупный ученый-экономист, каким был Н. Вознесенский, не мог игнорировать практику новой экономической политики 20-х годов, которая помогла преодолеть хозяйственную разруху после гражданской войны. Стремление применить некоторый опыт нэпа в схожих восстановительных условиях представлялось не лишенным смысла. В комплексе все это проясняет возникновение на самом высоком уровне вопроса об изменениях пропорций промышленного развития.

Естественно, в общественной обстановке тех лет любой политический поворот требовал освящения со стороны великого «вождя и учителя». Такое благословение касательно названной темы прозвучало в сталинском предвыборном выступлении 9 февраля 1946 г. Советский лидер признал очень важным повышение материального уровня жизни народа и указал путь достижения этой цели через широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие всех отраслей, имеющих к этому отношение. Данная установка оформлялась несколькими постановлениями правительства СССР за 1946—1948 гг.: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках про-

довольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9.11.1946 г.), «О мероприятиях по ускорению подъема государственной легкой промышленности, производящей предметы широкого потребления» (23.12.1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих поселках» (21.07.1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20.11.1948 г.)<sup>384</sup>. Смысл этих документов сводился к следующим положениям: государство требовало значительного увеличения товарооборота, расширения объемов торговли между городом и деревней, пересмотра роли потребительской кооперации, которая не располагала устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства. Разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления, ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок.

В концептуальном плане эти идеи нес журнал «Плановое хозяйство» (орган Госплана СССР). На его страницах прослеживается стремление пропагандировать в хозяйственной практике категории экономической целесообразности. К примеру, в одной из статей подчеркивалось: «Переход к мирной экономике... требует перестройки планирования и укрепления экономических рычагов организации производства и распределения — денег, цены, кредита, прибыли, премии»<sup>385</sup>. В другой обосновывалась необходимость конкурентных отношений в торговой системе. В связи с чем приветствовалось устранение монопольного положения государственной торговли, развитие здоровой кон-



курении между ней и кооперацией<sup>386</sup>. Обращает на себя внимание частое использование в понятийном аппарате статьи термина «конкуренция», что не совсем традиционно для советских идеологических стандартов тех лет. Такие же мотивы преобладали и в главном пропагандистском рупоре — газете «Правда». В передовой центрального партийного органа от 6 января 1947 г. говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом... а промышленность и сельское хозяйство имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды». Заметим, что эти мысли излагались в 1947 г., в период наибольшего расцвета культа личности Сталина. Еще более примечательно и само название редакционной статьи: «Советская торговля — наше родное большевистское дело».

Страницы центральной, республиканской печати заполнились публикациями о ходе развертывания торговли в разных регионах страны. К примеру, «Правда Украины» рапортовала, что с середины 1946 и 1947 г. в республике открыто около 7 тыс. новых магазинов, ларьков, число пайщиков возросло на 1,5 млн человек. Планировалось открытие еще 15 тыс. торговых точек<sup>387</sup>. Масштабы кооперативной торговли в СССР заметно возрастали: ее розничный оборот в марте 1947 г. увеличился по сравнению с декабрем 1946 г. почти в три раза, а до конца 1947 г. поднялся еще в два раза<sup>388</sup>. За 1947 г. в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс. т мяса, свыше

9 тыс. т жиров, 83 млн литров молока, около 200 тыс. т картофеля, 195 тыс. т овощей, 126 тыс. ящиков яиц и т. д.<sup>389</sup>. Сопровождая многочисленные информационные сообщения о важности развития торговли для населения, «Правда» указывала: «Все мелочи торгового дела должны быть предусмотрены, ибо речь идет не о какой-то временной кампании, не о проведении эпизодической ярмарки, а о торговле всерьез и надолго»<sup>390</sup>.

Меры по расширению товарооборота и оживлению торговли объективно требовали и укрепления денежной системы, отмены карточек на приобретение товаров. В ходе военных действий инфляционные процессы значительно усилились: цены по сравнению с довоенными выросли в 10—15 раз. Денежная реформа декабря 1947 г. была призвана ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, восстановить полноценный рубль и облегчить переход к торговле по единым ценам без карточек. В постановлении правительства СССР и ЦК ВКП(б), посвященном этим вопросам, давалась прямая ссылка на опыт аналогичной реформы 1922 г., когда фактически были созданы новые деньги, оживившие экономику начала 20-х годов<sup>391</sup>. Проведение реформы сказалось на некотором улучшении общей ситуации в товарно-денежной системе. Такие тенденции зафиксированы во многих отчетах местных властей для ЦК ВКП(б)<sup>392</sup>.

Отмене карточной системы и денежной реформе сопутствовала мощная пропагандистская кампания об успехах советской экономики в колхозном хозяйстве, обеспечивавших быстрое преодоление последствий войны. Однако за фасадом этой кампании остался конфискационный характер реформ. Государство фактически сняло с себя всякие

обязательства по гарантированному, карточному снабжению городского населения и рабочих, а новые цены, установленные государством, в большинстве своем были выше коммерческих, утвержденных после войны.

Таким образом, первые послевоенные годы характеризовались попытками формирования политического курса, связанного с коррекцией приоритетов хозяйственного развития в сторону производства товаров народного потребления и попытками укрепления денежной системы. В этой связи мы полностью разделяем вывод российского ученого Р. Пихоя о первых годах послевоенного периода: «Нельзя не отметить, что команда Жданова—Вознесенского смогла добиться и определенных положительных результатов в экономической области, среди которых считаем необходимым отметить прежде всего отмену карточной системы, проведение денежной реформы и вызванное этим некоторое усиление товарно-денежных отношений в стране»<sup>393</sup>. Следует сказать, что только в последнее время исследователи, обращаясь к послевоенному периоду, стали различать и выделять его политические зигзаги, отходя от идеологических (как положительных, так и отрицательных) штампов в отношении многогранного исторического процесса. Недостаточное внимание историков к этим новациям ленинградской группы связаны во многом с тем, что они не утвердились в общественной практике как преобладающие<sup>394</sup>.

Другим масштабным делом ленинградской группы стала разработка проекта новой программы ВКП(б). Ее подготовка была возобновлена после войны и велась в рамках специальной комиссии, созданной в 1947 г. решением Политбюро ЦК, где главенствующую роль играли Жданов и Возне-

сенский. В своей работе комиссия стремилась определить основные задачи развития страны на ближайшие 20—30 лет<sup>395</sup>. В проекте нашли отражение многие идеи, сформированные лидерами ленинградской команды. Отличительной чертой готовившейся программы стала ее социальная ориентированность. Авторы считали необходимым, сохраняя ведущую роль отраслей, производящих средства производства, резко усилить объем и повысить удельный вес в экономике отраслей, производящих предметы потребления. Как показывает знакомство с текстом, социальные аспекты в проекте поданы привлекательно, с размахом. Так, выдвигалась задача до конца ликвидировать жилищную нужду, развернуть в больших масштабах жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье — отдельную квартиру, перейдя со временем к бесплатным коммунальным услугам. Любопытна и еще одна деталь: предлагалось уделить особенное внимание массовому производству автомобилей для населения, имея в виду предоставить каждому гражданину пользование легковым автомобильным транспортом<sup>396</sup>. В этом же контексте звучали идеи бесплатного снабжения населения продуктами питания (хлебом, мясом и др.), а также подготовка к бесплатному обслуживанию граждан «первоклассно поставленными по всем правилам техники и культуры столовыми, прачечными и другими культурно-бытовыми учреждениями»<sup>397</sup>, т. е. к сфере услуг.

Одним из самых примечательных, содержательных моментов проекта программы партии образца 1947 г. являлись идеи о путях развития советского государства. Вот выдержка из этого документа: «Развитие социалистической демократии на осно-

ве завершения построения бесклассового социалистического общества будет все больше превращать пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа. По мере вовлечения в повседневное управление делами государства поголовно всего населения, роста его коммунистической сознательности и культурности, развития социалистической демократии будет вести к все большему отмиранию принудительных форм диктатуры советского народа, все большей замене мер принуждения воздействием общественного мнения, к все большему сужению политических функций государства, к превращению его по преимуществу в орган управления хозяйственной жизнью общества»<sup>398</sup>. Нетрудно заметить, что здесь фактически сформулирована доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Следует напомнить: впоследствии данная тема, наряду с вопросом о «культе личности», составила идеологическую основу «хрущевской оттепели». Однако в конце 40-х годов это положение еще находилось в плотной оболочке традиционных сталинских постулатов — о дальнейшем усилении мощи государства пролетарской диктатуры, неустанном укреплении органов НКВД в деле разоблачения, раскрытия и пресечения подрывной работы классового врага и т. д.<sup>399</sup>

В проекте 1947 г. формулировался и ряд других моментов принципиального характера, предлагаемых ленинградской группой. В частности, речь шла о развертывании демократизации советского строя. В этом плане признавалось необходимым поголовное вовлечение трудящихся в управление государством, в повседневную активную государственную и общественную деятельность на основе неуклонного развития культурного уровня масс и максимального упрощения функций государствен-

ного управления. Предлагалось на практике приступить к соединению производственной работы с участием в управлении государственными делами с переходом на поочередное выполнение всеми трудящимися функций управления. Высказывалась также идея о введении прямого народного законодательства, для чего считалось обязательным:

а) проводить всенародное голосование и принятие решений по большинству важнейших вопросов государственной жизни как общеполитического, хозяйственного порядка, так и по вопросам быта и культурного строительства;

б) широко развернуть законодательную инициативу снизу путем предоставления общественным организациям права вносить в Верховный Совет СССР предложение о новых законопроектах;

в) утвердить право граждан, общественных организаций непосредственно вносить запросы в Верховный Совет по важнейшим вопросам международной и внутренней политики.

Не был обойден вниманием и принцип выборности руководителей. В проекте программы ВКП(б) ставилась задача по мере продвижения к коммунизму осуществлять принцип выборности всех должностных лиц государственного аппарата, изменения в функционировании ряда госорганов в сторону все большего превращения их в учреждения, занимающиеся учетом и контролем общенародного хозяйства. Представлялось важным максимальное развитие самостоятельных добровольных организаций. Обращалось внимание на усиление значимости общественного мнения в коммунистической переделке сознания людей, воспитания на основе социалистической демократии в широких народных массах начала социалистической гражданственности, трудового героизма, красноармей-

ской доблести, поднимая весь народ до уровня знатных людей советской страны<sup>400</sup>.

Однако все эти мысли не стали тогда предметом достояния широкой общественности, оставшись известными лишь узкому кругу правящей элиты. Это произошло из-за того, что в конце 40-х годов так и не состоялся съезд ВКП(б), где должен был быть представлен проект партийной программы. Хотя подготовка к высшему форуму партии велась, о чем определенно свидетельствуют документы. На февральском (1947 г.) пленуме ЦК А. Жданов, докладывая о работе возглавлявшейся им программной комиссии, говорил о решении собрать очередной XIX съезд ВКП(б) в конце 1947 г. или, во всяком случае, в 1948 г. Кроме этого, в целях оживления внутрипартийной жизни он предложил принять упрощенный порядок созыва партийных конференций, проводя их ежегодно с обязательным обновлением по их итогам состава пленума ЦК не менее чем на 1/6<sup>401</sup>.

Как известно, не только съезд, но и готовившаяся XIX Всесоюзная партийная конференция также не состоялась, несмотря на то, что в конце марта 1948 г. Сталину уже был представлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О порядке представительства и порядке выборов на XIX Всесоюзную конференцию ВКП(б)». На конференции в качестве основной темы планировалось рассмотреть вопрос «О мерах подъема животноводства». Проект резолюции конференции с аналогичным названием находится на хранении в Российском государственном архиве социально-политической истории. В нем продолжался разговор, начатый на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, о проблемах сельского хозяйства применительно к другой его отрасли — животноводству. Проект резолюции на-

чинался откровенным признанием об отсталости и кризисе этой отрасли. Затем формулировались конкретные меры решения данной острой проблемы. Среди их привычного набора содержались и некоторые нетрадиционные моменты. В частности, в целях развития кормовой базы для животноводческих ферм допускалось их полное освобождение от государственных заготовок зерна, сена и другой продукции полеводства. Обещалась государственная поддержка кредитом, кормами, пастбищами, поголовья, содержащегося в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих. При этом оговаривались специальные условия для районов страны (Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Украина), где много скота находилось в хозяйствах единоличников<sup>402</sup>, и т. д.

Многие наработки резолюции несостоявшейся конференции затем были использованы в «Трехлетнем плане развития общественного и совхозного продуктивного животноводства (1949—1951 гг.)»<sup>403</sup>. Эта программа, оформленная постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), во многом повторяя проект резолюции, тем не менее имела некоторые отличия. Здесь уже не говорилось о послаблениях в поставках государству зерна и кормов, не предусматривались особые условия для районов, вошедших в СССР после войны, делался больший акцент на моральное стимулирование сельского труда (подробно прописывались правила награждения орденами, медалями, званиями заслуженных работников). Иными словами, «Трехлетний план...» в вопросах осознания проблем села не продвигался вперед, оставаясь на уровне представлений февральского (1947 г.) пленума ЦК. Предлагаемые механизмы функционирования сельского хозяйства не давали эффективности. В результате



сталинский план развития животноводства 1949—1951 гг., оказавшись фактически проваленным, был свернут и предан забвению в ходе следующей массовой кампании по укрупнению колхозов, начавшейся в начале 1950 г.

Приведенные материалы дают представление о практической деятельности ленинградской группы в 1946—1948 гг., путях общественной модернизации, предлагаемых ее лидерами. Однако анализ функционирования этой силы в руководстве партии и государства был бы неполным без учета той обстановки внутреннего соперничества, которая складывалась в этот период. Ущемление позиций Берии—Маленкова привело к усилению их противостояния с появившимися конкурентами в борьбе за власть и влияние на вождя. Для этого они располагали необходимыми возможностями. Они по-прежнему находились в руководстве Совета Министров СССР. Это подтвердили итоги реорганизации правительства, происшедшие в начале февраля 1947 г. В структуре Совмина образовались восемь отраслевых бюро, возглавляемых заместителями председателя СМ. Распределение обязанностей между ними в соответствии с новым построением правительства зафиксировало следующий расклад сил: Бюро по сельскому хозяйству возглавил Маленков, оно курировало 6 министерств и ведомств; Бюро по металлургии и химии закреплялось за Вознесенским, в подчинении которого находилось 7 министерств и ведомств; Бюро по машиностроению — за Сабуровым, только назначенным заместителем Председателя СМ, здесь числилось 11 профильных министерств; Бюро по топливу и электростанциям — Берия (7); Бюро по торговле и легкой промышленности — Косыгин (5); Бюро по пищевой промышленности — Мико-

ян (5); Бюро по транспорту и связи — Каганович (8); Бюро по культуре и здравоохранению — Ворошилов (19 министерств и ведомств)<sup>404</sup>.

Сохранив влияние во власти, тандем Берия—Маленков развернул активную деятельность по дискредитации лидеров недружественной политической силы. Обиженные сталинские фавориты очень скоро нащупали эффективные пути противостояния ленинградцам, выработав действенную аппаратную тактику борьбы с ними. Знаковой вехой в этом стал август 1946 г., когда было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». Данное постановление хорошо знакомо исследователям и вовлечено в научный оборот как документ, прежде всего, характеризующий политику властей по отношению к творческой интеллигенции. Однако значение этого постановления, причем не столько в идеологической сфере, намного серьезнее и глубже. По существу, на основе этого, казалось бы, сугубо идейно-политического решения Центрального Комитета был отработан формат атаки на ленинградскую группу, а точнее, на ленинградскую партийную организацию, выходцы из которой занимали теперь ведущие посты в партии и государстве<sup>405</sup>. В этом же плане ключевой смысл документа видится в следующих строках: «Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов, устранился от руководства ими и предоставил возможность чуждым советской литературе людям, вроде Зощенко и Ахматовой, занять руководящее положение в журналах... Более того, зная отношение партии к Зощенко и его «творчеству», Ленинградский ГК, не имея на то права, утвердил решением от 26 июня 1946 г. новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который был введен Зощенко. Тем

самым Ленинградский ГК допустил грубую политическую ошибку. «Ленинградская правда» допустила ошибку, поместив хвалебную рецензию о творчестве Зоценко... Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) не обеспечило надлежащего контроля за работой ленинградских журналов»<sup>406</sup>. Из всего этого следовал один простой вывод — подопечные Жданову ленинградцы игнорируют центр. Данное заключение было услужливо преподнесено Сталину Маленковым на заседании Оргбюро ЦК 9 августа 1946 г. Обращает на себя внимание и тот факт, что это было единственное заседание Оргбюро за весь послевоенный период, где в списке присутствовавших значился Сталин<sup>407</sup>. Это свидетельствует о том, для кого и каких целей готовился этот на первый взгляд сутобо идеологический вопрос.

Использование ленинградской темы во внутрипартийной борьбе с этого момента становится постоянной. Общеизвестно, что вождь недолюбливал Ленинград, с недоверием относясь к «колыбели революции», где он не занимал ведущих позиций. Нащупав «слабое место», Берия—Маленков с настойчивостью начали эксплуатировать данную тематику, используя для этого имеющиеся у них аппаратные ресурсы. Поэтому не случайно, что многие крупные недостатки в тех или иных сферах работы рассматривались и обобщались именно на материалах Ленинграда, ленинградской партийной организации. Архивные материалы содержат немало подобных свидетельств. Так, например, Ленинград оказался в центре внимания Центрального Комитета при разборе нарушений в ходе проведения денежной реформы. В Комитет партийного контроля поступило заявление коммуниста Трофимова об антигосударственных проступках некоторых руко-

водящих работников Ленинграда и области при проведении реформы. Назначенная по данному сигналу проверка установила, что действительно ряд руководящих лиц, используя служебное положение и нарушив закон, внесли вклады в сберкассы деньгами старого образца после прекращения операций. На 28 декабря 1947 г. по Ленинграду и области с подлогом документов было внесено вкладов на сумму свыше 900 тыс. рублей, но Ленинградский горком отрицал эти факты, заявляя, что ему неизвестно о случаях злоупотреблений со стороны руководящих работников<sup>408</sup>. Вне всякого сомнения, такие нарушения имели повсеместный характер, их без труда можно было обнаружить в любом без исключения регионе страны. Тем не менее развитие получила тема нарушений именно в Ленинграде, что и стало предметом разбирательства со стороны Секретариата ЦК, получив соответствующую огласку во всех структурах аппарата. То же самое можно отнести и к инспирированному сверху постановлению ЦК ВЛКСМ (25 июня 1948 г.) «О недостатках в работе Ленинградской организации ВЛКСМ по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи». Здесь осуждалась слабость идеологической работы в высших учебных заведениях, перечислялись типичные для того времени недостатки в воспитании студенческой молодежи<sup>409</sup>, хотя весь негатив, вскрытый на примере ленинградских институтов, в полном объеме присутствовал в любом другом крупном вузовском центре СССР.

Атака на ленинградскую группу происходила не только по линии дискредитации Ленинграда как их «стартовой площадки» во власть. Под жестким прессингом находилась и конкретная политика, вырабатываемая и реализуемая этой группой. Так,

постоянным нападкам со стороны правоохранительных структур, где было немало сторонников Берии, подвергался курс на развертывание торговли, развитие потребительской кооперации. К примеру, прокуратура РСФСР настойчиво привлекала внимание ЦК ВКП(б) к фактам проникновения спекулянтов в систему торговли, местной промышленности и кооперации. В своих письмах руководство прокуратуры России информировало секретариат ЦК о существовании значительного числа дельцов и спекулянтов, открыто занимающихся частнопредпринимательской деятельностью и обогащающихся за счет государства, кооперации и населения. Как отмечалось, эти лица под вывеской государственной и кооперативной торговли открывают собственные магазины и ларьки, через которые реализуют товары широкого потребления. Местные руководящие работники не реагируют на частнопредпринимательскую деятельность, не выявляют и не устраняют условий для ее возникновения. Наиболее негативным следствием развития советской торговли называлось сращивание ее работников со спекулятивными элементами<sup>410</sup>. После прочтения таких официальных писем создавалось впечатление, что проводимый курс на развертывание торговли и кооперации является крайне опасным для государства, порождающим вал хозяйственных преступлений и подрывающим экономику страны.

Явно не улучшило позиций ленинградской группы предложение по созданию Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР. Эта инициатива излагалась в письме Председателя Совета Министров РСФСР М. Родионова от 27 сентября 1947 г., адресованном Сталину. Учреждение такого специального органа мотивировалось необходимостью предварительно-

го рассмотрения вопросов Российской Федерации, вносимых в союзные инстанции, привлечением большего внимания к использованию местных возможностей для выполнения пятилетнего плана, а также решения различных вопросов хозяйственного и культурного строительства. Не составляет труда понять, насколько удачно этот эпизод развивал тему противопоставления Ленинграда центру. В конечном счете данный мотив, активно разыгрываемый противниками ленинградской группы, стал не последним аргументом, приведшим ее к поражению.

Усилия союза Берии—Маленкова по дискредитации ленинградской группы получили серьезную отдачу летом 1948 г., когда удалось эффективно использовать конфликт между главным «агрономом» страны Т. Лысенко и сыном Жданова — Юрием Ждановым, возглавлявшим с декабря 1947 г. отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК<sup>411</sup>. Молодой и энергичный руководитель отдела атаковал «научное творчество» Лысенко на семинаре лекторов обкомов партии 10 апреля 1948 г., где выступил с докладом «Спорные вопросы современного дарвинизма». Вот некоторые выдержки из выступления Ю. Жданова: «Т. Д. Лысенко напрасно берет на себя роль монополиста мичуринского учения, единственного продолжателя дела Мичурина», «Лысенко — представитель лишь одной ветви в биологической науке, лишь одного направления в школе великого Мичурина. Попытка подавить другие направления, опорочить ученых, работающих другими методами, ничего общего с новаторством не имеет», «Мы скажем нашим биологам, которые воюют сейчас с Трофимом Денисовичем, — смелее в практику, смелее в жизнь»<sup>412</sup>. Прямой вызов сталинскому фавориту в науке не мог остаться без

внимания такого опытного аппаратчика, каковым являлся Маленков. Он начал проработку этого перспективного для него вопроса: доклад Ю. Жданова, полученный им, был изучен самым внимательным образом, о чем свидетельствуют многочисленные пометки, сделанные рукой Маленкова. В мае 1948 г. уже сам Лысенко передал Маленкову собственные замечания по докладу начальника отдела науки аппарата ЦК, которые представляли собой 24 выписки с комментариями и разъяснениями<sup>413</sup>.

Подготовленность Маленкова, сумевшего в своих интересах представить этот конфликт, как известно, оказала влияние на Сталина и стала той критической точкой, за которой последовало охлаждение его отношений со Ждановым-старшим. Подробности данного эпизода, в конечном счете приведшие к смерти А. Жданова, сегодня подробно описаны в литературе. Больше всего удивляет стремительность разрешения конфликта Жданова — Маленкова, стремительность, проявленная Сталиным в удалении первого и возвышении второго. 1 июля 1948 г. Маленков опросом членов ЦК ВКП(б) вновь избирается секретарем ЦК и возвращается в Секретариат (вместе с Пономаренко)<sup>414</sup>, а 6 июля Политбюро принимает решение об отпуске Жданова на два месяца<sup>415</sup>. В журнале приема Сталиным фамилия Жданова значится 12 июля, причем она обведена рамкой красным карандашом, потому что упомянута последний раз<sup>416</sup>. Как известно, А. Жданов не вышел из этого вынужденного отпуска, скончавшись на Валдае 30 августа 1948 г. Его смерть оставила немало неясностей, породила много слухов и догадок.

Вернув позиции, утраченные двумя годами ранее, взяв в руки рычаги управления Центральным

Комитетом ВКП(б), Маленков сразу же приступил к реорганизации аппарата. Через десять дней после его утверждения в должности секретаря ЦК, на Политбюро уже был вынесен вопрос о реорганизации. Ее суть состояла в упразднении громоздких управлений ЦК и замене их отделами, основанными на отраслевом принципе. Были образованы: 1) отдел пропаганды и агитации (300 штатных единиц), 2) отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов (300 шт. ед.), 3) отдел внешних сношений (150 шт. ед.), 4) отдел тяжелой промышленности (80 шт. ед.), 5) отдел легкой промышленности (60 шт. ед.), 6) отдел машиностроения (17 шт. ед.), 7) отдел транспорта (50 шт. ед.), 8) отдел сельского хозяйства (80 шт. ед.), 9) планово-финансовый отдел (43 шт. ед.), 10) отдел административных органов. Основной задачей отделов определялся подбор кадров по соответствующим отраслям и проверка исполнения решений ЦК и правительства. Управление кадров ЦК, которое планировалось укреплять при Жданове, расформировывалось. Этим же решением Политбюро утверждалось и новое распределение обязанностей между секретарями ЦК по руководству отделами: Жданов — отдел пропаганды и агитации, Маленков — отделы партийных, профсоюзных и комсомольских организаций и сельского хозяйства, Сулов — внешних сношений, Кузнецов — машиностроения и административных органов, Пономаренко — транспортный и планово-финансовый отделы<sup>417</sup>.

Уточнялись функции Оргбюро и Секретариата Центрального Комитета ВКП(б). Главной задачей Оргбюро, как директивного органа ЦК, определялась проверка работы партийных организаций, заслушивание отчетов обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик и принятие необходи-



мых мер по улучшению деятельности местных парторганов. Оргбюро рассматривало и утверждало руководящие указания по вопросам организационной и воспитательной работы. Заседания Оргбюро созывались не реже одного раза в неделю. Секретариат ЦК определялся в качестве постоянно действующего рабочего органа ЦК. Его основная функция — подготовка вопросов к рассмотрению на Оргбюро и проверка исполнения решений. Секретариат формировал повестку дня Оргбюро, предварительно рассматривал проекты решений. Он не имел четкого графика заседаний, а собирался по мере необходимости, не располагал своим планом работы, а руководствовался планом Оргбюро и решениями Политбюро ЦК. Следует заметить, что значение Оргбюро и Секретариата ЦК в этот период было особенно важно, так как не собирались пленумы ЦК, практически не функционировало Политбюро<sup>418</sup>. В этих условиях реальная жизнь аппарата сосредоточивалась в этих структурах, а тот, кто занимал в них главенствующую позицию, по существу, контролировал всю многоплановую деятельность Центрального Комитета.

Поэтому не случайно, что именно с реорганизации аппарата Маленков возобновил свою деятельность в качестве секретаря ЦК. Изменение структуры, перетасовка кадров, перераспределение полномочий — все это можно квалифицировать как подготовку к тотальному выдавливанию из руководства страной ленинградской группы, оставшейся без покровительства Жданова. Начало наступления можно отнести к заседанию Оргбюро ЦК от 20 ноября 1948 г., где теперь председательствовал Маленков. На нем был обсужден вопрос «Об улучшении преподавания биологических наук в школах и педагогических учебных заведениях».

Уничтожительной критике подвергалось Министерство просвещения РСФСР, которое возглавлял родной брат Н. Вознесенского — А. Вознесенский. Министерство обвинили в неудовлетворительном преподавании биологических наук, отрыве от передовой мичуринской материалистической биологии, в отсутствии учебных книг о Мичурине и Лысенко. А. Вознесенскому поручили устранить отмеченные недостатки<sup>419</sup>, но возможности, а главное времени ему предоставлено на это не было.

Наступал 1949 год. С самого его начала стало ясно, что судьба ленинградской группы предрешена. Секретарь ЦК Кузнецов 24 января последний раз присутствовал на заседании Оргбюро, а спустя четыре дня был лишен своего поста в связи с назначением руководителем Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б), где пробыл непродолжительное до ареста время. 7 марта Вознесенский был освобожден от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров и председателя Бюро СМ по металлургии и химии, выведен из состава Политбюро и отправлен в отпуск для лечения<sup>420</sup>. Находясь в отпуске, отстраненный от всех дел, он использовал последние месяцы своей жизни для подготовки капитального теоретического исследования «Политическая экономия коммунизма» объемом свыше 800 страниц, так и не вышедшего в свет<sup>421</sup>.

Претензии, адресованные Вознесенскому, касались пропажи документов в вверенном ему Госплане СССР. Как установила проверка, за 1944—1948 гг. исчезло более 200 секретных документов, в том числе 9 из личного секретариата председателя. В числе их: записка о мерах по развитию нефтяной и угольной промышленности в 1947 г., материалы о восстановлении черной металлургии Юга, записка об основных показателях плана

производства цветных металлов в СССР, мероприятия об организации производства радиолокационных станций и т. д. Были и другие, более серьезные обвинения. В решении Политбюро ЦК говорилось, что Госплан допускал необъективный и нечестный подход к вопросам планирования и оценки выполнения планов, занимался подгонкой цифр с целью замазать действительное положение вещей, указывалось на смыкание Госплана с отдельными министерствами и ведомствами для занижения хозяйственных планов<sup>422</sup>.

Расширение «ленинградского дела» коснулось и руководителя московской партийной организации, секретаря ЦК Г. Попова — выдвигенца и союзника поверженной группировки. В декабре 1949 г. он был смещен со своих постов и заменен вызванным из Украины Н. Хрущевым. Причина отставки Попова сводилась к неправильной политике в отношении союзных министерств и министров. Как отмечалось в постановлении, глава столицы пытался командовать ими, подменяя на практике правительство и ЦК. Бюро МК и МГК ВКП(б) в своей работе проявляло антигосударственные действия, требуя от министров подчинения по вопросам, связанным с предприятиями союзного назначения, расположенными в Москве и Московской области, препятствовало их несогласованному с бюро обращению в правительство<sup>423</sup>.

Всего по «ленинградскому делу» арестованы по разным оценкам от 2 до 10 тыс. человек, что дает основание говорить о нем как о самой крупной репрессивной волне среди высшего руководства страны в послевоенный период. Однако следует подчеркнуть, что в то время оно не было предано огласке, в средствах массовой информации о нем ничего не сообщалось. Даже руководящие сотруд-

ники, приближенные к центрам власти, не представляли не только масштабы, но и сам факт происходящего. Например, работник госбезопасности М. Докучаев в своих воспоминаниях пишет: «О „ленинградском деле“ в то время никто ничего не знал. Ходили слухи и разговоры об арестах и расстрелах, высказывались догадки, и только на XX съезде КПСС о нем стало более или менее известно». То же самое подтверждает высокопоставленный генерал МГБ П. Судоплатов, который по секрету узнал об арестах от одной сотрудницы аппарата Маленкова<sup>424</sup>. Любопытна такая деталь: в самый разгар арестов и репрессий ленинградцев «Правда» помещала на своих страницах письма Сталину от трудовых коллективов Ленинграда и области, которые сообщали о патриотических подвигах, клялись вождю в новых трудовых свершениях<sup>425</sup>. Полный информационный вакуум отличает «ленинградское дело» от аналогичных процессов второй половины 30-х годов, когда большая часть общества, настроенная против очередной партии «врагов», требовала немедленной и самой суровой расправы.

Сегодня о «ленинградском деле» написано немало. Со значительной долей достоверности установлен хронологический ряд событий, прояснены многие детали, но при этом меньше сделано в осмыслении причин случившейся трагедии. Многие исследователи в своих объяснениях делают акцент на неприязнь Сталина к Ленинграду, ленинградской парторганизации, где он постоянно еще со времен Зиновьева ощущал настроения оппозиционности своей личной власти, и что именно данную струну сталинской психологии сумел настроить на нужный лад тандем Берии—Маленкова. Конечно, учитывая циничность, коварство последних,

а также патологическую подозрительность вождя, все это представляется объективным и справедливым. И все же снова зададимся вопросом: почему Сталин отрекся от ленинградской группы и вновь сделал своей опорой потесненных ранее фаворитов? По нашему мнению, ответ заключается не только в специфике личных качеств вождя и продуманности интриг Берии и Маленкова. Не нужно забывать, что те же Жданов, Кузнецов, Вознесенский являлись не менее подготовленными людьми для ведения сложных интриг и многоходовых аппаратных комбинаций. Непонятно другое и, пожалуй, самое главное — зачем Сталин, испытывая стойкую ненависть к северной столице, пошел на формирование ленинградской группы, доверив им высшие посты в партийно-государственной иерархии? Получается, что весной 1946 г. его не беспокоили (или он просто не замечал) те возможные проблемы от ленинградских выдвиженцев, которые заставили его спустя всего три года принять решение об их устранении. Зная дальновидность и расчетливость Сталина, вряд ли можно это допустить.

Здесь мы подходим к одному принципиальному моменту: причины разрешения Сталиным конфликта между Берией—Маленковым, с одной стороны, и ленинградской группой — с другой в пользу первых становятся более понятными, если исходить, прежде всего, из характера и сферы деятельности этих двух основных кланов. Вспомним, чем занимались Жданов, Вознесенский, Косыгин — пропагандой и агитацией, культурой, государственным планированием, металлургией, легкой и текстильной промышленностью. Они выступали за смещение приоритетов хозяйственного развития в сторону группы «Б», разрабатывали новую программу партии, готовили XIX съезд, затем XIX Всесо-

юзную партийную конференцию и т. д. Совершенно разные направления работы и дела, зачастую очень далекие друг от друга. Вместе с тем здесь есть и одно обстоятельство, сводящее все выше перечисленное к одному общему знаменателю, — все это сугубо гражданская деятельность, связанная исключительно с гражданской жизнью советского общества. Но у Сталина в послевоенный период существовали иные приоритеты. Он был одержим идеей мирового господства. Поэтому развитие военно-промышленного комплекса как главного условия в этой борьбе становится для планов «вождя всех времен и народов» все более и более жизненной задачей. Хорошо известно, что его правой рукой в этом деле являлся Берия. Именно он курировал комитеты № 1, № 2, № 3 (по созданию атомной бомбы, реактивных ракет, радиолокационных систем), на базе которых затем будут сформированы основные министерства отечественного ВПК. За Берией в эти годы стояли главные действующие организаторы, руководители «оборонки», и он выражал интересы этого «монстра», растущего не по дням, а по часам. Стратегическим союзником Берии по аппарату ЦК и Совмину являлся Маленков. Иными словами, этот тандем в 1948—1949 гг. занимался и обеспечивал то, что тогда более всего отвечало устремлениям и замыслам вождя. Тот, кто отвечал за ВПК, а фактически за инструмент достижения его амбициозных идей, оказался намного нужнее готовивших съезды, конференции, программы. Вот именно на этой основе разворачивались интриги Берии—Маленкова по дискредитации ленинградской группы в глазах Сталина, разыгрывалась карта оппозиционности Ленинграда центру, ненадежность его кадров, но это уже было вторичным.

Падение ленинградской группы существенно изменило расклад сил на вершине партийно-государственной иерархии. В этом смысле можно говорить и о еще одном важном последствии разрешения этого конфликта. Речь идет о начавшемся отстранении «старой гвардии» от реальных властных рычагов. Именно с 1949 г. ветераны Политбюро, на которых все меньше опирался Сталин, все больше оказываются не у дел, на второстепенных ролях. Эти процессы, вызревавшие давно, набрали силу именно в ходе падения ленинградской группы. Здесь важно подчеркнуть, что Молотов, Микоян, Андреев ориентировались на нее, выступая союзниками по многим вопросам. Молотовым было установлено тесное сотрудничество с Вознесенским, который даже замещал его в Совете Министров во время зарубежных командировок. Микоян связывали родственные отношения с Кузнецовым.

Ослабление ленинградской группы сразу же отразилось на позициях «старой гвардии». Особенно заметно это сказалось на положении Молотова как наиболее значимой фигуры ближайшего сталинского окружения, долгожителя Политбюро. Уже к концу 1948 г. между ним и вождем чувствовалось напряжение<sup>426</sup>. Как известно, в этот период был дан ход делу П. Жемчужиной — жены Молотова, которую обвинили в поддержании длительных и близких отношений с еврейскими националистами; подозреваемыми в шпионаже, участии в похоронах Михоэлса, посещении московской синагоги и т. д. 4 марта 1949 г., одновременно с Вознесенским, Молотов освобождается от обязанностей министра иностранных дел<sup>427</sup>, после чего его положение во власти можно квалифицировать как более чем странное. Оставив его в должности заместите-

ля Председателя Совета Министров, Сталин поручил ему заниматься совершенно отличным от внешней политики делом. 6 апреля Политбюро утверждает Молотова председателем Бюро по металлургии и геологии при СМ, но уже в июле его освобождают от этой работы, обязав наблюдать за МИДом, где на посту министра находился Вышинский, абсолютно не нуждавшийся в Молотове. 13 февраля 1953 г. произошло еще одно неожиданное назначение: Молотов возглавил только что сформированное Бюро по транспорту и связи при СМ, которое ведало министерствами путей сообщения, морфлота, речфлота и связи<sup>428</sup>. С июля 1949 г. Молотов все реже значится среди посетителей кремлевского кабинета Сталина<sup>429</sup>.

Оттеснение от властных рычагов других ветеранов в отличие от Молотова, считавшегося вторым человеком после Сталина, происходило более спокойно, без резкостей, однако от этого не стало менее реальным. Микояна освободили от обязанностей министра внешней торговли СССР. Такой сугубо военный человек, как Ворошилов, находился на должности председателя Бюро по культуре и здравоохранению при СМ и, видимо, в качестве компенсации курировал Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Каганович занимал далеко не самый важный пост председателя Госснаба СССР. Председатель Совета по делам колхозов при СМ Андреев вообще практически был забыт Сталиным, который не принимал его с февраля 1947 г., т. е. с момента проведения пленума ЦК ВКП(б) по вопросам сельского хозяйства, где с главным докладом выступал Андреев.

Падение ленинградской группы и ослабление ветеранов открыло дорогу на вершину власти руководителю Компартии Украины Н. Хрущеву. Пос-



ле празднования 70-летнего юбилея Сталина Хрущев утверждается секретарем ЦК ВКП(б) и одновременно секретарем московской парторганизации. Решение Сталина о его переводе в столицу не в последнюю очередь обусловлено стараниями Маленкова, укреплявшего после чистки центральные органы своими людьми. В этом смысле он имел основания считать руководителя Украины своим сторонником. Маленков как секретарь ЦК до мая 1946 г. курировал республиканские организации и не мог не соприкоснуться с Хрущевым. Затем в 1947 г. уже в качестве председателя Бюро по сельскому хозяйству при Совете Министров он тесно контактировал с крупным «знатоком» сельской экономики. Данные утверждения подкрепляются и хрущевскими мемуарами, где содержатся многочисленные свидетельства их взаимоотношений по самым различным вопросам. Хотя хрущевская интерпретация всех этих моментов «задним числом» резко отрицательная: он демонстрирует расположенность к Жданову и Вознесенскому и выражает осуждение деятельности не только Берии, но и Маленкова.

Тем не менее близость Хрущева именно к этой группе подтверждают эпизоды внутрипартийной борьбы тех лет. В частности, конфликт Хрущева и секретаря Курского обкома партии П. Доронина. Последний, пользуясь поддержкой лидеров ленинградской группы, начал активно пропагандировать такую форму организации труда в колхозах, как звено. Для пропаганды своих взглядов Доронину одному из первых предоставлялось слово на февральском (1947 г.) пленуме ЦК, в его распоряжении находились страницы центральной партийной печати<sup>430</sup>. Соперничество Хрущева с Дорониным приобрело острый характер на пленуме ЦК в феврале

1947 г., где украинский лидер, подвергнув критике взгляды курского коллеги, публично вызвал его на соревнование<sup>431</sup>. В содержательном плане суть разногласий заключалась в следующем: Хрущев считал оптимальной формой организации труда на селе бригаду. По его мнению, она как более крупное подразделение лучше состыковывалась с процессами механизации сельского хозяйства. Доронин же был убежден в эффективности звена как более мобильной структуры, позволяющей наиболее полно учитывать принцип заинтересованности, справедливости в оплате труда. В конечном счете конфликт разрешился не на идейной основе. Падение ленинградской группы предопределило поражение Доронина, который лишился своего поста, а утверждение Хрущева секретарем ЦК поставило точку в содержательной части конфликта. В феврале 1950 г. Оргбюро ЦК заслушало вопрос «О работе Курского обкома ВКП(б)», где подчеркнуло неудовлетворительное руководство сельским хозяйством, извращения в вопросах организации колхозного труда. Звучала критика Доронина и сменившего его на посту секретаря обкома Голубева за действия, направленные на ослабление колхозного строя. Среди их покровителей назывался еще функционировавший Андреев, на которого также возлагалась вина за вскрытые недостатки<sup>432</sup>. Разгром Курского обкома ВКП(б) стал первым результатом пребывания Хрущева в Москве в новом качестве.

Говоря о фигуре Хрущева, необходимо заметить, что его деятельность в последние годы сталинского правления по-прежнему остается недостаточно освещенной в литературе. Однако данный вопрос представляется крайне важным с точки зрения выяснения позиций Хрущева в руководстве

страны, определения его политических устремлений как будущего лидера СССР. Выявленные материалы свидетельствуют о неоднозначности политического лица Хрущева, во многом не совпадающего с имиджем будущего архитектора «оттепели». Именно так можно охарактеризовать его инициативу о выселении крестьян из Украинской ССР. В письме к Сталину в январе 1948 г. будущий реформатор излагал наболевшее: «Отдельные паразитические и преступные элементы присосались к колхозам, пользуются льготами, предоставленными колхозникам, но никакого участия в работе колхозов не принимают. Подобные элементы, используя колхозы как ширму, занимаются спекуляцией, воровством, самогоноварением и совершают другие преступления»<sup>433</sup>. К письму прилагался проект постановления (вскоре принятого), где предлагалось предоставить собраниям колхозников право высылки «нежелательных элементов» на срок до 8 лет. Что из этого вышло на практике, хорошо видно из сообщения Генерального прокурора СССР Г. Сазонова секретарю ЦК Кузнецову. В письме приводились факты многочисленных нарушений в применении постановления: выселение лиц пенсионного возраста, семей, в которых были неработающие<sup>434</sup>. Но эти мелочи несколько не смущали автора инициативы. На пленуме ЦК КП(б) Украины (25 мая 1948 г.) Хрущев заявлял: «Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должна все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты... расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму»<sup>435</sup>. Начинание Хру-

щева по выселению крестьянства приобрело всесоюзный размах. Украинский опыт решено использовать для укрепления трудовой дисциплины повсеместно: 2 июня 1948 г. президиум Верховного Совета СССР принял указ, предусматривающий аналогичные действия в масштабах всей страны<sup>436</sup>.

Вообще, в поступках Хрущева в эти годы просматриваются те черты, которые станут неотъемлемыми характеристиками его политической природы в послесталинскую эпоху. Прежде всего речь идет о таких качествах, как поспешность в выдвижении всевозможных инициатив, скоропалительность в решении крупных хозяйственных дел, требующих тщательной проработки. Например, еще находясь на Украине, он организовал почин трудящихся Шполянского района Киевской области по выполнению трехлетнего плана развития животноводства 1949—1951 гг. за один год под девизом «шполянце подчиняют себе время»<sup>437</sup>. Комментарии здесь излишни.

Будучи на работе в Москве, Хрущев выдвинул глобальную идею укрупнения колхозов и создания агрогородов. Ее корни уходили еще в период его работы на Украине, где в Киевской области была предпринята одна из первых попыток создания колхозного города. В конце 1949 г. в селении Леськи прошел торжественный митинг, посвященный закладке такого города. Был установлен обелиск с надписью: «Вместо старых сел — Леськи, Талдыни, Худяки и Ломовате, которые отжили свой век, тут будет сооружен колхозный агрогород им. Сталина»<sup>438</sup>. Увлеченный этой инициативой, Хрущев сформулировал планы создания агрогородов в масштабах всей страны. Свои мысли он изложил в статье, опубликованной «Правдой» 4 марта 1951 г. Они сводились к нецелесообразности существова-

ния мелких колхозов и деревень и необходимости их резкого укрупнения. На практике такие действия означали бы насильственное переселение огромного количества людей в новые искусственно созданные образования, разрушение всей ткани деревенской жизни и в конечном счете физическое уничтожение крестьянства как класса. Непродуманность последствий и авантюристичность этих мер были настолько очевидны, что уже 2 апреля 1951 г. появилось закрытое письмо ЦК ВКП(б), осуждающее хрущевское новаторство. Сам автор направил покаянное письмо Сталину, где признавал ошибочность своих взглядов<sup>439</sup>.

Несмотря на этот промах, позиции Хрущева в руководстве партии в 1950—1953 гг. постепенно укреплялись. Конечно, в начале этого отрезка времени его влияние было несопоставимо с возможностями Берии или того же Маленкова, но сфера его деятельности распространялась и «вширь» и «вглубь», оставаясь, правда, в рамках партийного аппарата. В январе 1951 г. Хрущев, будучи занятым в качестве руководителя московской парторганизации, решением Политбюро получает полномочия по наблюдению за «родным» ЦК КП(б) Украины. Здесь следует отметить, что параллельно происходило укрепление позиций Булганина, на котором никак не отразилось падение ленинградской группы. В феврале 1947 г. он становится заместителем Председателя СМ СССР, примерно через год выносятся предложение о его переводе из состава кандидатов в члены Политбюро. В феврале 1951 г. Булганин утверждается председателем Бюро по военно-промышленным и военным вопросам при СМ, куда вошли крупнейшие организаторы советского ВПК и военачальники — Хруничев, Устинов, Юмашев, Василевский и др. Фактически это означало серьез-

ное ущемление положения Берии впервые после устранения ленинградской группы. К тому же утвержденный Сталиным порядок председательствования на президиуме Совмина предусматривал следующую очередность: Булганин, Берия, Маленков, тогда как ранее, в сентябре 1949 г., порядок очередности был несколько иным — Берия, Булганин, Маленков, а также Каганович и Сабуров<sup>440</sup>. В результате в конфигурации власти в 1951—1953 гг. начал зримо вырисовываться новый дуэт Булганина—Хрущева, которые состояли в хороших личных отношениях еще со времен довоенной работы в Москве (соответственно на постах председателя Моссовета и секретаря парторганизации). Нельзя не заметить, что по своему расположению в партийно-государственной иерархии этот союз во многом напоминал тандем Берии—Маленкова. Булганин становился одним из главных действующих лиц ВПК, Хрущев же приобретал сильные позиции в аппарате Центрального Комитета.

Интересы Берии и Маленкова (хотя он и председательствовал на Оргбюро ЦК) в эти годы концентрировались главным образом в правительстве СССР. Их позиции оставались прочными. Во всяком случае, усиление централизации в работе Совмина никак не отразилось на положении ближайших сталинских фаворитов. 7 апреля 1950 г. образуется Бюро президиума СМ для сосредоточения в нем наиболее важных вопросов социально-экономической жизни. И уже через неделю после этого решения (15. 04. 1950 г.) Маленков входит в состав Бюро<sup>441</sup>. В марте 1951 г. происходит ликвидация отраслевых Бюро Совмина: по топливной промышленности, по сельскому хозяйству и заготовкам, по транспорту и связи, по металлургии и геологии, по культуре. Все их функции переходили

в Бюро президиума СМ, но при этом за Берией по-прежнему оставалось руководство спецкомитетами № 1, № 2, № 3, на что ему обязывалось «отдавать половину своего рабочего времени»<sup>442</sup>.

Направленность интересов Берии и Маленкова на правительство далеко не случайность. Роль Совета Министров СССР в общей системе власти после войны была необычайно высока. Именно здесь сосредоточивалось все реальное и оперативное управление экономикой, хозяйством страны, социальной сферой. В этом состояло сталинское видение властного устройства. Как свидетельствует венгерский лидер послевоенных лет М. Ракоши, Сталин подчеркивал: «Товарищи забывают, что коммунистическая партия, какой бы она ни была популярной, является лишь маленькой частичкой народа. Подавляющее большинство населения, народ, считает своим представительным органом правительство, поскольку оно избрано депутатами, за которых голосовал народ»<sup>443</sup>. Политбюро, как уже говорилось, не отличалось в те годы оперативностью работы, практически не собиралось. Его заменили различного рода совещания, встречи у Сталина тех или иных членов высшего руководства страны. Впоследствии Хрущев с возмущением говорил о второстепенной роли партии в послевоенной властной иерархии, когда практически вся работа партийных комитетов сводилась к поддержке и проведению в жизнь распоряжений Совмина и министерств. Хрущев подчеркивал: «...13 лет съезд партии не собирали, 8 лет пленум не собирали и как могли 20 лет политбюро не собирать? Мы-то, члены политбюро, знаем, как оно работало, нам-то известно. В два часа ночи поднимали и говорили, что вот такие-то вопросы надо решить. Приезжали, нас спрашивали: покушать хотите?»

А какая еда в два часа ночи. Ну поели, теперь расходитесь. Это было заседание политбюро. Вот как было»<sup>444</sup>.

Принятие решения о проведении XIX съезда партии знаменовало собой новый этап в жизни правящей элиты, отличающейся своим внутренним содержанием и своей логикой<sup>445</sup>. В партийно-государственной политике в 1952 г. утверждались и выходили на первый план новые акценты. Они связаны с формированием и повсеместным внедрением в практику цельной концепции развертывания критики и самокритики. Данная тема всегда неизменно присутствовала в официальном лексиконе советской пропаганды, давно став во многом ритуальной, но в преддверии XIX съезда эти вопросы приобрели необычайную остроту, превратившись в самую главную повседневную задачу всей партии и всего общества. Для начала этой широкомасштабной кампании Сталиным была выбрана Компартия Грузии, что уже само по себе не могло не вызвать значительной доли удивления. В ноябре 1951 г. в Грузии прошло разоблачение антипартийной группы Баремия. Как сообщалось, она намеревалась захватить власть в республике и подготовить ликвидацию советского строя, рассчитывая при этом на помощь зарубежных империалистов. Однако ликвидация этой группы еще не ставила точку в данном деле. Политбюро было обеспокоено медленным исправлением ошибок по нейтрализации последствий вражеских действий, сохранением на руководящих постах в грузинской парторганизации сторонников разоблаченной группы.

В силу этих причин Политбюро ЦК считало нужным внести на повестку дня вопрос «О положении дел в компартии Грузии», для чего члены бюро ЦК КП(б) Грузии вызывались в Москву.



Состоявшаяся на заседании дискуссия следующим образом определяла и раскрывала сложившуюся ситуацию: «В Грузии продолжает оставаться неблагополучное положение дел с внутривнутрипартийной демократией. Самокритика в грузинской парторганизации, как и критика снизу со стороны рядовых членов партии, как правило, не практикуется и не пользуется почетом... Более того, в Грузии имеют место факты гонения на людей, вскрывающих недостатки в работе ЦК КП Грузии... господствует обстановка благодушия и парадного благополучия, имеет место упоение хозяйственными успехами и забвение того, что хозяйственные успехи имеют и теневую сторону, влекут за собою некритическое отношение к недостаткам в работе, вносят обывательскую успокоенность и порождают политическую слепоту. Кроме того, ЦК КП Грузии плохо связан с местами, с массами рабочих и крестьян. Руководители ЦК и СМ республики мало бывают в местных организациях, на предприятиях, колхозах, а если и бывают, то проездом. Выяснилось также, что в ЦК КП Грузии, по вине бюро ЦК и прежде всего т. Чарквиани, предано забвению важнейшее указание Ленина о том, что основу организации большевистского руководства составляет правильный подбор кадров и проверка исполнения решений... Выяснилось даже, что ЦК КП Грузии редко созывает пленумы ЦК, плохо организует работу ЦК Грузии, не рассылает членам ЦК протоколов бюро ЦК, вследствие чего члены ЦК оказываются даже неосведомленными о партийных решениях по важнейшим вопросам, что является совершенно ненормальным»<sup>446</sup>.

Мы специально подробно остановились на этом документе, так как здесь фактически в полном объеме сформулирован формат кампании по

развертыванию критики и самокритики, внутрипартийной демократии, которая в мае—октябре 1952 год станет доминантой в жизни всей партии и общества в целом. Концентрированно здесь определены и названы конкретные направления предстоящей широкомасштабной кампании — борьба с зажимом критики, с обстановкой успокоенности, укрепление связей с массами, проверка исполнения. Все эти взаимосвязанные вещи подводились к главной задаче — подбору кадров. Иными словами, речь шла о формировании механизма осуществления кадровой политики, основанной на постоянном и тотальном давлении на партийно-государственный аппарат, когда ответственный работник любого уровня не мог быть застрахован от обвинений и нападков. Важно подчеркнуть и другое: от грузинской парторганизации требовалось то, чего уже давно не наблюдалось в деятельности самих центральных органов, где не созывались пленумы, бездействовало Политбюро ЦК. Не случайно для старта масштабной кампании была выбрана именно грузинская компартия и ее лидер Чарквиани — ближайший соратник Берии, находившийся под его покровительством и считавшийся «неприкасаемым». Решением Политбюро ЦК за все вышеперечисленные недостатки Чарквиани был снят со своего поста, который он принял из рук Берии в конце 1938 г. Тем самым сразу задавалась высокая планка намечаемой кампании, при этом бросалась тень и на могущественного Берию. Лидером грузинской компартии становился его давний недоброжелатель, руководитель Кутаисской организации Мгеладзе<sup>447</sup>.

Апробированная на грузинской почве, кампания по развитию внутрипартийной демократии стартовала по всей стране, трансформируя звучав-

шие ранее ритуальные заклинания о пользе критики и самокритики в реальную политическую силу. Развернутая кампания затронула все без исключения регионы Советского Союза. Об этом со всей определенностью свидетельствуют материалы, публикуемые газетой «Правда». Главный пропагандистский рупор из номера в номер ратовал за принципы демократического централизма, за борьбу с бюрократизмом, необходимость критического отношения к работе. Требовал со всей строгостью наказывать лиц, виновных в зажиме критики и преследующих коммунистов, сигнализирующих о недостатках. И это были не просто слова: многие руководящие работники лишились своих постов в ходе развернувшейся кампании. К примеру, 26 июля 1952 г. Секретариат ЦК принял постановление «О фактах зажима критики в партийной организации Железнодорожного района г. Ростова». За антипартийную деятельность, выразившуюся в преследовании за критику и провокациях в целях обмана партии, руководство районной парторганизации (четыре человека) были исключены из рядов ВКП(б). Прокуратуре СССР поручалось привлечь их к судебной ответственности, а секретарю Ростовского обкома объявлялся строгий выговор<sup>448</sup>. В той же Грузии, откуда кампания брала свое начало, в течение 1952 г. было заменено 427 секретарей горкомов, райкомов, заведующих отделами<sup>449</sup>. Под шквалом критики оказались не только партийные структуры, но и государственные органы: только за август 1952 г. Секретариат ЦК рассмотрел вопрос «О недостатках в деле подбора, расстановки и воспитания кадров» применительно к четырем общесоюзным ведомствам — министерствам вооружений, авиационной промышленности, судостроительной промышленности и связи. Здесь также в полном

объеме воспроизводились обвинения в бюрократическом стиле работы, плохой проверке исполнения решений со стороны руководителей министерств<sup>450</sup>.

С опубликованием проекта нового Устава партии дискуссии о развертывании демократических принципов перешли в русло его обсуждения. С этой целью «Правда» открыла постоянную рубрику, где помещались поступившие отклики на текст Устава. Коммунистами высказывалось немало замечаний, направленных на демократизацию внутрипартийной жизни. Предлагалось сделать открытыми для всех членов партии данного города или района собрания актива, привлекать к ответственности вплоть до исключения из партии за преследование работников печати (т. е. журналистов), не выдвигать секретарями крайкома, обкома, горкома и райкома тех, кто на выборах парткомитетов в ходе собраний или конференций не получил 2/3 голосов<sup>451</sup>. Сильные возражения при обсуждении проекта Устава вызвало изменение названия партии из Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в Коммунистическую партию Советского Союза. Многих не удовлетворила предложенная мотивировка о том, что наименование КПСС является более точным, так как находится в большем соответствии с наименованием государственных органов СССР. В Центральный Комитет поступали письма с резким несогласием против данного положения Устава. Так, Павлов (Москва) писал: «Категорически возражаю против наименования — Коммунистическая партия Советского Союза. Причина: в жизни мы не называли нашу партию полным наименованием... По этой традиции и новое наименование будем называть сокращенно КПСС. Одно звучание эс-эс про-

тивно каждому советскому человеку, как напоминающее о немецкой фашистской организации «СС», а сокращенное КП — на военном языке означает командный пункт»<sup>452</sup>. Были и другие, менее эмоциональные, но более содержательные аргументы, как, например, письмо Владыкина (Удмуртская АССР), где подчеркивалось: «Слово большевик я прошу сохранить из-за того, что оно сразу как-то напоминает об исторических моментах борьбы и работы нашей партии, воодушевляет коммуниста... как-то морально и психологически действует... Кроме всего этого я считаю, что наша коммунистическая партия большевиков есть ведущая партия во всем мире и вот эту ведущую роль чем-то надо оттенить, и мне кажется, вот это-то слово большевик сразу выделяет нашу партию от остальных коммунистических партий мира, к тому же слово большевик имело бы большое значение для молодежи и для вступающих»<sup>453</sup>.

Масштабная кампания по оживлению внутрипартийной жизни достигла своего апогея на XIX съезде КПСС. Буквально все ораторы партийного форума делали основой своих выступлений данную тему. Сменяя один другого, делегаты съезда повторяли как заклинание — развернуть решительную борьбу с теми, кто тормозит развитие критики и самокритики, не право, а обязанность коммуниста сообщать в вышестоящие инстанции о недостатках в работе и т. д. В этом смысле интересные наблюдения сделал Поскребышев: «Критику и самокритику не уважают лишь люди с нечистой совестью, это либо нарушители партийной и государственной дисциплины, либо презренные трусы, либо жалкие обыватели, недостойные носить высокое звание члена партии»<sup>454</sup>.

Удивительно, но факт — самым некритичным

человеком, присутствующим на XIX съезде КПСС, был... сам Сталин. К такому выводу приводит сделанная им накануне съезда правка проекта Отчетного доклада ЦК, озвученного Маленковым. Изучение архивных документов показало, что Сталин, редактируя Отчетный доклад, всячески пытался смягчить в тексте многие места, ослабить некоторые формулировки, снять острые моменты. Вот несколько выдержек из документов (текст дается по проекту доклада Маленкова, в скобках указана правка Сталина)<sup>455</sup>:

— «...министерства недополучают большое (Ст. — известное) количество продукции».

— «...имеют место многочисленные (вычеркнуто) факты поставки потребителю недоброкачественных изделий и товаров».

— «...нельзя мириться с такими крупными (вычеркнуто) недостатками в работе промышленности».

— «...на предприятиях и особенно на стройках все еще велика (Ст. — имеется) текучесть рабочих».

— «Далее, надо признать, что все еще имеют место факты преступного расхищения и растаскивания (Ст. — разбазаривания) колхозного добра, захвата колхозных земель (вычеркнуто).

— «...появилось много (Ст. — немало) работников, которые забывают...»

Изучение документа выявило вещи более серьезные, чем просто техническая правка. Сталин произвел в докладе Маленкова вставки принципиального характера. Например, им вписано известное заявление Маленкова о решении в СССР зерновой проблемы. Вот оно: «Таким образом, зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»<sup>456</sup>.

Но все эти детали не были известны тогда делегатам съезда, которые в течение его работы с нетерпением ждали выступления вождя. Как известно, он выступил с краткой речью, сказав, по сути, несколько общих фраз жаждавшей его слышать аудитории. Это хорошо передано в воспоминаниях Шепилова: «Весь зал поднялся как наэлектризованный. Громовые овации сотрясали здание дворца. Стоя на трибуне, Сталин внешне безучастно смотрел в пространство. По его лицу нельзя было определить, какие чувства испытывал в этот момент диктатор... Пару раз он поднимал руку, как бы прося аудиторию позволить ему начать говорить. В эти моменты овации удесят�ерялись»<sup>457</sup>.

На XIX съезде КПСС было принято решение о значительном увеличении состава Политбюро, преобразованного теперь в Президиум ЦК. В его состав, избранный съездом, вошли 25 членов и 11 кандидатов. Такого большого количества Политбюро не насчитывало еще никогда. Вскоре Сталин образовал неуставной орган — Бюро Президиума ЦК (во многом по аналогии с Бюро Президиума Совмина), в который не включил Молотова и Микояна. Вспоминая об этих переменах, Хрущев отмечал, что «Президиум фактически не собирался, все вопросы решало Бюро»<sup>458</sup>.

Немало вопросов вызывает согласование кандидатур для включения в состав Президиума и Бюро. Среди них было много новых людей, что, вне всякого сомнения, отражало серьезные намерения Сталина по кардинальному обновлению правящей верхушки. Как отмечал в своих мемуарах Хрущев: «Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и с кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю»<sup>459</sup>. Утверждение Хрущева о том, что

Сталин не знал этих людей, верно лишь отчасти. Сопоставление списочного состава нового Президиума с данными журналов посетителей кремлевского кабинета вождя позволяет установить: Сталин действительно плохо знал только 12 человек (т. е. ровно 1/3 Президиума), которых принимал всего 2—3 раза в жизни или до XIX съезда не видел вообще (как А. Аристова, Л. Мельникова, Д. Чеснокова, Л. Брежнева, Н. Игнатова, А. Пузанова). Все остальные, судя по журналам приема, должны быть ему хорошо известны или, по крайней мере, знакомы<sup>460</sup>.

В фонде Маленкова имеется черновой набросок состава высших органов партии, которые предполагалось создать в ходе работы съезда. В списке намеченных кандидатур в состав ЦК знак вопроса был поставлен (безусловно, по инициативе Сталина) напротив фамилий А. Н. Косыгина, П. К. Пономаренко, М. А. Сулова, а также В. М. Андрианова, А. Б. Аристова, Л. И. Брежнева, А. Я. Вышинского, С. Д. Игнатьева, В. В. Кузнецова, Н. А. Михайлова, Н. С. Патоличева. Вычеркнуты были две фамилии — Микоян и Молотов<sup>461</sup>.

В другом документе из этого фонда приводятся наброски персонального состава Президиума ЦК. Знаком «+» здесь были отмечены фамилии, которые либо не вызвали никаких дополнительных вопросов у Сталина, либо должны были составить в будущем «руководящую группу» членов Президиума: Сталин, Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Хрущев и Сабуров<sup>462</sup>. Все секретари ЦК должны были являться членами или кандидатами в члены Президиума ЦК.

Весьма интересно и распределение обязанностей между членами Президиума ЦК, утвержденное на его заседании 18 октября 1952 г. Были созданы три постоянные комиссии при Президиуме.



Комиссию по внешним делам возглавил Маленков, а в ее состав были включены Брежнев, Вышинский, С. Д. Игнатьев, Каганович, В. В. Кузнецов, Кумыкин, Куусинен, Н. А. Михайлов, Молотов, В. Н. Павлов (ему отводилась роль секретаря комиссии), Первухин, Пономарев, Поскребышев и Суслов.

Во главе комиссии по вопросам обороны был поставлен Булганин, а в ее состав вошли Берия, Василевский, Ворошилов, Г. П. Громов (предполагавшийся секретарем комиссии), С. Е. Захаров, Л. М. Каганович, Н. Г. Кузнецов, В. А. Малышев, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров.

Комиссию по идеологическим вопросам возглавил Д. Т. Шепилов. В ее состав были включены А. М. Румянцев, М. А. Суслов, Д. И. Чесноков, П. Ф. Юдин (для которого Маленковым было дано специальное поручение по осуществлению контроля за работой идеологических журналов)<sup>463</sup>.

На этом же заседании были еще более ослаблены позиции Молотова, Микояна и Булганина. Молотов был освобожден «от наблюдения за работой МИД СССР», а это наблюдение было передано теперь постоянной Комиссии по внешним делам (которую, напомним, теперь возглавлял Маленков). Микоян был лишен обязанностей куратора Министерства внешней торговли и Министерства торговли СССР (этот участок также переходил теперь к Маленкову как председателю Комиссии по внешним делам). Булганин же был лишен контроля над работой военного и военно-морского министерств, так как контроль над этим участком переходил к комиссии, где он хоть и был председателем, но вряд ли мог решить что-либо без одобрения Берии<sup>464</sup>.

Одновременно, по инициативе Маленкова, был создан «единый орган по изучению и распределе-

нию партийных и советских кадров» при Секретариате ЦК, где главную роль играл он сам. Это давало ему в руки контроль над кадрами не только партии, но и государства.

Между секретарями ЦК обязанности оказались теперь распределены следующим образом: Н. М. Пегов отвечал за работу с кадрами; А. Б. Аристов — осуществлял контроль за работой ЦК КП союзных республик, обкомов и крайкомов партии; Н. А. Михайлову было поручено руководство работой в области пропаганды и агитации; Л. И. Брежневу — наблюдение за деятельностью Главных политуправлений военного и военно-морского министерств; М. А. Суслов, Н. Г. Игнатов, П. К. Пономаренко оставались «разъездными» секретарями ЦК, выезжавшими по поручению руководства в регионы (а, по сути, не имевшие никаких непосредственных обязанностей)<sup>465</sup>.

Кроме того, был создан Секретариат Президиума ЦК КПСС во главе с А. Н. Поскребышевым, который непосредственно уже тогда замыкался на Маленкова. Пункт четвертый соответствующего постановления обязывал Секретариат ежедневно докладывать Сталину *или Маленкову* о важнейших вопросах, поднятых в письмах, направленных в ЦК. В составе Секретариата предполагалось иметь шесть секторов: 1-й — общий; 2-й — архив Сталина и Президиума ЦК; 3-й — бывший архив Коминтерна; 4-й — шифровальный; 5-й — письма на имя Сталина; 6-й — хозяйственный. Фактически это было «государство в государстве», имевшее возможность реально управлять всем аппаратом ЦК<sup>466</sup>.

Завершив организационные вопросы, Сталин вновь через два дня (20 октября) собрал членов

нового Президиума. На этот раз он выступил перед ними с содержательной речью, где раскрыл немало интересных моментов. Их смысл представляется возможным воспроизвести в самых общих чертах по записям Шепилова. Сталин выразил неудовлетворение уровнем и качеством партийно-государственной работы, узким кругозором и недостаточной квалификацией имеющих кадров. Он потребовал серьезного изучения международных проблем, истории развития мировой экономики и сельского хозяйства в частности, для чего необходимо иметь образованных людей со знанием основных мировых языков. Смелее обращаться к вопросам внешней политики, помня, что СССР является мировой державой, не ждать указаний сверху. Сталин потребовал серьезно поднять идеологическую работу, усилить состав редколлегии журнала «Большевик», оказать помощь журналам «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики», покончив с практикой перепечатки в них постановлений партии и правительства и их пустым комментаторством. Все эти мысли произвели сильное впечатление на участников встречи<sup>467</sup>.

Ситуация стала еще более стремительно развиваться после 1 декабря 1952 г., когда состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС (иногда его называют Пленумом ЦК). В настоящее время в архивах (включая и АПРФ) не обнаружены документы с материалами этого заседания. О них лишь упоминает в своих дневниках В. А. Малышев, который пишет о том, что речь Сталина на заседании носила программный характер. Он не просто обрушился с резкой критикой на «американский империализм» и его «сионистских пособников», но и потребовал очередной перестройки органов

государственной безопасности, на которые возложил ответственность за негативные стороны жизни общества. Были вновь заклеены Молотов и Микоян.

О характере принятых на заседании решений известно также из составленной по итогам его работы Записки (от 4 декабря 1952 г.)<sup>468</sup>. В документе отмечалось, что партия «слишком доверяла и плохо контролировала работу Министерства госбезопасности и его органов». Особый акцент делался на то, что «обкомы, крайкомы партии и ЦК компартий союзных республик неправильно считают себя свободными от контроля за работой органов государственной безопасности и не вникают глубоко в существо работы этих органов»<sup>469</sup>. Весьма знаменательным фактом было и то, что авторы документа критиковали партийные организации системы МГБ как в центре, так и на местах за то, что они «не вскрывают недостатков в работе органов МГБ, зачастую поют дифирамбы руководству»<sup>470</sup>. Такая постановка вопроса прямо вела к усилению доносительства и новой волне репрессий в самих органах МГБ, так как в постановлении требовалось «обеспечить развертывание критики и самокритики в организациях, своевременно сообщать руководящим партийным органам вплоть до ЦК КПСС о недостатках в работе министерств, управлений и отдельных работников»<sup>471</sup>. Для этого предлагалось установить впредь такой порядок, чтобы секретари парторганизаций республиканских министерств, областных и краевых управлений МГБ утверждались обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик, а секретари партийных комитетов центрального аппарата МГБ СССР — ЦК КПСС.

Метаморфозы этого документа поразительны.

Сталин пытался использовать его для усиления и без того, казалось, полного личного контроля над органами госбезопасности. Берия спустя три месяца использовал основные положения этого документа при создании объединенного МВД, во главе которого он стал. Маленков в июле 1953 г. включил его основные положения в свой доклад на пленуме ЦК, развенчавшим Берию. Наконец, уже в 1954 г. Хрущев использовал это постановление как отправное при создании КГБ и объяснении необходимости контроля партийного аппарата (который он тогда возглавлял) над деятельностью органов госбезопасности.

После заседания Президиума ЦК 1 декабря 1952 г. был ускорен ряд мер органов госбезопасности по так называемому «менгрельскому делу», за которым вырисовывалась фигура «главного менгрела» — Берии. В «подвешенном состоянии» оказались и другие члены высшего руководства. Начались аресты по «делу врачей». Их справедливо полагали одним из звеньев в готовящейся Сталиным акции по смещению Берии. Более того, по сложившейся практике, при оперативной разработке членов высшего партийного руководства фамилии разрабатываемых не печатались, а вписывались самим министром (или, в зависимости от характера документа, другим ответственным лицом) от руки в готовый текст. Печатать фамилии этих руководителей в документах МГБ начинали лишь тогда, когда вопрос о его предстоящем аресте был уже решен наверху. По данным В. П. Наумова, в оперативных документах МГБ уже во второй половине 1952 г. фигурировали фамилии Молотова, Микояна и Берии.

Значение заседания Президиума ЦК, состоявшегося в день убийства Кирова (1 декабря), имеет

определяющее значение для последних трех месяцев жизни вождя. Именно здесь было объявлено о «деле врачей». В выступлениях руководства МГБ оглашались материалы, касающиеся этого вопроса. Как известно, сообщение по данному делу публиковалось в «Правде» 13 января 1953 г. под заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Среди жертв врачей назывались видные деятели партии и государства: А. Жданов, А. Щербаков, А. Горький, В. Куйбышев, В. Менжинский. «Красной нитью» этого сообщения был вывод о повышении бдительности и борьбе с ротозейством. С этого момента данная тема вводится в активный политический оборот<sup>472</sup>. «Правда» помещает письма трудящихся, адресованные Л. Тимашук, проявившей ту самую бдительность и разоблачившую врагов в медицине. Вот выдержка из одного из них: «Все — стар и млад, если бы было возможно иметь Ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место в рамке, в семейном альбоме»<sup>473</sup>.

История шпиономании, замешанная на изрядной порции антисемитизма, захлестнула советское общество первой половины 1953 г. В информации ЦК КПСС об откликах на сообщение об аресте врачей-вредителей говорилось о повсеместных требованиях увольнять евреев, в школах создавалась нетерпимая атмосфера вокруг учащихся еврейской национальности, люди отказывались посещать врачей-евреев<sup>474</sup>. Волна шпиономании, поднятая властями, была настолько сильна, что продолжилась и после смерти Сталина. В этом смысле не случайно, что арестованный в июне 1953 г. Берия был объявлен не кем-нибудь, а иностранным шпионом, агентом западных спецслужб. В существовавшей обстановке массовой истерии и поис-

ка врагов, возникшей после «дела врачей», по-другому быть не могло. Несомненно, волна шпионomanии была инспирирована самим Сталиным. По всей видимости, это можно квалифицировать как начало конкретных действий по физическому устранению его многолетних соратников по власти — Молотова, Микояна, Ворошилова, Берии и не только. Их смена, возведенная Сталиным в Президиум ЦК, могла занять место ветеранов в любой момент.

Как показывают документы, радикальные кадровые решения могли последовать уже в первые дни марта. Во всяком случае, журнал посетителей кабинета Сталина 2 марта 1953 г. зафиксировал последних его посетителей перед началом болезни. Ими стали неизменный спутник падения высших партийных чиновников председатель Комитета партийного контроля Шкирятов (причем дважды), секретарь ЦК Суслов и заместитель Председателя СМ СССР М. Г. Первухин (введенный 30 августа 1952 г. в состав Бюро Президиума Совета Министров). Показательно, что Берия и Маленков последний раз перед болезнью посетили кабинет Сталина лишь 17 января, а Молотов вообще лишь 1 октября 1952 г.

Все это говорит о том, что смерть Сталина при-шлась как нельзя более кстати многим членам Президиума ЦК. И это вновь ставит вопрос о необходимости внимательного изучения обстоятельств внезапной болезни и смерти Сталина. Сегодня не кажутся абсолютно нелепыми и безосновательными утверждения А. Авторханова и других авторов о возможном убийстве вождя. Во всяком случае, к началу февраля Сталин не жаловался на здоровье, неплохо выглядел, был полон планов. Внезапный инсульт случился именно тогда, когда

все лечащие врачи Сталина оказались под арестом, а начальник личной охраны генерал Власик — под следствием. Еще раньше, в мае 1951 г. были значительно сокращены расходы по Управлению охраны МГБ СССР (предложение исходило от Берии), а начальник личной охраны Сталина генерал Н. С. Власик снят со своей должности. Характерно, что информация о реальных злоупотреблениях Власика служебным положением имелась у Берии давно, но пущена в ход была лишь в нужный момент. О том, что Власик был снят по инициативе Берии, свидетельствуют не только воспоминания самого Власика, но и то, что в состав комиссии по расследованию поступившего на него «сигнала» был назначен именно Берия, а возглавил ее близкий ему Маленков. В сентябре 1952 г. по инициативе Берии П. И. Егоров был заменен на посту начальника Лечсанупра Кремля генерал-майором И. И. Купериным, работавшим начальником медико-санитарного отдела АХУ МГБ СССР и тесно связанным с Берией. Наконец, устранение от должности ближайшего помощника Сталина — А. Н. Поскребышева в канун смерти вождя также наводит на серьезные раздумья. По свидетельству дочери Поскребышева, при аресте ее отца тот произнес весьма знаменательную фразу: «Дни Сталина сочтены. Ему мало жить осталось»<sup>475</sup>.

В личном фонде Сталина имеется фактически две истории болезни (д. 1482 — с 25 марта 1921 по 14 апреля 1952 г. и д. 1483 — с 31 августа 1944 по 9 ноября (?) 1953 г.) и д. 1484 с советами о лечении и жалобами на неправильное лечение вождя (охватывающее период с 4 марта по 4 апреля 1953 г.). В этих важнейших документах обращают на себя внимание многочисленные подчистки, нехватка листов, измененная нумерация страниц. Относят-



ся они к периоду, когда Сталина уже не было в живых.

Напомним, что вплоть до середины 40-х годов серьезных заболеваний у вождя не зафиксировано. Лишь в начале 20-х годов в ходе внутривнутрипартийной борьбы у него на короткий срок была диагностирована неврастения. Суставный ревматизм левой руки имел еще более раннее происхождение (с 1885 г.) и давал о себе знать чаще всего после гриппа.

Болезнь, начавшаяся в ночь с 1 на 2 марта 1953 г., была диагностирована как нарушение мозгового кровообращения (инсульт). Она же указывалась и как непосредственная причина смерти в официальных документах, опубликованных после кончины Сталина. Однако в истории этой последней болезни с самого начала обращают на себя внимание неполадки вовсе не в головном мозге, а в желудке и печени. Врачи отмечали некие изменения мочи, которые консилиум расценил как результат нефросклероза. В первые часы после начала заболевания 2 и 3 марта отмечалось вздутие живота больного, а также рвота. Однако очистку кишечника решили не производить, чтобы «не беспокоить больного»(?!), а рвотную массу впервые за все годы наблюдения первого лица не отправили на специальную экспертизу (чтобы убедиться в отсутствии яда), как это было предусмотрено прежде. 4 марта врачи отмечали новую особенность — «печень выходит из-под ребер на 3 см». После относительно спокойного течения болезни, в 4.55 утра 5 марта у больного появилась икота, в 8.00 — кровавая рвота (данные об этом содержались в дневнике консилиума, но не нашли отражения в официальном бюллетене), а в 11.20 — новые позывы на рвоту. Как отмечали специалисты, «состояние больного сразу резко ухудшилось. Лицо

побледнело. Дыхание стало очень поверхностным, с длительными паузами». Пытаясь разобраться в причинах внезапно открывшейся кровавой рвоты, консилиум в 12.00 пришел к выводу, что «она является результатом сосудисто-трофического поражения слизистой оболочки желудка, связанной с основным заболеванием». В проекте официального заключения консилиума врачей 5 марта, составленного сразу после смерти Сталина, говорилось, что непосредственной причиной его смерти стало внезапно возникшее желудочное кровотечение. Именно оно «способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью». Однако именно эта фраза, равно как и упоминания о кровавой рвоте и других симптомах, связанных с желудком и печенью, были вычеркнуты из окончательного варианта документа чьей-то рукой. В том, что ни один врач, и даже министр здравоохранения, не мог взять на себя ответственность за такой шаг, сомневаться не приходится. Это могло быть лишь одно из высших лиц в государстве.

Патологоанатомическое исследование тела Сталина показало, что ущерб, причиненный кровоизлиянием в мозг, не так велик, как могло показаться: «В области полюса левой височной доли небольшой очаг кровоизлияния, диаметром 0,5 см». Зато в желудке обнаружена «черного цвета жидкость». При вскрытии были обнаружены очаги кровоизлияния не только в желудке, но и в кишечнике.

Поскольку официальные бюллетени о состоянии здоровья генералиссимуса публиковались в открытой печати и горячо обсуждались, особенно среди специалистов-медиков, а в памяти у всех еще было «дело врачей», еще в период болезни Сталина в ЦК стали поступать советы о лечении

вождя, а после его кончины — указания на неправильное лечение.

Так, сотрудники Горьковского мединститута высказывали беспокойство в связи «с целесообразностью применения при высоком давлении и кровоизлиянии тонизирующих средств камфары и кофеина». Некий аноним обращал внимание именно на множественные кровоизлияния в сердечную мышцу и органы брюшной полости, в то время как «кровоизлияние в мозгу ограничилось подбололочечным и внутриузловым. В желудочках мозга кровоизлияния не было».

Самым обстоятельным было письмо врачей Е. Е. Филипповой, А. А. Никонова и Ф. Н. Евлахова, написанное 10 марта. В нем отмечалось, что назначение и подкожное впрыскивание 20%-ного камфарного масла при гипертонической болезни и кровоизлиянии в мозг губительно, опасно и ничем не оправдано, так как оно, «повышая кровяное давление и усиливая сокращение мускулатуры сердца и сосудов, способно лишь выбросить кровь из сосудов головного мозга под мозговую оболочку», что и произошло. Они полагали неправильным и назначение большого кислорода, что вызвало охлаждение тела, спазмы и сокращение сосудов в легких, а это, в свою очередь, повышает кровяное давление и ведет к выбрасыванию крови из мозговых сосудов под мозговую оболочку. Авторы письма обвиняли в неправильном лечении «старых буржуазных профессоров» Тареева, Мясникова и Лукомского и требовали их к ответу. Понятное дело, что власти взяли врачей под защиту.

В то же время вариант готовящегося покушения на Сталина находит отражение и в воспоминаниях его дочери Светланы. Она отмечает, что в феврале 1953 г. состоялся ее последний разговор с отцом по

телефону, в котором он спросил ее о письме некоего Надирашвили, искавшего выход на Жукова или Ворошилова и имевшего некие компрометирующие материалы на Берию<sup>476</sup>. Светлана обращает внимание и на то, что, несмотря на тяжелое состояние отца, высшие чины охраны не предпринимали ничего для оказания помощи Сталину, хотя еще до прихода врачей диагноз («удар») ему поставила даже подавальщица Мотя Бутузова<sup>477</sup>. Светлана Сталина утверждает, что некоторой информацией об участии отдельных членов руководства в устранении отца располагал ее брат Василий, который попытался поделиться своими идеями на этот счет с зарубежными корреспондентами и был именно за это арестован<sup>478</sup>.

Материалы истории болезни Сталина показывают, что в этот критический момент был почему-то изменен традиционный (и проходивший всегда под неусыпным надзором МГБ) порядок лечения главы государства. Особую и до конца не проясненную роль в эти дни сыграл вскоре бесследно пропавший ближайший подручный Берии — Хрусталиев. Некоторое недоумение с точки зрения практической целесообразности вызывает установление Бюро Президиума ЦК КПСС «постоянного дежурства у т. Сталина членов бюро Президиума ЦК»<sup>479</sup>.

На прямой вопрос Ф. Чуева о возможности отравления Сталина во время последней встречи с ним членов Политбюро за столом, Молотов позже отвечал: «Могло быть»<sup>480</sup>. Более того, размышляя о первых месяцах после смерти Сталина, Молотов вспоминал о том, что Берия «на трибуне Мавзолея 1 мая 1953 г. делал такие намеки...», говоря: «Я всех вас спас»<sup>481</sup>.

Наконец, в последний день жизни Сталина

(причем именно в те часы, когда наметилось некоторое улучшение состояния его здоровья) «ближний круг» приступил к дележу власти. Это тема отдельного разговора, но она необычайно важна, так как речь идет о механизмах передачи власти. О том, как все проходило, говорил Молотов на январском Пленуме (1955 г.), подвергая критике Маленкова: «Смерть товарища Сталина. Мы стоим у постели больного человека, который умирает. Надо между собой поговорить, никто не говорит с нами. Здесь есть двое — Маленков и Берия. Мы сидим на втором этаже: я, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович, а они наверху. Они приносят готовые, сформулированные предложения, обращение ЦК, проекты Президиума Верховного Совета, состав Правительства, глава Правительства, Министерства, такие-то Министерства объединить и прочее. Все это принесено нам Берия и Маленковым»<sup>482</sup>. В фонде Маленкова сохранились черновые наброски состава высшего руководства страны. Согласно этим первоначальным планам, лишались своего бывшего веса в партии и правительстве именно те лица, которым наиболее доверял в последний период жизни Сталин, более того, те, кого он всячески выделял в эти месяцы: М. З. Сабуров, М. Г. Первухин и В. А. Малышев. Они должны были утратить посты заместителей Председателя Совета Министров и членов Бюро Президиума СМ СССР. Первухин должен был получить пост министра электростанций (позже, заметим, после своего падения с поста главы правительства на это место был назначен сам Маленков), а Малышев — министра транспортного и тяжелого машиностроения. Характерно, что утверждение этих проектов на совместном заседании высших

партийных и государственных органов состоялось вечером 5 марта, когда Сталин еще был жив!

Для чего понадобилось Маленкову и Берии после нескольких лет подковерной борьбы за власть вновь возводить на ее вершины Молотова, Микояна, Кагановича и других? Думается, главной причиной было именно то, что не знавшие всех перипетий этой борьбы миллионы советских людей по-прежнему видели едва ли не единственным преемником Сталина Молотова, а других старейших членов Политбюро — обязательным окружением любого нового лидера страны. Маленков и Берия справедливо опасались того, что страна может не поддержать иной расклад политических сил в высшем руководстве. И надо сказать, что опасались этого они, конечно, не без оснований — в адрес Молотова после смерти Сталина пришли сотни писем, в которых простые люди выражали недоумение по поводу того, что не он стал новым лидером страны. Кроме того, быстрая реабилитация врачей привела к тому, что в общественном сознании (обладавшим большой инерцией) она вызвала сомнение в правильности этого шага. Люди в письмах Молотову обвиняли Маленкова и Берию в «потворстве евреям» и т. п.

Так или иначе смерть Сталина оказалась весьма кстати как для тех членов Президиума ЦК, кто возглавил бы списки новых «врагов народа» уже к лету 1953 г., так и для тех, кто уже явно заждался власти и стремился скорее получить ее, не дожидаясь возможной опалы.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главное содержание первых послевоенных лет — это приобретение Советским Союзом статуса «сверхдержавы». Данное обстоятельство обусловило многие серьезные изменения в политическом курсе. В первую очередь это касается внешнеполитической сферы. После окончания войны орбита влияния СССР существенно расширилась, советская страна утвердилась в качестве активного игрока на международной арене.

Расставание с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции произошло довольно быстро, надежды на сотрудничество между ведущими государствами мира и прежде всего с Соединенными Штатами Америки остались иллюзиями. В результате отношения СССР с государствами Запада выстроились на основе политики, вошедшей в историю под названием «холодная война». Именно в период 1945—1953 гг. практически в полном объеме произошла выработка советского внешнеполитического курса, существовавшего вплоть до конца 80-х годов. Конфронтационные отношения с Западом, оформленные в этот период, в целом оставались таковыми практически до перестройки. Ожидание полномасштабной войны или крупного конфликта стало тем синдромом, который харак-

теризовал жизнь общества со сталинских времен до конца существования советского государства. Даже курс на мирное сосуществование двух систем, выдвинутый на первый план Хрущевым, зарождался именно на рубеже 40—50-х. К осознанию его необходимости и преимуществ советское руководство пришло еще до «оттепели».

То же можно сказать и об отношениях со странами социалистического лагеря, базовые принципы которых заложены в конце 40-х годов. Впоследствии советская политика здесь и после смерти во многом оставалась сталинской. Происходила лишь ее определенная оптимизация, связанная со смягчением наиболее явных резкостей, допущенных лично Сталиным (например, его неприязнь к И. Тито).

Курс на военное противостояние с Западом стал определяющим для внутренней жизни Советского Союза. Четко выраженная конфронтационная направленность оказала существенное влияние на экономическое развитие страны. Как это не покажется парадоксальным, окончание Великой Отечественной войны стало отправной точкой милитаризации советского общества. С 1946 г. набирает силу производство различного вооружения. Возрастает производство его обычных видов, объем которого превысил уровень военного времени. Разрабатываются новейшие виды оружия — атомная бомба, реактивная техника, радиолокация. На все это тратятся огромные средства разоренной войной страны.

Представление о ВПК как об оборонном секторе народного хозяйства, долгое время господствовавшее в литературе, не выдерживает критики. Обслуживание потребностей военно-промышленного комплекса, фундамент которого фактически зак-



ладывается в период 1945—1953 гг., превращается в главную цель экономического функционирования СССР. Источниками развития ВПК становится все народное хозяйство страны. Ограниченность производства товаров народного потребления, разоренное сельское хозяйство, низкий уровень жизни людей, голод — все это следствие приоритетного положения военной промышленности, обеспечивающей баланс противостояния с капиталистической системой на международной арене. Поддержание статуса сверхдержавы стало очень дорогой ценой для советской экономики, так как она основывалась не на эффективности работы, а на прямом административном перераспределении финансовых и материальных средств в пользу постоянно растущих военных отраслей. Данная экономическая модель, заложенная Сталиным в первые послевоенные годы, определила хозяйственную структуру страны на десятилетия вперед. Последующие руководители советского государства развивали и совершенствовали эту военизированную модель, в первую очередь ориентируясь на нужды и запросы ВПК, что во многом являлось залогом устойчивости их власти.

Исторический этап 1945—1953 гг. следует квалифицировать как исключительно важный для формирования идеологической архитектуры советского режима в целом. С одной стороны, он подводил итог тому, что появилось в политической практике после XVIII съезда ВКП(б) и особенно в период Великой Отечественной войны, с другой — определил те принципы, которые утвердились и оставались базовыми вплоть до середины 80-х годов.

Главным идеологическим стержнем той эпохи являлся вопрос о строительстве коммунизма. Эта наиболее существенная тема коммунистического

учения получила своего рода «новый импульс» на XVIII партийном форуме, который объявил о начале строительства в Советском Союзе высшей фазы общественного развития. Более широкое звучание эти аспекты получили после окончания войны, по объективным причинам прервавшей победную созидательную поступь. Приближение коммунистического завтра становится практическим делом всей партии, всего народа. Однако доктрина строительства нового высшего общества в интерпретации Сталина выглядела не совсем привычно для постулатов марксистско-ленинского учения. Вождь отбросил любые попытки и рассуждения относительно уменьшения роли, а затем и отмирания государства. Данный процесс, прогнозировавшийся классиками научного коммунизма, рассматривался в качестве сущностного признака высшей фазы общественного развития. Но было очевидно, что режим, созданный в СССР, не был готов к подобным воплощениям теоретических разработок марксизма. Не трудно догадаться, как это противоречило его сути, препятствовало всему его жизненному функционированию, а главное — масштабным планам по экспансии большевистской гегемонии в мире. Выход был найден в развитии теории научного коммунизма в исполнении Сталина. Вопросы строительства нового общества он напрямую связал с задачей укрепления государственной власти, армии и разведки. Такие неудобства, как расхождение с идейными ориентирами классиков, вождь объяснял изменившимися конкретно-историческими условиями (по отношению к Марксу и Энгельсу) и смертью Ленина, не успевшего создать цельное учение о государстве.

Концепция построения коммунизма, выдвинутая Сталиным, содержала и другое идеологическое

новшество, основанное на сочетании двух факторов: участия в коммунистическом строительстве и патриотизме. В послевоенные годы патриотом назывался исключительно тот, кто разделял цель и деятельность партии по созданию светлого будущего. Данный сплав получал определение советского патриотизма, патриотизма нового высшего типа с акцентом на великорусскую державность. Использование патриотических мотивов во многом обуславливалось прошедшей войной, потребовавшей мобилизации нравственных и духовных сил народа. Но ставка на патриотизм в такой необычной интерпретации, на наш взгляд, требует более широкой трактовки. По сути, на этой основе создавалась система координат для идеологического противостояния с Западом, обслуживания амбициозных планов Сталина как внутри, так и вовне страны. Все это не совпадало с ленинскими идейными установками, во главе угла которых находились принципы интернационализма. Как известно, Ленин и его соратники делали ставку на мировую революцию в Западной Европе, и в первую очередь в Германии, рассматривая Россию лишь в качестве стартового плацдарма для серьезных и масштабных дел.

Отказавшись от этого, Сталин представил Советский Союз в качестве главного революционного локомотива, прорывающегося в будущее, увлекая за собой целые страны и народы. Подчеркивание державности вызвало к жизни новое отношение к недавнему отечественному прошлому, т. е. царской России. Произошла определенная реабилитация того, что безоговорочно отвергалось и вызывало ненависть у старой большевистской гвардии 20-х годов. Такой подход к историческому прошлому (только героическому и величественному) давал выгодную подпитку державной политике и велико-

русским настроениям. Наиболее значимым поворотом в этом направлении стал пересмотр отношений с русской православной церковью. Подобного больше не наблюдалось в советской истории ни до войны, ни уже после смерти Сталина вплоть до конца 80-х годов. Вождь и здесь пренебрег идеологическими традициями большевизма для достижения сугубо прагматических целей. Использование института церкви, ее международного авторитета представлялось для него более перспективным, чем атеистическая риторика. Необходимо подчеркнуть, что сталинский поворот в отношении церкви так и не был принят значительной частью партаппарата, не одобрявшего заигрывание со своим заклятым врагом, определенным еще Лениным.

Основное содержание советской идеологии послевоенного периода состоит в ее приспособлении к обслуживанию сталинских замыслов по установлению мирового господства. Все идеологическое функционирование безотносительно соответствию марксистско-ленинским канонам было подчинено именно этим целям. Путь «мировой революции» в интерпретации Сталина во многом не совпадал с подходами в ее реализации, предлагаемых старой большевистской гвардией 20-х годов. Однако возведение Сталина в ранг классика марксизма-ленинизма решило все эти проблемы. Встав в один ряд с Марксом, Энгельсом и Лениным, вождь получил возможность беспрепятственно манипулировать теорией научного коммунизма, ориентируясь исключительно на собственные прагматические цели. Построенное им в послевоенные годы идеологическое здание стало родным «домом» для следующего поколения советского руководства, которое было не в состоянии отказаться от этого сталинского наследия.

В послевоенный период на вершине партийно-государственной иерархии происходили процессы, определившие конфигурацию и векторы внутреннего соперничества на многие годы вперед. Прежде всего можно говорить о постепенном и все более заметном оттеснении представителей старой сталинской гвардии от реальных рычагов власти. Необходимо заметить, что данная тенденция, наметившаяся еще перед началом войны, заняла довольно длительный отрезок времени. В значительной степени это объяснялось «кадровым голодом» в руководстве страны, узостью ближнего сталинского круга. В одночасье заменить Молотова, Микояна, Ворошилова, Кагановича и других не представлялось возможным. Даже падение ленинградской группы в 1949 г., ставшее катализатором в потеснении позиций ветеранов Политбюро, не решило вопрос об их окончательном устранении. Говорить об этом можно только после XIX съезда партии, состоявшегося в октябре 1952 г. На нем произошло резкое расширение состава Президиума ЦК, куда был введен целый ряд лиц, готовых в любой момент заменить выбывших из строя соратников. В результате произошло оформление определенного круга новых кадров, почувствовавших свое перспективное будущее и осознавших роль, отведенную им Сталиным в вытеснении «старой гвардии». Ядро этой группы составили Сулов, Устинов, Косыгин, Брежнев, Патоличев и др. Именно они впоследствии образуют костяк руководителей, безраздельно властвовавших в стране в период «застоя», вплоть до начала 80-х годов. Их роль во внутрипартийной схватке за сталинское наследство можно квалифицировать как определяющую. Ведь «молодые кадры», поддержав Хрущева в борьбе с «антипартийной группой», обеспечили ему необхо-

димый перевес для победы на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Последние годы жизни Сталина, после устранения ленинградской группы, в руководстве страны все более зримо проявлялись две соперничающие между собой силы. Неизменной связке Берия—Маленков начала противостоять группа Булганина—Хрущева. Они были во многом схожи по своему положению в партийно-государственной иерархии. Берия и Булганин занимались вопросами военно-промышленного комплекса, становящегося все более значимой силой мирного общества, способной оказывать влияние на формирование политических раскладов. Маленков и Хрущев хозяйничали в аппарате Центрального Комитета ВКП(б). Причем позиции Хрущева год от года усиливались, особенно это становится заметным после XIX съезда КПСС, когда произошла ликвидация Оргбюро, где председательствовал Маленков. Осенью, зимой 1952/1953 г. Хрущев захватывает многие ключевые позиции в структуре аппарата ЦК, ориентируясь на новое молодое поколение, введенное туда Сталиным. В результате в высших эшелонах власти произошло распределение интересов, связанное с поддержкой группы Маленкова—Берии или Булганина—Хрущева. Необходимо отметить и явное ухудшение положения Берии в последний период жизни Сталина. Об этом свидетельствует начало «менгрельского дела», а также сосредоточение Булганина на кураторстве военно-промышленного комплекса.

Смерть Сталина воспрепятствовала планам по проведению новой чистки в руководстве партии и государства, в ходе которой наверняка бы пострадали и Берия, и «старая гвардия». После марта 1953 г. все они сразу же попытались вернуть таяв-

шие позиции во власти. Однако определяющими уже стали другие тенденции, набравшие силу еще при жизни вождя. Противоречия «старых» и «молодых» кадров после марта 1953 г. приобрели острый характер. Устранение Берии — самого активного игрока в борьбе за сталинское наследство — заметно осложнило положение Маленкова. В своей борьбе с Хрущевым, опиравшимся на молодых сталинских выдвиженцев, Маленков объективно оказался потесненным в сторону ветеранов, с которыми ранее не был замечен в дружбе. В ходе этих процессов образовались две группы: «стариков» с оказавшимся с ними Маленковым, их опорой являлся Совет Министров СССР и Хрущев, ставший лидером новых кадров, концентрировавшихся в аппарате ЦК КПСС. Конфликт между ними разрешился в июне 1957 г. победой Хрущева. Именно к такому ходу событий привела комбинация, начатая в 1952 г. еще Сталиным. Впоследствии эти «молодые кадры», уже переставшие быть молодыми, осуществят переворот по устранению самого Хрущева и уверенно поведут страну.. к ее краху.

Таким образом, период 1945—1953 гг. рассмотрен в книге через призму ключевых направлений — внешней политики, экономики, идеологии, власти. Привлечение к исследованию ранее недоступной источниковой базы позволяет сделать серьезные уточнения относительно значимости данного исторического отрезка для жизни советского общества в целом. Этот период явился, с одной стороны, итогом определенной трансформации режима, начавшейся еще в предвоенные годы, и, с другой — фундаментом для его последующего существования на протяжении десятилетий, вплоть до конца 80-х годов.

Надо заметить, что в советской да и зарубеж-

ной литературе его значение принижено. Эти годы по-прежнему находятся в тени Великой Отечественной войны и особенно «хрущевской оттепели». Объем публикаций, посвященных реформаторству Хрущева, намного превосходит количество исследований по послевоенным годам. На наш взгляд, это нельзя признать правомерным. Оценка периода 1945—1953 гг. как этапа восстановления народного хозяйства страны, преобладающая в историографии последних десятилетий, во многом поверхностна и далеко не исчерпывает содержания данного исторического отрезка. Тенденции, утвердившиеся в это время, были гораздо шире и глубже, чем просто восстановительные процессы. Поэтому с точки зрения выявленной за последнее время документальной базы сводить значение этого периода к данному знаменателю представляется неэффективным. Именно в 1945—1953 гг., а не ранее или позднее, СССР приобрел статус мировой сверхдержавы, с четко выраженной военизированной экономикой, великодержавной идеологией, сложившимся кругом высшего руководства, составившего костяк лидеров на последующие десятилетия. С этих позиций данный этап по отношению ко всей истории советского общества следует квалифицировать как ключевой.



## ПРИМЕЧАНИЯ

### Введение

<sup>1</sup> **Адибеков Г. М.** Коминформ и послевоенная Европа. 1947—1956 гг. — М., 1994. 235 с.

<sup>2</sup> Холодная война. Новые подходы. Новые документы//Под ред. М. М. Наринского и др. — М., 1995. — 400 с.

<sup>3</sup> Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение / Отв. ред. Л. Н. Нежинский. — М., 1995. 512 с.

<sup>4</sup> СССР и холодная война / Под ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. — М., 1995. 312 с.

<sup>5</sup> Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал/Под. ред. Ю. Н. Афанасьева и В. С. Лельчука. Т. 2. — М., 1997.

<sup>6</sup> **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. 265 с.

<sup>7</sup> **Симонов Н. С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М., 1996

<sup>8</sup> **Попов В. П.** Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). Сборник документов. — М., 1992.

<sup>9</sup> **Пихоя Р. Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991 гг. — М., 1998.

<sup>10</sup> **Зубкова Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. — М., 2000. 230 с.

### К главе 1

<sup>11</sup> Коллекция документов Архива президента Российской Федерации (АПРФ).

- <sup>12</sup> Там же.
- <sup>13</sup> См.: **Бережков В.** Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 55; **Риббентроп И.** Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 184, 274.
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>16</sup> См. **Ржешевский О. А.** Война и дипломатия. Документы, комментарии. М., 1998. С. 15—19.
- <sup>17</sup> АПРФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 237. Л. 52—93.
- <sup>18</sup> Цит. по: Коллекция документов АПРФ.
- <sup>19</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>20</sup> Там же.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> См.: Советское государство и право. 1947. № 2. С. 49.
- <sup>23</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>24</sup> См.: **Егорова Н.** «Иранский кризис» 1945—1946 гг. : взгляд из российских архивов. / Холодная война: Новые подходы. Новые документы. — М., 1995. С. 300—301.
- <sup>25</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>26</sup> АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. Д. 467. Л. 15.
- <sup>27</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>28</sup> Там же.
- <sup>29</sup> Там же.
- <sup>30</sup> **Хрущев Н. С.** Воспоминания. М., 1997. С. 438.
- <sup>31</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>32</sup> Там же.
- <sup>33</sup> Там же.
- <sup>34</sup> См. : **Wittner L.** American Intervention in Greece, 1943—1949. — N. Y., 1982. — P. 85—86
- <sup>35</sup> **Гиренко Ю. С.** Сталин — Тито. М., 1991. С. 325.
- <sup>36</sup> См. : **Аникеев А. С.** Противостояние СССР—США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 года//Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 118—119.
- <sup>37</sup> См. **Кирьякидис Г. Д.** Гражданская война в Греции. 1946—1949. М., 1972. С. 278.
- <sup>38</sup> Цит. по: **Джилас М.** Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 130.
- <sup>39</sup> Интересно, что спустя сорок три года (осенью

1991 г.) один из лидеров греческих коммунистов и активистов гражданской войны Манолис Глезос в условиях краха коммунистических режимов в Восточной Европе и СССР, вспоминая о событиях 1946—1948 гг., сказал: «Как хорошо, что мы не победили тогда!»

<sup>40</sup> Подробнее см.: **Семиряга М.** Советская оккупационная политика в Германии//Россия и Германия в годы войны и мира. 1945—1996. М., 1995. С. 369—394.

<sup>41</sup> Цит. по: **Ржешевский О. А.** Указ. соч. С. 22.

<sup>42</sup> РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

<sup>43</sup> Коллекция документов АПРФ.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> **Судоплатов П.** Разведка и Кремль. М., 1996. С. 250.

<sup>46</sup> Коллекция документов АПРФ.

<sup>47</sup> Цит. по: **Судоплатов П.** Указ. соч. С. 415.

<sup>48</sup> Цит. по: **Джилас М.** Лицо тоталитаризма. С. 58.

<sup>49</sup> Коллекция документов АПРФ.

<sup>50</sup> Цит. по: **Судоплатов П.** Указ. соч. С. 277.

<sup>51</sup> Коллекция документов АПРФ.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36.

<sup>54</sup> **Троцкий Л. Д.** Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. — М., 1990. С. 128.

<sup>55</sup> Цит. по: **Корниенко Г. М.** Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1995. С. 32.

<sup>56</sup> Цит. по: **Судоплатов П. А.** Указ. соч. С. 274.

<sup>57</sup> Там же. С. 274—275.

<sup>58</sup> Коллекция документов АПРФ.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Там же.

<sup>61</sup> Там же.

<sup>62</sup> Там же.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> **Судоплатов П.** Указ. соч. С. 277.

<sup>65</sup> Цит. по: **Ярошевский В.** «Господин Сталин, мне остается только умереть...»//Известия. 1998. 4 апр.

<sup>66</sup> Цит. по: **Адибеков Г. М.** Коминформ и послевоенная Европа... С. 53.

<sup>67</sup> РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 91. Л. 44.

<sup>68</sup> Коллекция документов АПРФ.

- 69 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.  
70 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 248. Л. 11-12.  
71 Коллекция документов АПРФ.  
72 Там же.  
73 Там же.  
74 Там же.  
75 Там же.  
76 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 10—11.  
77 Коллекция документов АПРФ.  
78 Там же.  
79 Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 344.  
80 См.: Бережков В. Указ. соч. С. 334—335.  
81 См.: Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 340.  
82 Для легализации делегации Сталин предложил представить ее в печати как маньчжурскую торговую делегацию.  
83 Коллекция документов АПРФ.  
84 Там же.  
85 Там же.  
86 Там же.  
87 Там же.  
88 Там же.  
89 Там же.  
90 См.: Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. С. 41.  
91 Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 437.  
92 Подробнее см.: Ахалкаци Д. С. Коре́йская война (1950—1953) и советско-американские отношения//Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 191—216.  
93 См.: Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 289—290.  
94 Коллекция документов АПРФ.  
95 АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 827. Л. 90.  
96 Там же.  
97 Коллекция документов АПРФ.  
98 АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 828. Л. 14.  
99 АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 347. Л. 65—67.  
100 См. Life. 1960. June 27. P. 96.  
101 АПРФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 829. Л. 71.  
102 Коллекция документов АПРФ.  
103 Там же.  
104 Там же.

- <sup>105</sup> Там же.  
<sup>106</sup> Там же.  
<sup>107</sup> Там же.  
<sup>108</sup> Там же.  
<sup>109</sup> Там же.  
<sup>110</sup> Там же.  
<sup>111</sup> См.: **Ахалкаци Д. С.** Указ. соч. С. 212.  
<sup>112</sup> Там же.  
<sup>113</sup> См.: **Берге И. В.** Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917—1990. М., 1996. С. 118—119.  
<sup>114</sup> Там же. С. 118.  
<sup>115</sup> Коллекция документов АПРФ.  
<sup>116</sup> Там же.  
<sup>117</sup> Там же.  
<sup>118</sup> Там же.  
<sup>119</sup> Там же.  
<sup>120</sup> Правда. 1948. 18 мая.  
<sup>121</sup> Коллекция документов АПРФ.  
<sup>122</sup> Там же.  
<sup>123</sup> См.: **Яковлев А. Н.** От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М., 1984. С. 18.  
<sup>124</sup> Там же. С. 23.  
<sup>125</sup> Правда. 1980. 15 дек.  
<sup>126</sup> **Хрущев Н. С.** Указ. соч. С. 437.  
<sup>127</sup> Там же. С. 439.  
<sup>128</sup> См.: Россия и мир. Ч. 2. М., 1994. С. 213—214.  
<sup>129</sup> См.: **Хрущев Н. С.** Указ. соч. С. 447.  
<sup>130</sup> См.: **Судоплатов П. А.** Указ. соч. С. 368.  
<sup>131</sup> Белое безумие//Московский комсомолец. 1998. 10 марта.  
<sup>132</sup> Правда. 1951. 14 сент.  
<sup>133</sup> Правда. 1952. 13 авг.  
<sup>134</sup> «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома В. А. Малышева//Источники. 1997. С. 140—141.  
<sup>135</sup> Коллекция документов АПРФ.  
<sup>136</sup> Там же.

## К главе 2

- <sup>137</sup> См.: **Выщан М. А.** Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства//Советская

деревня в первые послевоенные годы. М., 1978; **Гвоздев Б. И.** Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945—1948 гг.)//Вестник МГУ. М., 1971.

<sup>138</sup> Такие же настроения преобладали и в США. См.: **Киссинджер Г.** Дипломатия. М., 1997. С. 446.

<sup>139</sup> См.: Правда. 1946. 10 февр.

<sup>140</sup> См.: **Симонов Н.** Военно-промышленный комплекс в СССР в 1920—1950-е годы. М., 1996. С. 202—203.

<sup>141</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 1741. Л. 119.

<sup>142</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 1741. Л. 105.

<sup>143</sup> О деятельности этих комитетов см.: **Быстрова И. В.** Военно-промышленный комплекс СССР//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. С. 150—189.

<sup>144</sup> Создание первой советской ядерной бомбы. М., 1995. С. 15.

<sup>145</sup> ГАРФ. А-374. Оп. 2. Д. 112. Л. 11.

<sup>146</sup> Правда. 1946. 11 февр.

<sup>147</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 278. Л. 1; Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1948.

<sup>148</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 168. Л. 140.

<sup>149</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 115. Л. 49.

<sup>150</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 115. Л. 49.

<sup>151</sup> Правда. 1946. 29 авг.

<sup>152</sup> См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946—1952 гг. М., 1958. С. 254.

<sup>153</sup> Там же. С. 254—256.

<sup>154</sup> См.: **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. Докт. дис. М., 1996.

<sup>155</sup> См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... С. 259.

<sup>156</sup> См.: **Попов В. П.** Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. Тамбов, 2000. С. 90.

<sup>157</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3622. Л. 78—83.

<sup>158</sup> См.: Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 66—68.

<sup>159</sup> **Зверев А. Г.** Записки министра. М., 1973. С. 229.

<sup>160</sup> Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 5 т. Т. 3. 1941—1952 гг. М., 1968. С. 362.

<sup>161</sup> Там же. С. 366.

<sup>162</sup> См.: Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1959. С. 246.

<sup>163</sup> РГАЭ. Ф. 8591. Оп. 1. Д. 1039. Л. 19.

<sup>164</sup> Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда, 1983. С. 19.

<sup>165</sup> Российская газета. 1994. 3 авг.

<sup>166</sup> В этом смысле весьма показательны докторские диссертации В. Ф. Зимы и В. Н. Новоселова. См.: **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. Докт. дис. М., 1996; **Новоселов В. Н.** Создание ядерной промышленности на Урале. Докт. дис. Челябинск, 1999.

<sup>167</sup> См.: **Берия С.** Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994. С. 283.

<sup>168</sup> См.: **Новоселов В. Н.** Создание ядерной промышленности на Урале. Докт. дис. Челябинск, 1999. С. 256.

<sup>169</sup> См.: **Конасов В. Б.** Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. 1996. С. 153.

<sup>170</sup> **Сталин И. В.** О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 46.

<sup>171</sup> Труд. 1946. 15 мая.

<sup>172</sup> См.: **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

<sup>173</sup> Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 483—484.

<sup>174</sup> См.: **Зинич М. С.** Будни военного лихолетья 1941—1945. М.: ИРИ РАН, 1994. С. 75.

<sup>175</sup> См.: **Анисков В. Т.** Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993. С. 140—142.

<sup>176</sup> **Горбатов А. В.** Годы и войны. 2-е изд. М., 1980. С. 72.

<sup>177</sup> См.: Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Статсборник. М., 1990. С. 202.

<sup>178</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 75—89.

<sup>179</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30—32.

- <sup>180</sup> Там же. Л. 60.
- <sup>181</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 145. Л. 193.
- <sup>182</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 255. Л. 221.
- <sup>183</sup> См.: **Вознесенский Н. А.** Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 74.
- <sup>184</sup> Цит. по: **Шервуд Р.** Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. Т. 2. М., 1958. С. 626.
- <sup>185</sup> См.: **Попов В. П.** Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. С. 59.
- <sup>186</sup> См.: **Симонов Н. С.** Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920—1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М., 1999.
- <sup>187</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2614. Л. 23.
- <sup>188</sup> См.: **Антошин Ю. Г., Анисков В. Т.** Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1971. С. 146—148.
- <sup>189</sup> См.: **Зеленин И. Е.** Совхозы СССР. 1941—1950. М., 1969. С. 320—323.
- <sup>190</sup> См.: **Богденко М. Л.** Совхозы СССР. 1951—1958. М., 1972. С. 63.
- <sup>191</sup> См.: История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1972. С. 502.
- <sup>192</sup> Правда. 1947. 5 мая.
- <sup>193</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 10.
- <sup>194</sup> Правда. 1947. 7 мая.
- <sup>195</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 489. Л. 335.
- <sup>196</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 489. Л. 337.
- <sup>197</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 489. Л. 390.
- <sup>198</sup> **Мяло К.** Оборванная нить//Новый мир. 1988.
- <sup>199</sup> См.: **Арутюнян Ю. В.** Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 318.
- <sup>200</sup> См.: **Волков И. М.** Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946—1950 годах. М., 1972. С. 21.
- <sup>201</sup> См.: Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1948.
- <sup>202</sup> На рубеже 40—50-х годов доля личного хозяйства колхозников составляла до 70% совокупного дохода двора, в некоторых регионах превышала 90%. Подробнее см.:



**Безнин М. А.** Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950—1965 гг. Вологда, 1990. С. 11.

<sup>203</sup> РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1062а. Л. 84.

<sup>204</sup> См.: **Вербицкая О. М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 137.

<sup>205</sup> См.: **Волков И. М.** Засуха, голод 1946—1947 годов// История СССР. 1991. № 4. С. 3—9.

<sup>206</sup> **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 годов... С. 20.

<sup>207</sup> В течение 1946—1947 гг. экспорт зерна из СССР составил 2,5 млн т. Подробнее см.: **Зима В. Ф.** Голод в СССР 1946—1947 годов... С. 149.

<sup>208</sup> Внешняя торговля СССР (1919—1966 гг.). Сборник статей. М., 1967. С. 88—89.

<sup>209</sup> ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 535. Л. 26.

<sup>210</sup> «Правда». 1947 г. 5 июня.

<sup>211</sup> РГАНИ. Ф. 89. Оп. 57. Д. 20. Л. 12.

<sup>212</sup> См.: **Волков И. М.** Засуха, голод 1946—1947 годов// История СССР. 1991. № 4. С. 11.

<sup>213</sup> См.: Докладная записка министра госбезопасности Молдавской ССР Мордовца министру госбезопасности СССР В. С. Абакумову о последствиях голода в районах Молдавии//АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 349. Л. 115—116.

<sup>214</sup> См.: **Попов В. П.** Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953 гг.). Сборник документов. М., 1993. С. 64.

<sup>215</sup> РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 1589. Л. 5—37; Д. 1609. Л. 1—36; Д. 1582. Л. 1—56.

<sup>216</sup> См.: **Попов В. П.** Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. С. 192.

<sup>217</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 547. Л. 5—6.

<sup>218</sup> См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 472—477; Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. 1948.

<sup>219</sup> См.: **Зубкова Е. Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. С. 67.

<sup>220</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 740. Л. 91.

<sup>221</sup> РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 740. Л. 91—92.

<sup>222</sup> См.: **Вербицкая О. М.** Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946—1950). М. 1992. С. 83

<sup>223</sup> См.: **Вербицкая О. М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 85.

<sup>224</sup> См.: **Волков И. М.** Трудовой подвиг советского народа в послевоенные годы. М., 1972. С. 85.

<sup>225</sup> См.: **Денисова Л. Н.** Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980 гг. М., 1996. С. 140; **Данилов В. П.** Социальная структура советской деревни. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 и 1970 гг.//Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М., 1976. С. 277.

<sup>226</sup> См.: **Попов В. П.** Голод и государственная политика (1946—1947 гг.)//Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 46.

<sup>227</sup> См.: История России. XX век. М., 1997. С. 488.

<sup>228</sup> «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов)/Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации В. П. Попова//Отечественные архивы. 1994. 1. С. 40.

<sup>229</sup> См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 2. М., 1967. С. 775.

<sup>230</sup> Там же. Т. 4. М., 1968. С. 197.

<sup>231</sup> Там же. Т. 3. М., 1968. С. 674.

<sup>232</sup> См.: **Хлусов М. И.** Развитие советской индустрии. 1946—1958. М., 1977. С. 102.

<sup>233</sup> См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 531, 648, 652.

<sup>234</sup> См.: **Волков И. М.** Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы... С. 207.

<sup>235</sup> См.: **Зеленин И. Е.** Совхозы СССР. 1941—1950 гг. С. 192—193.

<sup>236</sup> См.: **Вербицкая О. М.** Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992; **Димони Т. М.** Социальный протест в колхозной деревне. 1945—1960. Вологда, 1996; **Попов В. П.** Экономическая политика советского государства. 1946—1953 гг. С. 193.

<sup>237</sup> См.: **Малафеев А. Н.** История ценообразования в СССР. М., 1964. С. 267.

### К главе 3

<sup>238</sup> XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 269.

<sup>239</sup> Там же. С. 187.

<sup>240</sup> Там же. С. 169.

<sup>241</sup> Там же. С. 169—170, 174.

<sup>242</sup> Там же. С. 639.

<sup>243</sup> Большевик. 1945. № 17. С. 3.

<sup>244</sup> Правда. 1946. 16 марта.

<sup>245</sup> См.: По пути к коммунизму//Правда. 1949. 9 февр.; Советская женщина — активный строитель коммунизма//Правда. 1949. 17 февр.; Партия Ленина — Сталина ведет нас к коммунизму//Правда. 1949. 10 марта; К новым успехам в борьбе за коммунизм//Правда. 1951. 2 янв. и др.

<sup>246</sup> XI съезд ВЛКСМ. 29 марта — 7 апреля 1949 г. Стенографический отчет. М., 1949. С. 14.

<sup>247</sup> См.: **Сталин И. В.** Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 66—67. Помимо теоретических рассуждений Сталин прибегал и к образному изображению пути в коммунизм. Например, в беседе по вопросам политэкономии, состоявшейся 15 февраля 1952 г., он говорил: «Никакого особого „вступления в коммунизм“ не будет. Постепенно, сами не замечая, мы будем въезжать в коммунизм. Это не „вступление в город“, когда „ворота открыты — вступай“»//РЦХИДНИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.

<sup>248</sup> XIX съезд КПСС. Бюллетень 1. М., 1952. С. 105.

<sup>249</sup> XIX съезд КПСС. Бюллетень 3. С. 38.

<sup>250</sup> **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 20. С. 291—292.

<sup>251</sup> **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 33. С. 17.

<sup>252</sup> Там же. С. 96.

Особенно удачным Ленин признавал употребление самого термина «отмирание государства», считая, что он отражает суть процесса//Там же. С. 90.

<sup>253</sup> Там же. Т. 36. С. 74.

<sup>254</sup> **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. Изд. 11. С. 604.

<sup>255</sup> Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 171.

<sup>256</sup> См.: **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. С. 603.

<sup>257</sup> **Вышинский А. Я.** Учение Ленина—Сталина о пролетарской революции и государстве//Советское государство и право. 1947. № 11., С. 17.

<sup>258</sup> См.: Советское государство и право. 1948. № 10. С. 35.

<sup>259</sup> Советское государство и право. 1948. № 8. С. 10.

- <sup>260</sup> Вопросы философии. 1949. № 2. С. 28.
- <sup>261</sup> **Козлов Г.** Краткий курс истории ВКП(б) и развитие экономической науки//Вопросы экономики. 1948. № 6. С. 14.
- <sup>262</sup> **Вознесенский Н.** Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 146.
- <sup>263</sup> См.: **Гатовский Л.** О хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства в послевоенный период//Вопросы экономики. 1951. № 3. С. 18—20.
- <sup>264</sup> Советское государство и право. 1947. № 12. С. 12.
- <sup>265</sup> РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 56—57.
- <sup>266</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 607. Л. 196—197.
- <sup>267</sup> Правда. 1947. 7 нояб.
- <sup>268</sup> **Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. С. 590.
- <sup>269</sup> См.: **Вишневский В.** Слово вождя о русском народе//Правда. 1950. 24 мая.
- <sup>270</sup> **Власов И.** О советском патриотизме//Пропагандист и агитатор Красной Армии. 1947. № 5. С. 15.
- <sup>271</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 458. Л. 85.
- <sup>272</sup> Подробнее см.: **Громов Е.** Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 369—456.
- <sup>273</sup> ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 294. Л. 45—46.
- <sup>274</sup> Правда. 1949. 12 мая.
- <sup>275</sup> РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 125. Л. 188; Ф. 17. Оп. 88. Д. 898. Л. 17; Оп. 121. Д. 572. Л. 142—143.
- <sup>276</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 262. Л. 73—74.
- <sup>277</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 458. Л. 36, 78.
- <sup>278</sup> Правда. 1948. 15 июня.
- <sup>279</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 718. Л. 40—50.
- <sup>280</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 459. Л. 24—31, 32—34.
- <sup>281</sup> ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 40. Д. 25.
- <sup>282</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 718. Л. 69.
- <sup>283</sup> Правда. 1948. 21 сент.
- <sup>284</sup> Вопросы философии. 1947. № 1. С. 256.
- <sup>285</sup> Там же. С. 270.
- <sup>286</sup> Правда. 1947. 7 сент.
- <sup>287</sup> См. там же.
- <sup>288</sup> См.: Вопросы истории. 1946. № 12. С. 9—11.
- <sup>289</sup> См.: Вопросы истории. 1947. № 4. С. 120.
- <sup>290</sup> См.: Вопросы истории. 1947. № 9. С. 11, 13—14.
- <sup>291</sup> **Соловьева А.** Великая, малая и белая Русь//Вопросы истории. 1947. № 7. С. 23—30; **Лукиянова П.** Роль Пет-

ра Великого в организации химического производства в России//Вопросы истории. 1947. № 6. С. 72—85; **Бескровный Л.** Система обучения и воспитания армии Петра I//Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1946. № 3. С. 44—52; **Гурвич Д. М. В.** Ломоносов и русская историческая наука//Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3—13; **Сладкевич Н.** К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой//Вопросы истории. 1948. № 6. С. 72.

<sup>292</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1076. Л. 51.

<sup>293</sup> См.: Задачи советских историков в области новой и новейшей истории//Вопросы истории. 1949. № 3. С. 3—13.

<sup>294</sup> См.: Вопросы экономики. 1948. № 9. С. 94.

<sup>295</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

<sup>296</sup> Подробнее об этом см.: **Опенкин Л. А. И. В.** Сталин: последний прогноз будущего//Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 113—128.

<sup>297</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 60.

<sup>298</sup> **Сталин И. В.** Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 40.

<sup>299</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

<sup>300</sup> См.: Вопросы истории. 1947. № 2. С. 7.

<sup>301</sup> Цит. по: **Джилас М.** Лицо тоталитаризма. С. 138.

<sup>302</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

<sup>303</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

<sup>304</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 32.

<sup>305</sup> ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 327. Л. 28.

<sup>306</sup> См.: Журнал Московской патриархии. 1945. № 1. С. 46; № 2. С. 41.

<sup>307</sup> Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 88.

<sup>308</sup> Там же. С. 9.

<sup>309</sup> См.: Правда. 1945. 5, 7 февр.

<sup>310</sup> См.: Журнал Московской патриархии. 1945. № 2. С. 44.

<sup>311</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 2—10.

<sup>312</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 176—177, 185.

<sup>313</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 186; Журнал Московской патриархии. 1945. № 3. С. 27—32.

<sup>314</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 19—34; Журнал Московской патриархии. 1945. № 11. С. 38—42.

<sup>315</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 57.

<sup>316</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 81, 85.

<sup>317</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 79. Л. 17 об.

- <sup>318</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 82.
- <sup>319</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 37. Л. 14, 24.
- <sup>320</sup> См.: Журнал Московской патриархии. 1948. № 12. С. 16.
- <sup>321</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 898. Л. 23, 164.
- <sup>322</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 748. Л. 103—104.
- <sup>323</sup> Журнал Московской патриархии. 1947. № 12. С. 13.
- <sup>324</sup> Журнал Московской патриархии. 1947. № 4. С. 13.
- <sup>325</sup> ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 98, 110; Д. 80. Л. 128.
- <sup>326</sup> Подробнее см.: **Шкаровский М. В.** Последняя атака на русскую православную церковь//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997. С. 340—343.
- <sup>327</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 271. Л. 5—6; Вопросы истории КПСС. 1958. № 2. С. 61.
- <sup>328</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 572. Л. 107.
- <sup>329</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 493. Л. 5.
- <sup>330</sup> **Шепилов Д. Т.** Воспоминания//Вопросы истории. 1998. № 5. С. 3—4.
- <sup>331</sup> См.: Правда Украины. 1949. 16 июня; Советская Молдавия. 1949. 7 февр.
- <sup>332</sup> См.: XI съезд ВЛКСМ. 29 марта — 7 апреля 1949 г. Стенографический отчет. М., 1949. С. 27.
- <sup>333</sup> Правда. 1953. 8 янв.
- <sup>334</sup> РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 125. Л. 196.
- <sup>335</sup> ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 63. Л. 36—37.
- <sup>336</sup> ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 46. Д. 63. Л. 5—6; Д. 101. Л. 44—45.
- <sup>337</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 494. Л. 7; Оп. 122. Д. 253. Л. 11; Правда. 1947. 5 мая.

#### К главе 4

- <sup>338</sup> См.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 29—30, 113—114, 127.
- <sup>339</sup> Цит. по: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 271.
- <sup>340</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>341</sup> Там же.
- <sup>342</sup> Там же.
- <sup>343</sup> Там же.
- <sup>344</sup> Там же.
- <sup>345</sup> Там же.
- <sup>346</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 35.

- 347 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 70—71.
- 348 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 118.
- 349 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 97. Л. 117, 127.
- 350 Коллекция документов АПРФ.
- 351 Там же.
- 352 Там же.
- 353 Там же.
- 354 Правда. 1947. 8 мая.
- 355 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 53—54.
- 356 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 53—54.
- 357 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1471. Л. 5.
- 358 РГАСПИ, ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 3.
- 359 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 244. Л. 6; Оп. 117. Д. 575. Л. 27—28.
- 360 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1055. Л. 71.
- 361 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1056. Л. 24.
- 362 РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 11. Л. 2—3, 9.
- 363 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 190. Протокол 263 решений секретариата ЦК от 16. 05—27. 05. 1946 г. впервые подписан Ждановым//РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 263.
- 364 РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 10.
- 365 В начале августа 1946 г. Маленков утверждается заместителем Председателя СМ СССР и вводится в состав Бюро Совмина ответственным за работу тех ведомств, которые тесно соприкасались с деятельностью возглавляемого им комитета 2— Министерства электропромышленности, Министерства промышленности средств связи и др. (проект постановления написан рукой Сталина)// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 98.
- 366 Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 75.
- 367 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1057. Л. 2
- 368 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1054. Л. 24
- 369 Цит. по: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 322
- 370 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1059. Л. 95 (характерно, что именно эта фраза была выделена в экземпляре проекта постановления, направленном Вознесенскому).
- 371 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. д. 1059. Л. 95.
- 372 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. д. 1059. Л. 95.
- 373 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. д. 1059. Л. 95.
- 374 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. д. 1059. Л. 95.

- <sup>375</sup> См.: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 330.  
Смещение Жукова было предопределено уже тогда, когда западная пресса в конце 1945 г. назвала его наряду с Молотовым возможным преемником вождя. Вопрос о низком моральном поведении популярнейшего советского полководца заслушивался на Политбюро (апрель 1947 г.), где ему поставили в вину приказ о награждении артистки Руслановой орденом Отечественной войны I степени. Он был переведен в командующие Одесским военным округом. В январе 1948 г. Политбюро заслушало вновь вопрос о недостойном поведении и личной нескромности Жукова и рекомендовало назначить его командующим меньшим военным округом//РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1065. Л. 44—45; Д. 1068. Л. 28—29.
- <sup>376</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 261. Л. 3, 10.
- <sup>377</sup> Коллекция документов АПРФ.
- <sup>378</sup> Там же.
- <sup>379</sup> Там же.
- <sup>380</sup> См.: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 271.
- <sup>381</sup> Там же. С. 330.
- <sup>382</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1064. Л. 5.
- <sup>383</sup> **Хрущев Н. С.** Указ. соч. С. 217.
- <sup>384</sup> Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 350—362, 362—368, 505—511, 549—560.
- <sup>385</sup> Плановое хозяйство. 1947: № 1. С. 35.
- <sup>386</sup> См.: Плановое хозяйство. 1948. № 1. С. 47.
- <sup>387</sup> См.: Правда Украины. 1948. 8 апр.
- <sup>388</sup> См.: Плановое хозяйство. 1947. № 2. С. 9; 1948. № 1. С. 19.
- <sup>389</sup> См.: Большевик. 1948. № 15. С. 40—41.
- <sup>390</sup> Правда. 1946. 28 нояб.
- <sup>391</sup> См.: Постановление Правительства СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»// КПСС в резолюциях... Т. 8. М., 1985. С. 160.
- <sup>392</sup> См.: Отчет Вологодского обкома ВКП(б) за 1947 г.// РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 202. Л. 43—44.
- <sup>393</sup> **Пихоя Р. Г.** Советский Союз: история власти. 1945—1991 гг. М., 1998. С. 62.
- <sup>394</sup> Здесь важно заметить: главным стало не то, что данный политический курс ленинградской группы не стал определяющим при жизни Сталина, а то, что попытки его



утверждения в жизнь явились основой более масштабной реализации этого подхода в новых исторических условиях 1953—1954 гг. после смерти вождя. В этом проявился один из парадоксов истории. Ведь свертывание политики «ленинградской команды» по развитию отраслей группы «Б» было подавлено соперничающим с ней кланом Г. Маленкова, выступившего затем в качестве автора той же идеи. В августе 1953 г. с именем Г. Маленкова — нового Председателя Совета Министров СССР — ассоциировалась политика, отвергавшаяся им же четырьмя годами ранее. Интересно и другое: именно за стремление изменить приоритеты хозяйственного строительства в пользу группы «Б» пострадал сам Маленков, когда в 1955 г. был смещен с высшего правительственного поста. Инициатор этого — первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев использовал аргументацию, с помощью которой Маленков когда-то громил группу Жданова—Вознесенского.

Затем вся эта история повторилась в конце 50-х годов с той лишь разницей, что в роли Маленкова образца 1953—1954 гг. выступал Хрущев, уже активно ратовавший за социальную направленность экономики и позабывший свои обвинения в адрес Маленкова, пытавшегося в свое время делать то же самое. Чем объяснить подобные повороты политической жизни? На наш взгляд, определяющим здесь было желание того или иного лидера использовать популярный политический курс для закрепления своей главенствующей роли в руководстве партии и правительства, подкрепить свои позиции народными симпатиями. Этим же объясняется и активное противодействие тем, кто выдвигал данный курс со стороны конкурирующих группировок. Переориентация советской экономики с ее ярко выраженным военизированным характером, придание динамики ее развития социальной направленности не могла не быть привлекательной в условиях хронического товарного дефицита. Очевидно, что объективно советская экономика должна была развиваться именно таким образом. Это хорошо осознавало высшее руководство страны, о чем и свидетельствует неизменное возвращение новых лидеров к попыткам утвердить социальную направленность в хозяйственной практике, происходившее во второй половине 40 — 60-х годах. Между тем в этот период на Западе полным ходом шло формирование об-

щества массового потребления, где удовлетворение потребностей людей являлось не пропагандистской целью, а главным смыслом экономического функционирования.

<sup>395</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1066. Л. 13.

<sup>396</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 144, 46, 39.

<sup>397</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 45.

<sup>398</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 90.

<sup>399</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 89, 93.

<sup>400</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 476. Л. 25—28.

<sup>401</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 21, 26—27.

<sup>402</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633. Л. 27—109.

<sup>403</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 633. Л. 27—29.

<sup>404</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 32—35.

<sup>405</sup> Одним из первых такую интерпретацию этого документа предпринял отечественный исследователь Г. В. Костырченко. См.: **Костырченко Г. В.** Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов//Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997. С. 97—98.

<sup>406</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 274. Л. 10.

<sup>407</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 272. Л. 1—2.

<sup>408</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 991. Л. 175—178, 179—180.

<sup>409</sup> ЦХДМО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 552. Л. 4—10; Д. 553. Л. 17—25.

<sup>410</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1001. Л. 218—219.

<sup>411</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 330. Л. 69.

<sup>412</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 620. Л. 43, 44, 45.

<sup>413</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 620. Л. 105—132. Подробно об этом конфликте см: **Медведев Ж.** Взлет и падение Лысенко (1926—1966 гг.). М., 1993.

<sup>414</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

<sup>415</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 25.

<sup>416</sup> Исторический архив. 1996. № 5-6. Л. 40.

<sup>417</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 28—29; Оп. 116. Д. 365. Л. 21—30.

<sup>418</sup> Обстановка на вершине власти в то время воспроизведена в мемуарах Н. Хрущева: «В нашем государстве полагается, чтобы серьезные вопросы обсуждались на Политбюро или в Совете Министров... Но этого не было и в помине. Никаких заседаний не созывалось. Собира-

лись у Сталина члены Политбюро, выслушивали его, а он на ходу давал директивы. Иной раз и он заслушивал, если ему нравились их мнения, или же рычал на них и тут же, никого не спрашивая, сам формулировал текст постановления либо решения ЦК или Совета Министров СССР, после чего оно выходило в свет. Это уже сугубо личное управление, это произвол. Не знаю, как и назвать это, но это факт»//Хрущев Н. С. Воспоминания. С. 224—225.

<sup>419</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 378. Л. 13—16.

<sup>420</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 35—36, 60; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

<sup>421</sup> См.: Шепилов Д. Т. Воспоминания//Вопросы истории. 1998. № 6. С. 16.

<sup>422</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 108; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

<sup>423</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 4—5.

<sup>424</sup> Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995. С. 126; Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 гг. М., 1997. С. 515.

<sup>425</sup> См.: Правда. 1949. 2 апр.; 28 июня.

<sup>426</sup> См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 109.

<sup>427</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1074. Л. 59.

<sup>428</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 29; Д. 1076. Л. 46—47; Д. 1080. Л. 3.

<sup>429</sup> См.: Исторический архив. 1996. № 5-6. С. 49—53.

<sup>430</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 9—13; Доронин П. Вопросы организации труда в колхозах//Партийная жизнь. 1948. № 1. С. 15—23.

<sup>431</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 21—47.

<sup>432</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 475. Л. 1; Д. 490. Л. 2—3.

<sup>433</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 3.

<sup>434</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 673. Л. 3.

<sup>435</sup> Правда Украины. 1948. 28 мая.

<sup>436</sup> См.: Попов В. П. Незвестная инициатива Хрущева//Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 31—38.

<sup>437</sup> Правда Украины. 1949. 5 окт.

<sup>438</sup> Правда. 1950. 11 апр.

<sup>439</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 2—7; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 43—44. На XIX съезде КПСС Маленков вспоминал об этом случае: «...отдельные наши руководящие работники... допускали неправильный, потре-

бительский подход к вопросам колхозного строительства. Они предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки... и создать на новых местах «колхозные города», «агрогорода»... Ошибка этих товарищей состоит в том, что они забыли о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах... Партия своевременно приняла меры по преодолению этих неправильных тенденций в области колхозного строительства»//XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. С. 60—61.

<sup>440</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1078. Л. 11; Д. 1087. Л. 56.

<sup>441</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080. Л. 93.

<sup>442</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1088. Л. 2.

<sup>443</sup> Цит. по: **Ракоши М.** Воспоминания//Исторический архив. 1998. № 3. С. 17.

<sup>444</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 278. Л. 110, 144.

О таком характере заседаний ПБ в послевоенный период сообщает в своих мемуарах и М. Ракоши: «Месяцев за 8 до своей смерти Сталин на одном из обедов в Президиуме ЦК КПСС, что при тогдашних условиях, очевидно, означало и заседание Президиума либо заменяло его, объяснял мне, что нужно активнее выдвигать на передний план значение государственной власти»//Исторический архив. 1998. № 3. С. 16.

<sup>445</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.

<sup>446</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1093. Л. 36—39.

<sup>447</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1093. Л. 36—39.

<sup>448</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 680. Л. 2—3.

<sup>449</sup> См.: Правда. 1953. 20 янв.

<sup>450</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 684. Л. 2—4; Д. 686. Л. 9; Д. 687. Л. 1; Д. 690. Л. 2.

<sup>451</sup> См.: Правда. 1952. 27 сент.

<sup>452</sup> РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 27. Л. 65.

<sup>453</sup> РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 27. Л. 18—19.

<sup>454</sup> XIX съезд КПСС. Бюллетень № 10. М., 1952. С. 59.

<sup>455</sup> РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 6. Л. 26—27, 30, 40, 63; XIX съезд КПСС. Бюллетень № 1. М., 1951. С. 25, 31—32, 34, 47.

<sup>456</sup> РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 6. Л. 35 об-36; Бюллетень № 1. С. 54.

Заявление о решении зерновой проблемы впоследствии так комментировалось Хрущевым: «На XIX съезде партии Маленков заявил о полном и окончательном разрешении зерновой проблемы в нашей стране. На самом деле валовой сбор зерновых культур по всем категориям хозяйств в среднем за 1949—1953 гг. составил 4,9 млрд пудов. После съезда в ЦК партии стали поступать письма, в которых люди спрашивали: если зерновая проблема решена и зерна в стране достаточно, то почему хлеб продается с примесями? Тогда Сталин созвал заседание Президиума ЦК и грозно обвинял многих работников чуть ли не во вредительстве, потребовал ответить, почему мало хлеба. Будучи оторванным от народа, он не знал, что продавать больше нечего, что тот хлеб — это суррогат// Пленум ЦК КПСС. 5—9 марта 1962 г. Стенографический отчет. М., 1962. С. 18.

<sup>457</sup> Шепилов Д. Т. Воспоминания//Вопросы истории. 1998. № 7. С. 27.

<sup>458</sup> Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 262.

<sup>459</sup> Там же.

<sup>460</sup> См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Алфавитный указатель//Исторический архив. 1998. № 4.

<sup>461</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2. Л. 202—207.

<sup>462</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2. Л. 208.

<sup>463</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.

<sup>464</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

<sup>465</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 72.

<sup>466</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 7. Л. 75—76. Попутно заметим, что этот важнейший рычаг управления партийными делами сохранялся в руках Маленкова вплоть до осени 1954 г., когда ему на смену пришел созданный Хрущевым Общий отдел ЦК. Добавим также, что по ленинской традиции председательствующим на заседаниях Политбюро (Президиума) ЦК являлся руководитель правительства. Ему, по сути, и должен был подчиняться Секретариат. Таким образом, сосредоточение в руках Маленкова рычагов партийной власти создавало для него и некий трамплин для последующего наследования поста главы правительства.

<sup>467</sup> См.: Шепилов Д. Т. Воспоминания//Вопросы истории. 1998. № 7. С. 33—34.

По итогам этого разговора вскоре принято решение ЦК об освобождении от должности главного редактора журнала «Большевик» П. Федосеева, из состава редакции выводились Г. Александров и М. Иовчук//Правда. 1952. 24 дек.

<sup>468</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58—59.

<sup>469</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

<sup>470</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

<sup>471</sup> РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

<sup>472</sup> См.: Покончить с ротозейством в наших рядах// Правда. 1953. 18 янв; Свободные народы повышают бдительность//Правда. 1953. 27 февр; Ротозеи — пособники//Правда. 1953. 31 янв; Бдительность — наше оружие//Правда. 1953. 8 февр. и др.

<sup>473</sup> **Чечеткина О.** Почта Лидии Тимашук//Правда. 1953. 20 февр.

<sup>474</sup> ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 151. Д. 13. Л. 1.

<sup>475</sup> Цит. по **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 325.

<sup>476</sup> См.: **Аллилуева С.** 20 писем другу. Воспоминания дочери. М., 2000. С. 215—217.

<sup>477</sup> Там же. С. 217.

<sup>478</sup> Там же. С. 219.

<sup>479</sup> РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1486. Л. 1.

<sup>480</sup> Цит. по: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 324.

<sup>481</sup> Цит. по: **Чуев Ф.** Сто сорок бесед с Молотовым. С. 327—328.

<sup>482</sup> РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 136. Л. 125.

## **СОДЕРЖАНИЕ**

Введение .....	3
Глава 1 СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ .....	13
Глава 2 ВОЕННЫЕ ПРИОРИТЕТЫ МИРНОЙ ЭКОНОМИКИ .....	105
Глава 3 ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА: УТВЕРЖДЕНИЕ НОВЫХ ПАРАМЕТРОВ .....	156
Глава 4 КОНФИГУРАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЛАСТИ .....	208
Заключение .....	287
Примечания .....	297

**Александр Владимирович Пыжиков**

**Александр Анатольевич Данилов**

**РОЖДЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ  
1945—1953 годы**

Редактор *М. Щепетова*

Художественный редактор *И. Суслов*

Технический редактор *Н. Ремизова*

Корректор *Л. Логунова*

Лицензия ИД № 05480 от 30.07.01.

Подписано в печать 14.01.02.

Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 7000 экз.

Изд. № 01-3826-ДО. Заказ № **3075**.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»  
103473, Москва, Краснопролетарская, 16